

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2024. Т. 69, № 3

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2024. Т. 69, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Гниломедов** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. Е. Гучок** – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- Т. И. Довнар** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хюнг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69, № 3.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *Н. И. Кацуба*

Подписано в печать 04.07.2024. Выход в свет 29.07.2024. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 70 экз. Заказ 131.

Цена номера: индивидуальная подписка – 14,01 руб., ведомственная подписка – 32,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2024

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2024, vol. 69, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belski – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of
Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vladimir V. Gnilomedov – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institu-
tion “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Be-
larus”, Minsk, Belarus

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Be-
larus

Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center for
the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Be-
larus”, Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Veronika N. Yarmolinskaya – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Editorial Council:

Aleksandr N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia

Gerd Hentsthal – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany

Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland

Aleksey Ye. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus

Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia

Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia

Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland

Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2024, vol. 69, no. 3.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 04.07.2024. Published on 29.07.2024. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 70 copies. Order 131.
Number price: individual subscription – BYN 14.01, departmental subscription – BYN 32.74.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2024

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Данилов А. Н., Лазаревич А. А. Философ, конструирующий эпоху (К 90-летию со дня рождения академика В. С. Стёпина).....	183
Бабосов. Е. М. Все мы родом из детства	191

ГІСТОРЫЯ

Куличенко В. В. Имущественное положение Православной церкви на территории БССР (1917–1939).....	200
--	-----

МОВАЗНАЎСТВА

Снігірова Н. А. Да пытання аб парадыгмальнай узаемаабумоўленасці кантактнай і арэальнай лінгвістыкі	213
--	-----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. О преемственности в музыкальном авангарде	221
--	-----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Барысюк Т. П. Специфика рубаи ў беларускай паэзіі канца XX – пачатку XXI ст.	230
--	-----

ПРАВА

Шахновская И. В. Трансформация института местного самоуправления в условиях цифровизации: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации.....	241
---	-----

РЭЦЭНЗІІ

Развадоўская Н. А. Гісторыю твораць асобы	250
Русілка В. І. Кніга, якую хочацца чытаць і перачытваць	256

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Сцяпан Сцяпанавіч Лаўшук (Да 80-годдзя з дня нараджэння)	260
---	-----

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Danilov A. N., Lazarevich A. A.** Philosopher constructing an era (To the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin) 183
- Babosov E. M.** We all come from childhood 191

HISTORY

- Kulichenko V. V.** Property status of the Orthodox Church on the territory of the BSSR (1917–1939) 200

LINGUISTICS

- Snigiriova N. A.** On the issue of paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics 213

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

- Mdivani T. G.** On continuity in the musical avant-garde 221

LITERARY SCIENCE

- Barysyuk T. P.** The specifics of rubai in Belarusian poetry end of XX – beginning of XXI century 230

LAW

- Shakhnovskaya I. V.** Transformation of the institution of local self-government in the conditions of digitization: experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation 241

REVIEWS

- Razvadovskaya N. A.** Personalities create history 250
- Rasilka V. I.** A book that you want to read and reread 256

SCIENTISTS OF BELARUS

- Stepan Stepanovich Lavshuk (To the 80th anniversary Birth) 260

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 101.9+929
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190>

Поступила в редакцию 22.04.2024
Received 22.04.2024

А. Н. Данилов¹, А. А. Лазаревич²

¹Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФ, КОНСТРУИРУЮЩИЙ ЭПОХУ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА)

Аннотация. Анализируется вклад выдающегося современного философа, педагога, организатора науки, академика Российской академии наук, иностранного члена Национальной академии наук Беларуси, почетного профессора Белорусского государственного университета Вячеслава Семеновича Степина (1934–2018), автора фундаментальных работ в области философии и методологии науки, социальной философии, философии культуры и культурологии, которому было дано конструировать эпоху. Отмечаются основные достижения философа: детальный анализ структуры научного знания, создание целостной концепции его динамики; открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории; анализ структуры и функций оснований науки. Ученый представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. С этой точки зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции; разработку концепции философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрытие механизмов, обеспечивающих эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании: выявление и детальный анализ исторических типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука); разработку концепции типов цивилизационного развития, синтезирующую позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Проведен анализ с этих позиций базовых ценностей современной, техногенной цивилизации и разработаны возможные сценарии ее развития. Статья посвящена 90-летию со дня рождения академика В. С. Степина.

Ключевые слова: В. С. Степин, философия, культура, цивилизация, философия и методология науки, социальная философия, философия культуры, эпоха

Для цитирования: Данилов, А. Н. Философ, конструирующий эпоху (К 90-летию академика В. С. Степина) / А. Н. Данилов, А. А. Лазаревич // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 183–190. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190>

Aleksandr N. Danilov¹, Anatoly A. Lazarevich²

¹Belarusian State University, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHER CONSTRUCTING AN ERA
(TO THE 90TH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN V. S. STEPIN)

Abstract. The article analyzes the contribution of the outstanding modern philosopher, teacher, organizer of science, academician of the Russian Academy of Sciences, foreign member of the National Academy of Sciences of Belarus, honorary professor of the Belarusian State University Vyacheslav Semenovich Stepin (1934–2018), author of fundamental works in the field of philosophy and methodology of science, social philosophy, philosophy of culture and cultural studies, which was given the opportunity to construct an era. The main achievements of the philosopher are noted: a detailed analysis of the structure

of scientific knowledge, the creation of a holistic concept of its dynamics; discovery of the procedure for constructive justification and solution of the problem of the genesis of paradigmatic samples as part of the theory; analysis of the structure and functions of the foundations of science. The scientist presented them both as an aspect of the internal structure of scientific knowledge, and as a kind of mediating link between scientific knowledge and cultural tradition. From this point of view, he identified in all components of the foundations of science special layers of meanings that express their sociocultural conditionality and ensure the inclusion of new scientific theories and facts in the flow of cultural transmission; development of the concept of philosophical knowledge as reflection on the basic values of culture, disclosure of mechanisms that provide heuristic and predictive functions of philosophy in scientific research: identification and detailed analysis of historical types of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical science); development of a concept of types of civilizational development that synthesizes the positive content of “formational” and “civilizational” approaches to the analysis of society. An analysis was carried out from these positions of the basic values of modern, technogenic civilization and possible scenarios for its development were developed. Dedicated to the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin.

Keywords: V. S. Stepin, philosophy, culture, civilization, philosophy and methodology of science, social philosophy, philosophy of culture, era

For citation: Danilov A. N., Lazarevich A. A. Philosopher constructing an era (To the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 183–190 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190>

Введение. Как-то на встрече со студентами Вячеслав Семенович заговорил о смысле жизни. Он тогда очень точно сказал: «Понятие смысла жизни определено теми идеалами, ценностями, на которые ориентирован человек. А эти идеалы могут быть разного масштаба. Они меняются на разных этапах развития личности, они меняются с развитием культуры. И все же в них должно быть общечеловеческое, что обеспечивает понимание нас как нашими современниками, так и будущими поколениями, что обеспечивает связь времен» [1, с. 20]. Как правило, люди рождаются в определенную историческую эпоху и чаще всего растворяются в ней. Но есть исключения из этого правила, когда масштаб личности отдельного человека столь велик, а вклад так очевиден, что эпоха называется его именем. Имя философа В. С. Степина (1934–2018) в этом ряду. Вячеславу Семеновичу Степину было дано конструировать эпоху. Эпоха его жизни – это время перемен, могущества и кризиса техногенной цивилизации, время зарождения нового понимания цивилизационных трансформаций. Его идеалы как ученого были столь масштабными, что и после его ухода он остается примером, обеспечивающим связь времен. Именно философия, как он считал, должна отыскать выход из кризисов, определить новые стратегии, новые идеи, ценности, новые мировоззренческие идеи. Только в таком случае философия становится востребованной практически, одна из главных задач которой сейчас как раз и состоит в том, чтобы найти точки роста новых ценностей в кризисной техногенной цивилизации, выявить мировоззренческие основания и общие тенденции человеческой эволюции современного цивилизационного развития.

Основная часть. Наследие В. С. Степина многогранно, проявление его таланта интересно во всем. Эти фундаментальные идеи о структуре научной теории, типах научной рациональности и научной картине мира, постнеклассической методологии сложных саморазвивающихся систем, типах цивилизационного развития уже стали классическими и внесены в научные анналы. В жизни он реализовал себя в полной мере: сумел создать свою научную школу, которая вошла в историю науки как Минская методологическая школа, отстоял Институт философии Российской академии наук, когда над ним нависла опасность его закрытия, обогатил науку работами мирового уровня. А сколько других дел, очень важных для науки и страны в целом, каждодневно творил этот великий мыслитель! Его эпоха – это мир победы разума, мудрости и добра, когда вся жизнь отдана любимому делу без остатка, и это не жертвенность, а счастье созидания, достижение вершин научной мысли, когда твоя работа принимается, кого-то восхищает и влюбляет в дело всей твоей жизни.

В. С. Степин никогда не пожалел о выборе философии в качестве своей специальности. Со временем он все больше погружался в предмет философских исследований, диапазон которых с годами только расширялся, захватывая в том числе и естественные науки, литературу, архитектуру и искусство. Жизнь философа В. С. Степина пришлась на эпоху перемен, и он сумел в своем

творчестве отразить время глобальной нестабильности и социокультурной турбулентности, выразить свое видение «точек роста» новой цивилизации. При этом ученый стремился основываться на ясном представлении о возможном будущем, оценивать и нашу реальность, и наше прошлое с позиции обобщения исторического опыта, традиций, трансформации ценностных ориентаций, поиска ответов на новые вызовы времени и минимизации возможных угроз.

Вячеславу Семеновичу судьбой было предопределено жить и творить в условиях системного кризиса в стране, во время катастроф и разрушений. На его глазах рушился советский мир, однако все эти болезненные катаклизмы не затмили искреннюю и очень крепкую привязанность ученого к белорусской столице – городу Минску. Здесь прожито более сорока лет и именно здесь так много состоялось в его судьбе.

В Беларуси помнят и чтят имя выдающегося ученого. К годовщине его смерти была опубликована книга «Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути...» [2]. В ней освещается жизненный и творческий путь в науке Вячеслава Семеновича, представлены его беседы, интервью, воспоминания современников, архивные документы и редкие фотографии, раскрывающие многогранную деятельность В. С. Степина как ученого и организатора науки. Через два года в этом же издательстве впервые в Беларуси вышла главная монография ученого «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» [3]. Ранее книга выдержала уже несколько изданий в России, была переведена на испанский и английский языки. В ней представлена оригинальная авторская концепция структуры и генезиса теоретического знания, описаны операции построения теории. Анализ проведен на конкретном материале истории естественных и социальных наук. Особое внимание уделено современным способам и формам теоретического освоения мира.

19 августа 2024 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения В. С. Степина. К его юбилею Институтом философии НАН Беларуси вместе с российскими коллегами подготовлена коллективная монография «Эпоха академика В. С. Степина» [4], которая увидела свет в академическом издательстве «Беларуская навука». Прошли мероприятия в Белорусском государственном университете – alma mater Вячеслава Семеновича, где после его смерти открыта мемориальная аудитория, на факультете философии и социальных наук принято решение об учреждении именной премии имени академика В. С. Степина. В Институте философии Российской академии наук ежегодно проводятся Степинские чтения, собирающие ученых из разных стран, подготовлен и постоянно пополняется стенд, посвященный памяти ученого в Музее истории института. Работа по увековечению памяти выдающегося ученого продолжается.

В. С. Степин олицетворял идеал ученого, сформированного советской эпохой. Профессор В. И. Аршинов вспоминал о своих первых впечатлениях об академике: «...Уже тогда невозможно было избавиться от впечатления, что с ним (В. С. Степиным) в нашу философию науки приходит новое качество, качество ее опережающего развития, качество ее становления как конструктивно ориентированного языка междисциплинарного и трансдисциплинарного соучастия философии в развитии познания. Вся творческая биография Вячеслава Семеновича служит тому подтверждением. Интеллектуальная мощь, эмоциональная страстность, творческая энергия, постоянная включенность в обсуждение сложных проблем нашего мира, наконец, талант выдающегося педагога и организатора – все эти личностные качества Вячеслава Семеновича неотделимы от истории философии науки нашей страны, ее достижений конца прошлого и начала нынешнего века» [2, с. 207].

Развитие науки, при всей ее специфике и автономии, не изолировано от широкого социокультурного контекста, в который она погружена. Наука является сложным социально-культурным феноменом, имеющим свою историю возникновения, структурной эволюции, философско-методологической рефлексии. Данный феномен всегда был связан с конкретной исторической эпохой, определялся этой эпохой и активно на нее влиял, формируя культурный и цивилизационный смысл общественного развития. В работах В. С. Степина широко анализируются процессы, определяющие сущность науки в различные исторические периоды. Он показал, что наука не только отражает дух времени, но и активно воздействует на культурные и цивилизационные

стратегии развития общества. Каждая эпоха формирует свой уникальный научный дискурс, который в свою очередь оказывает влияние на общественное сознание, ценности, понимание настоящего и будущего.

Одним из ключевых аспектов рассмотрения науки как социально-культурного феномена является осознание того, что она не существует в вакууме, а всегда взаимодействует с другими сферами человеческой жизни. Влияние науки на технологический прогресс, экономику, мировоззрение и моральные ценности общества делает ее ключевым инструментом формирования культурного и цивилизационного профиля эпохи. Рассмотрение науки в контексте ее истории и взаимодействия с определенными эпохами позволяет глубже понять не только сам процесс развития научных знаний, но и их влияние на тип общества и его культурный ландшафт. В. С. Степин раскрыл не только структуру научно-теоретических знаний, но и показал особенности их возникновения и развития в эпоху классической, неклассической и постнеклассической науки, создав и обосновав в связи с этим концепцию соответствующих исторических типов научной рациональности.

Техногенная цивилизация, также концептуально осмысленная В. С. Степиным, определяется традициями и культурой индустриального общества. Но сегодня уже говорят о постиндустриальном обществе и постиндустриальной цивилизации, информационном обществе и информационной цивилизации, цифровой трансформации и соответствующем типе цивилизации и т. д. Насколько данные концепты адекватно отражают суть происходящих в науке, обществе и культуре изменений? Очевидно, сегодня формируется новый тип социальности, для которого необходимо сформулировать не только соответствующие научные формы концептуального отражения, но и в теоретико-методологическом плане спрогнозировать особенности его проявления на нескольких уровнях. И этому во многом способствуют открытая В. С. Степиным методология построения научной теории, структура и генезис, возможности ее измерения в философии и методологии науки.

Интересным, но чрезвычайно трудоемким представляется метод реконструкции, который активно использовал В. С. Степин в своих исследованиях. Основательная физико-математическая подготовка позволила ученому на ранних этапах своего становления реализовать этот метод в процессе анализа трудов Галилея, Гюйгенса, Кулона, Фарадея, Ампера, Эрстеда, Вебера и выявить некоторые общие приемы построения научной теории. Первой стала реконструкция процесса построения Д. Максвеллом теории электромагнитного поля. Это исследование было проведено Вячеславом Семеновичем совместно со своим университетским другом физиком-теоретиком Л. М. Томильчиком (1931–2023). В итоге были раскрыты основные операции построения развитой теории на этапе классического естествознания. Затем В. С. Степин показал, как изменяется стратегия теоретического поиска в неклассической науке. Для этой цели он осуществил реконструкцию процесса построения квантовой электродинамики, акцентируя внимание на процедурах Бора–Розенфельда, обеспечивших адекватную интерпретацию математического аппарата теории. Ученый досконально разобрался в непростой даже для профессионального физика-теоретика проблеме, причем совершенно самостоятельно, не прибегая к чьей-нибудь посторонней помощи. В результате были выявлены инвариантные, типовые процедуры построения развитой теории и их специфические особенности, отличающие формирование современных (неклассических) теорий от классических образцов.

Далее в своих работах В. С. Степин сформулировал концепцию структуры оснований науки, выделив в качестве компонентов научную картину мира, идеалы и нормы исследования, а также философские аспекты. Он проследил их функции как исследовательской программы в процессах эмпирического и теоретического поиска, их роль в систематизации научного знания и их функции в процессах включения новых научных знаний в поток культурной трансляции. Основания науки здесь предстали одновременно и как аспект внутренней структуры развивающегося научного знания, и как аспект его инфраструктуры, его прямых и обратных связей с культурой определенной исторической эпохи, в контексте которой развивается наука. Важным кластером новых

результатов явилось более глубокое выяснение функций философии в развитии научного знания. Была проанализирована роль философии в обосновании научной картины мира как условия ее онтологизации, а также обоснование идеалов и норм науки, изменяющихся при переходе от классического к неклассическому типу научной рациональности.

В этом анализе была акцентирована прогностическая функция философии, ее способность заранее вырабатывать категориальные смыслы, необходимые для освоения наукой новых типов системных объектов. В свою очередь анализ прогностической функции философии потребовал нового понимания культуры. В. С. Степин предложил рассматривать культуру как сложную исторически развивающуюся систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей). Такое расширение поля задач философии науки было естественным следствием логики ее развития. Идея социальной детерминации науки предполагает анализ развития научного познания в контексте развития цивилизации и культуры.

Уже работая в Институте философии РАН, несмотря на возросший объем организаторской работы, В. С. Степин не прекращал своих научных исследований. Новыми их результатами были концепция типов цивилизационного развития и концепция типов научной рациональности. Основной в творчестве ученого стала книга «Теоретическое знание» (М., 2000; 2-е изд. М., 2003), она переведена на испанский (Stiopin V. S. El Saber Teorico. Universidad Nacional de Educacion a Distancia. Madrid, 2004) и английский языки (Stepin Vyacheslav. Theoretical Knowledge. Springer, 2005). В 2021 г. монография была опубликована в Беларуси академическим издательством «Беларуская навука» [3].

Традиционно в методологии науки исходной единицей анализа была отдельно взятая теория и ее отношение к опыту. В подходе В. С. Степина в качестве базовой единицы рассматривается вся система теоретических знаний научной дисциплины в их связях с эмпирическими знаниями этой дисциплины. Данный подход стимулировал анализ становления новых научных теорий не только в аспекте внутродисциплинарных связей, но с учетом междисциплинарных взаимодействий. Применение этой методологии привело к разработке ученым перспективной концепции структуры и исторической динамики научного знания, имеющей широкий круг приложений не только в естествознании, но и в технических и социально-гуманитарных науках. В монографии «Теоретическое знание» прослежено, как осуществлялся переход от преднаучных знаний, ориентированных на решение практических задач своей исторической эпохи, к исследованию объектов и процессов, освоение которых становится возможным только в практике будущего. Этот переход был связан с формированием теоретического уровня научного познания. С этой точки зрения в книге проанализированы социокультурные предпосылки становления математики как теоретической науки; прослежено, как формировалась в контексте мировоззренческих установок европейская культура Нового времени, конституирующая идеи естествознания – соединения математического описания природы с экспериментом как методом ее исследования; выявлены социокультурные истоки формирования теоретического уровня знаний в технических и социально-гуманитарных науках.

В монографии особое внимание уделено процессам трансформации оснований в эпоху научных революций. В. С. Степин предложил новый подход, в котором трансформации парадигмы описываются в терминах логики открытия и прослеживаются преемственные связи между историческими типами парадигмальных оснований науки. Этот подход привел к двум новым методологическим результатам. Глобальные революции характеризуются как смена типов научной рациональности. В качестве таких типов научной рациональности В. С. Степин выделил классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность, где описал четкие признаки различения типов научной рациональности при наличии общих для всех них признаков, отличающих науку от других форм человеческого познания, соответственно прослеживая различие в интерпретации в каждом из типов рациональности идеалов и норм исследования и его философских оснований.

Далее в своем научном поиске В. С. Степин сосредоточился на проблематике философской антропологии и философии культуры, где представил экспликации современной картины социальной реальности как неотъемлемого компонента научной картины мира, которая синтезирует представления о развитии природы с представлениями о структуре общества и его исторической эволюции. В картине социальной реальности общество рассматривается как сложная система, которая исторически развивается во взаимодействии трех основных ее подсистем: экономики, социальных отношений людей в малых и больших социальных группах, культуры. Прослежена внутренняя логика исследований роли культуры в человеческой жизнедеятельности, функций культуры в воспроизводстве и развитии общества. Особо акцентированы проблемы культурно-генетических кодов, определяющих особенности различных видов цивилизаций и объединяющих их типов цивилизационного развития.

В. С. Степин показал, что фундаментальные ценности техногенного типа развития включали понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир. В культурах техногенных обществ утвердился идеал приоритета инноваций над традициями; возникло отношение человека к природе как к своего рода полю для преобразующей деятельности, как к неисчерпаемому резервуару ресурсов; идеал власти понимался не только как господство человека над человеком, но преимущественно как господство человека над объектами (природными и социальными). Ни одна из традиционалистских культур не приняла бы системы этих жизненных смыслов и ценностей. В традиционалистском типе развития доминировала иная, альтернативная техногенной, духовная матрица ценностей. Идея господства человека над природой была чужда сознанию людей традиционалистских обществ. В их культуре доминировало понимание окружающего мира как живого организма, в который включен человек и который должен стремиться к гармонии с миром, а не к его подчинению своей власти.

В своих исследованиях В. С. Степин показал ограниченность современного техногенного развития, связанного с доминированием потребительского начала, которое непременно приведет к обострению экологического и антропологического кризисов. Отсюда следует вывод о необходимости кардинального изменения стратегий развития, что в свою очередь предполагает поиск новых ценностей. Академик высказал предположение, что в этих поисках важнейшую роль могут сыграть общества, сохранившие в процессе модернизации некоторые ценности традиционалистского типа. В аспекте проблемы поиска новой системы ценностей ученым анализируются современные изменения в различных сферах техногенной культуры – в обыденном сознании, искусстве, науке, философии, правовом сознании, религии. Особое внимание уделено анализу современных тенденций развития российской культуры.

Вячеслав Семенович предложил новую интерпретацию фазовых переходов в социальном развитии. Обычно эти переходы описываются феноменологически, интегрально, как возникновение порядка из динамического хаоса. Он предпринял попытку структурного описания таких переходов в терминах саморазвивающихся систем.

Заключение. Таким образом, сформулируем основные результаты деятельности академика В. С. Степина в философском осмыслении глобальной эволюции человеческого развития:

проведен детальный анализ структуры научного знания, создана целостная концепция его динамики;

открыта процедура конструктивного обоснования и решена проблема генезиса парадигмальных образцов в составе теории;

проанализирована структура и функции оснований науки. Ученый представил их как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. С этой точки зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции;

разработана концепция философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрыты механизмы, обеспечивающие эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании;

выявлены и детально проанализированы исторические типы научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность);

разработана концепция типов цивилизационного развития, синтезирующая позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Осуществлен анализ с этих позиций базисных ценностей современной техногенной цивилизации и возможных сценариев ее развития.

В. С. Степин считал, что у каждого поколения существует свой опыт и свои проблемы. Молодым людям, поступающим сегодня в университеты, предстоит жить и работать в середине XXI столетия. Если учесть сегодняшнюю эпоху ускоряющихся социальных перемен, трудно предвидеть конкретные жизненные проблемы, которые им придется решать. Но можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. А это уже является предметом философского анализа, который в свою очередь предполагает системное мышление.

Такое мышление не возникает само по себе в обыденном сознании. Оно формируется в процессе обучения, причем обучения особым образом организованного, основанного на изучении фундаментальных наук. Сегодня поиск новых и перспективных путей образования и воспитания становится фактором сохранения и развития человечества, цивилизации и культуры в условиях растущих угроз разрушения фундаментальных основ цивилизационной жизни и даже самоуничтожения человечества.

Эпоху, в которой жил и творил академик В. С. Степин, он считал звездным часом для философии, так как видел востребованность философии в прогнозировании и программировании будущего. Завещанием для потомков стали следующие слова ученого: «Что-то мы сделали, что-то сделают другие. Важно, чтобы работа не прекращалась...». Наследие В. С. Степина огромно и по-настоящему еще не освоено. Верится, что и новые поколения ученых сполна используют открытия выдающегося философа, а жизненный подвиг Вячеслава Семеновича станет примером для подражания, таким, каким является для нас, его современников. В. С. Степин являлся философом, которому было дано конструировать эпоху.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. О смысле жизни: диалог философов в студенческой аудитории / В. С. Степин, А. А. Гусейнов // День знаний в Университете: 1 сентября 2012 года / С.-Петерб. гос. ун-т профсоюзов. – СПб., 2012. – Вып. 18. – С. 15–20.
2. Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути... / НАН Беларуси, Ин-т философии; сост. А. Н. Данилов; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 286 с.
3. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2021. – 539 с.
4. Эпоха академика В. С. Степина / НАН Беларуси, Ин-т философии; сост.: А. Н. Данилов, Л. Ф. Кузнецова, А. А. Лазаревич; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2024.

References

1. Stepin V. S., Guseinov A. A. On the meaning of life: dialogue of philosophers in a student audience. *Knowledge day at the University: september 1, 2012*. St. Petersburg, 2012, iss. 18, pp. 15–20 (in Russian).
2. Danilov A. N. (comp.). *Academician V. S. Stepin. The secret of the long journey...* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 286 p. (in Russian).
3. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 539 p. (in Russian).
4. Danilov A. N., Kuznetsova L. F., Lazarevich A. A. (comp.). *The era of academician V. S. Stepin*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2024. (in Russian).

Информация об авторах

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: institute@philosophy.by

Information about the authors

Aleksandr N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Sociology. Belarusian State University (9 Kalvariiskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by

Anatoly A. Lazarevich – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: institute@philosophy.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 314+316.74
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199>

Поступила в редакцию 23.05.2024
Received 23.05.2024

Е. М. Бабосов

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Аннотация. В статье осуществляется анализ роли детства как исходного начала в определении и реализации жизненной стратегии, формирования судьбы человека. Выявляется значение семьи как ценности в современных обществах. Рассматриваются основные составляющие и тенденции социодинамики народонаселения Беларуси.

Ключевые слова: социализация, семья, детство, методы воспитания, социодинамика народонаселения

Для цитирования: Бабосов, Е. М. Все мы родом из детства / Е. М. Бабосов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 191–199. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199>

Evgeny M. Babosov

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

WE ALL COME FROM CHILDHOOD

Abstract. In the article the role of childhood as a starting point in the formation and implementation of life strategy, the formation of human destiny are analyzed. The importance of the family as a value in modern societies is revealed. The main components and trends of the sociodynamics of the population of Belarus are considered.

Keywords: childhood, socialization, methods of education, sociodynamics of population

For citation: Babosov E. M. We all come from childhood. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 191–199 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199>

Введение. Каждый человек, входящий в этот мир в раннем младенческом возрасте, мгновенно оказывается втянут, включен в беспредельный калейдоскоп бесконечных световых, звуковых, цветовых, обонятельных, осязательных, вибрационных, гравитационных и иных изменений, происходящих в любые мгновения времени, в любой точке пространства, осуществляющихся в разных направлениях, с реальной скоростью, с поливероятностной периодичностью, протяженностью, повторяемостью, эффективностью и т. д. Вся эта разноформенная, разнородная, многокачественная и полиструктурно воплощающаяся совокупность бесконечных изменений составляет многообразный, вечно трансформирующийся поток феноменов, событий, процессов, движений, действий, составляющих многозвучную, многоцветную, многомерную окружающую реальность, образует внешний мир, в котором происходят формирование и развитие ребенка и который с той или иной степенью интенсивности отображается, воспроизводится органами чувствования и восприятия последнего. На этом многообразном и многокачественном фундаменте выстраивается неповторимый, прекрасный и чрезвычайно важный для всего последующего существования начальный возрастной период жизни человека – *детство*, характеризующееся прежде всего семейной, а затем и общественной социализацией. Она в своей сущности, способах и формах осуществления предстает в качестве процесса усвоения развивающимся индивидом и/или социальной группой образцов поведения, социальных норм, ценностей, особенностей восприятия, осмысления и оценивания внешних реальностей и внутренних самовосприятий, комплексов интересов и мотиваций, информационно-коммуникационных предпочтений и навыков, необходимых для успешного функционирования индивида (группы) в данном обществе.

Основная часть. Важнейшим социальным инструментом воспитательного воздействия на чувства и умы детей во все времена в России (как, впрочем, и в Беларуси) всегда была и поныне остается сказка. В качестве одного из самых убедительных доказательств верности данного суждения приведем замечательное по своей точности и глубине размышление российского писателя и доктора философских наук Генриха Волкова: «Сказки Пушкина, как и некоторые его стихи, ставшие народными песнями, – это обобщенный образ русского человека. Может быть, они – наиболее бессмертное из всего, что он создал. С колыбели они вводят каждого из нас в стихию русского языка, мироощущения, характера, приобщают к истокам народной мудрости» [1, с. 192].

Чтобы нить размышлений о воспитывающей сущности сказки в формировании мировосприятия и мирооценки у трехлетнего-четырёхлетнего ребенка проявлялась более отчетливо и реально, напомним, что детство есть специфическая стадия развития жизненного цикла формирующейся личности от рождения до совершеннолетия. Этот многомерный и многозвенный процесс протекает в его органической событийной сопряженности с непрестанно изменяющимися и совершенствующимися социальными связями и взаимодействиями, в обширной и постепенно расширяющейся сети межличностных взаимодействий со взрослыми, прежде всего с родителями. Важность взаимодействия с родителями определяется постепенным изменением положения и самочувствия ребенка одновременно и как объекта воспитания, и как формирующегося субъекта. Именно здесь создаются условия для возникновения различных индивидуализированных форм модификации и трансформации детства.

Из значительного количества дошедших до нас воспоминаний людей, хорошо знавших Александра Сергеевича Пушкина в пору его раннего детства, чаще других называются его очень энергичная и эмоциональная подвижность и великолепные, большие, чистые и ясные голубые глаза, в которых, казалось, выражалось все прекрасное в природе, белые блестящие зубы и очаровательная, чуть насмешливая улыбка. По словам В. А. Нащёкиной, жены друга поэта, ее всегда поражали особая глубина, задушевность и поэтичность его удивительных глаз, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. То, что делало его Пушкиным, согласно точному определению Г. Н. Волкова, – это «интенсивнейший, ежедневный, поэтический труд, беспрестанная работа саморазвития, самосовершенствования, расширения своих познаний» [2, с. 30].

В каждом произведении А. С. Пушкина, будь то сказка «О мертвой царевне и семи богатырях», о «Царе Солтане и князе Гвидоне», о «Попе и работнике Балде», роман «Капитанская дочка» и многих других, всегда утверждается огромная воспитательная сила мужества, верности, преданности своей родной земле и своему призванию, любимому делу, гневно осуждаются подлость, трусость, измена, предательство, обжорство и пустое, бездумное ничегонеделание.

Носителями благородных качеств, одухотворяющих и возвышающих человека в творениях Пушкина, выступают люди из народа – простые трудяги, сеятели, жнецы, правдолюбцы. У детей, читающих внимательно «Капитанскую дочку», на всю жизнь остается в памяти образ Савельича, который до самопожертвования трогательно и верно любит своего молодого барина. Любит самоотверженно, без расчета на вознаграждение, любит не как холуй, а как старший друг, более умудренный жизненным опытом. Савельич не раб, не холуй, а заботливый, готовый всегда помочь и защитить своего воспитанника товарищ.

Еще более выразителен в этом же произведении образ Емельяна Пугачева, отличающийся мятежностью, широкой удалью, способностью и готовностью идти на риск ради достижения цели, всегда насмешливый, немного плутоватый, обладающий способностью платить добром за добро. Особенно впечатляет читателя детского возраста рассказанная Пугачевым главному герою повести притча об орле и вороне: «– Нет, брат ворон, – говорит орел, – чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст». В ней сквозь насмешливость и плутоватость с отчетливой прозрачностью просматриваются мироощущения, личностное мужество, твердость воли, нравственная вознесённость, высокая душевность русского человека.

Когда мы задумываемся о глубочайшей значимости великого творческого прозрения гениального поэта и великого гражданина о сущности и предназначении вдохновенной поэзии в ее служении своему народу, тогда в нашем воображении выстраивается смысловой диалог с другим поэтическим шедевром певца свободы, света и разума – стихотворением «Пролог», написанным десятью годами ранее. В нем в чувственно осязаемой и умственно оцениваемой форме выражена человеко-возвышающая программа назначения поэта в одной изящно-напевной строке: «Глаголом жги сердца людей» [6, с. 109].

В несколько иной тональности, по сравнению с А. С. Пушкиным, раскрывает в своем творчестве сущность и особенности детства великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В его знаменитом произведении «Детство» эта неповторимая и прелестная пора человеческой жизни предстает перед вдумчивым читателем как зажженная родителями яркая свеча, освещающая своим благотворным сиянием всю последующую жизнь человека. С первых страниц данного повествования автор вводит своего читателя в богатый, удивительный, потрясающий детскую душу мир книг об истории и путешествиях, о войнах и королях. Над книжным богатством господствовал воспитатель главного героя данного произведения – несколько чудаковатый, смешной и беспредельно добрый немец Карл Иваныч в восточном халате и красной шапочке, из-под которой виднелись редкие седые волосы. При всей своей искренней доброте по отношению к воспитанникам и сердитой ворчливости за сделанные мальчиками шалости этот воспитатель, несколько не задумываясь, ставил своих учеников в угол, где висели на стене две линейки, употребляемые более для поощрения, чем для наказания.

А рядом с Карлом Иванычем в гостиной властвовала матушка главного героя, в облике которой выделялись ее карие глаза, выражающие всегда доброту и любовь, и нежная сухая рука, которую дети часто целовали. Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и вокруг нее как будто веселело, вспоминает великий писатель. В том же стиле он рассказывает о своем отце, у которого были две главные страсти его жизни – карты и женщины, подчеркивая, что он любит его почти одинаково, как и своего воспитателя Карла Иваныча.

Подробно и с любовью описывает Лев Николаевич свое участие в детском возрасте в охоте на зайцев вместе со взрослыми. Но гораздо сильнее затронуло его воображение и оставило след в памяти что-то вроде первой любви. С большой привязанностью любил он свою няню Наталью Савишну, которая не только никогда не говорила, но и, конечно, не думала о себе. Вся жизнь ее была любовью и самопожертвованием по отношению к детям своих хозяев (вспомним Арину Радионовну у Пушкина).

Великий писатель и знаток человеческих душ всегда с удивительно грустной теплотой говорил о счастливой поре детства: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни? Где те горячие молитвы? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению...» [9, с. 52]; «Счастливая, счастливая, неповторимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [9, с. 54].

Приведенные высказывания великого романиста – ярчайшее свидетельство художественно-литературного мастерства, более того, гениальности удивительного проникновения писателя в безмятежный и прекрасный мир детства, в многомерность, неповторимость и великую значимость этого феномена и возникающих в процессе его развертывания самонаблюдений для всей последующей жизни человека. А разве можно забыть пронизанное неизгладимым трагизмом и непреодолимой сыновьей любовью описание Львом Николаевичем страшного горя, обрушившегося на маленького мальчика, стоявшего на стуле у гроба, когда в ужасных страданиях умерла его мама, ее величественно прекрасный и поражающий неземным спокойствием, высо-

ким благородством, неразгаданностью тайны уходящего в иной мир человека, исполненный красоты и нежности образ? [9, с. 95].

На страницах толстовского «Детства» перед читателем проходит череда мастерски изображенных обликов тех слуг, которые наряду с матерью, отцом, братьями и сестрами, составляли ближайшее окружение писателя. Все они – и добрый старик Фока, и чрезвычайно заботливая Наталья Савишна, и чудаковатый воспитатель и наставник Карл Иваныч, и приказчик Яков Михайлов, и юродивый странник Гриша, и заезжающий на охоту Турка – простые люди из народа. Блистательно, с доброй усмешкой изображая облик каждого из них, классик художественной литературы воссоздает чувственно воспринимаемый и высоко оцениваемый читателем мир доброжелательного отношения к своим слугам, мир, в котором отвергается низменное лакейское пресмыкательство перед господином, но активно поддерживается доброжелательное ответственное отношение к своему делу и проявляющееся во всем, в стремлениях и поступках, достоинство личности простого человека из народа, готового всегда откликнуться сердцем и делом на беды и страдания других людей, прийти к ним на помощь. Во всех этих образах сказывается глубокая симпатия великого романиста к крепостным слугам, у которых нет принижающего человека лакейства, но во всех их действиях проглядывает достоинство личности и забота о благосостоянии и благополучии другого человека [9, с. 104].

Итак, перед нами две различные по стилю и мысли, по средствам воплощения авторского замысла и оценки значимости детства. Но за этим различием явственно проглядывает всеохватывающее единение в главном – в глубоком проникновении в сущностные, прелестные и неповторимые черты данного феномена, оказывающего благотворное влияние на всю последующую жизнедеятельность каждого человека – *поэзию детства, культуру детства*.

Поэзия детства требует возвышенного поэтического воплощения, мы же ограничимся осмыслением и философской трактовкой *культуры детства*. Несомненным приоритетом в этой сфере обладает Маргарет Мид, знаменитый специалист в области *культуры детства*, разработавшая учение о трех этапах ее развития. В своей замечательной книге «Культура и мир детства» она делает обоснованное и доказательное разграничение «между тремя типами культур – *постфигуративной*, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, *кофигуративной*, где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и *префигуративной*, где взрослые учатся также у своих детей. Постфигуративная культура – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей. Будущее у детей формируется таким образом, что все пережитое их предшественниками во взрослые годы становится также и тем, что испытают дети, когда они вырастут» [5, с. 322]. По твердому убеждению исследователя, «в культурах такого рода каждый объект по своей форме, по тому, как с ним обращаются, как его принимают или отвергают, как им злоупотребляют, как ломают или же воздают ему незаслуженные почести, закрепляет формы производства и потребления всех других объектов. Каждый жест закрепляет, вызывает в памяти, отражает или же оказывается зеркальным образом, эхом любого другого жеста, более или менее полной версией которого он является» [5, с. 323].

В отличие от нее кофигуративная культура характеризуется преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, каковым оказывается поведение их современников. Здесь дети и взрослые учатся у сверстников. Такие культуры присущи периоду «высших цивилизаций». Иммиграция в США и Израиль, считала Мид, – это типичный случай такого включения в культуру, когда от молодежи требуется, чтобы ее поведение резко отличалось от поведения, характерного для культуры их предков. В этом типе культуры старшие не являются более хранителями мудрости или модельного поведения для молодежи, которая сама, порой недостаточно верно, выбирает свой путь [1, с. 258].

Префигуративная культура, где взрослые учатся также у своих детей, утверждала Мид, отражает время, в котором мы живем. Изобретение и широкое применение компьютера, успешное

расщепление атома, открытия в области биохимии живой клетки, объединение всех частей мира реактивной авиацией и телевидением, множество других научно-технических инноваций, по убеждению Мид, привели к возникновению новых социальных механизмов изменения и передачи культуры, принципиально отличных от постфигуративных и кофигуративных. В префигуративной культуре дети стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что их родители и деды не способны их правильно сориентировать, поэтому взрослые чаще учатся у детей, чем дети у взрослых [1, с. 258].

Изумительный по поэтическому погружению в бездну переживаний человеческих чувств и свершений, возвышающий людей и их мужественное воплощение в повседневных ратных подвигах мир мы находим в творчестве самого читаемого и авторитетного фронтового поэта Великой Отечественной войны Константина Симонова. Например, его стихотворение «Сын» своей возвышенной лирикой, задушевной человеческой добротой и незабываемой памятью пронизывает и потрясает творческую душу до беспредельных глубин. Сюжетная линия здесь проста до гениальности. В конце войны, под самым Берлином, на Одерной переправе, на последнем минном поле погибает командир саперного полка, глубоко и преданно любимый своими однополчанами. Ему воздали все заслуженные почести и награды, а жена полковника в Тамбове получила пенсию за погибшего мужа. Но живет еще где-то женщина, которая всю войну прошла рядом с ним. Не боясь лишиться жизни, она выносила его из огня, закрывая своим телом от пуль. Эта женщина стала его любовью в самом начале войны, в сорок первом. Вот пронзительные, как солнечный луч, и живительные, как родниковый источник, слова поэта:

Но живет еще где-то женщина,
Что звалась фронтовой женой.
Не обещано, не завещано
Ничего только ей одной.

Только ей одной да мальчишке,
Что читает первые книжки,
Что с трудом одет без заплаток
На ее, медсестры, зарплату...

...Сплетней душу ему не троньте!
Мальчик вправе спокойно знать,
Что отец его пал на фронте
И два раза ранена мать.

Есть над койкой его на коврик
Снимок одерской переправы,
Где с покойным отцом, полковником,
Мама рядом стоит по праву [7, с. 251–252].

Важный вклад в восприятие, осмысление сущности и значимости детства, в массовое перевоспитание детей-правонарушителей внес широко известный советский педагог и писатель Антон Семенович Макаренко. Он был убежден в том, что в воспитательной работе с детьми должен применяться метод, который, будучи общим и единым, в то же время даст возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность [4, с. 80]. Эта методическая установка органически сопряжена с утверждением, согласно которому воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. По своей трудности правильное воспитание с самого раннего детства по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Совсем другое дело перевоспитание, которое требует и больше сил, и больше знаний, и больше терпения, которые найдутся не у каждого родителя.

Антон Семенович обращал внимание на то обстоятельство, что «индивидуальный подход к детям не означает возню с уединенной капризной личностью. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается,

чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства. Так рождается в ребенке твердость, несгибаемость закаленного характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям» [4, с. 377–378]. Из этого вытекает самый главный вопрос теории и практики воспитания: в чем состоят заключительные цели воспитания? Выдающийся педагог отмечает: «Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому что мы так привыкли. И воспитание этих привычек гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания» [4, с. 422]. Замечательные рассуждения, обретающие новые грани актуальности в нашем современном обществе.

Профессор И. С. Кон считал необходимым «рассмотреть мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями. Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия. Социология детства рассматривает его не как природную данность, а как социальный конструкт, а детей – как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир» [3, с. 63, 67].

В качестве важнейшего фактора формирования и развития эффективно действующей культуры детства в современной психологии и социологии выделяют не отдельного ребенка, «а детскую группу как целостный социальный организм. Именно здесь удовлетворяет ребенок растущие социальные потребности в общении, в информации, в эмоциональном контакте, в совместной деятельности» [3, с. 64].

Важнейшей ценностью, как свидетельствует осуществленное в январе–феврале 2024 г. Институтом социологии НАН Беларуси репрезентативное социологическое исследование, для современных белорусов является здоровье. Среди многочисленных вопросов, задававшихся в процессе опроса респондентам, и ответов на эти вопросы абсолютное и бесспорное первое место в числе выделяемых ценностей занимает именно здоровье. Таково мнение 80,9 % респондентов от количества опрошенных жителей Республики Беларусь. У 75,8 % жителей Беларуси есть дети. Очень интересна мотивация родителей, побуждающая их к рождению детей. Из общего количества мужчин и женщин, имеющих в своей семье детей, 45,0 % убеждены, что рождение ребенка укрепляет семью. Чуть меньшее количество мам и пап – 43 % – считают, что дети эмоционально облагораживают и возвышают родителей. Более трети опрошенных (из числа имеющих детей) – 36,1 % – утверждают, что дети – будущие помощники в делах, надежда на благополучие в старости; 16,3 % родителей уверены в том, что если в семье имеется несколько детей, то их легче правильно воспитывать; 34 % опрошенных убеждены, что родительство важно для самореализации женщины и мужчины. И только 9,2 % родителей рассчитывают, что рождение ребенка позволит за счет льгот и помощи государства улучшить материальное положение семьи. Следует иметь в виду, что общая сумма процентов в приведенных цифрах больше 100, поскольку каждый опрошиваемый мог выбрать несколько вариантов ответов.

Тяжелейшей катастрофой как для родителей, так и для детей, особенно малолетних, является развод родителей. Официальные статистические данные позволяют выявить основные тенденции в развитии бракосочетания и разводимости в Республике Беларусь. Приведем цифровое выражение этих тенденций, составленное по итогам 2022 г. Общее число браков в нашей стране насчитывало 57 951, а количество разводов 33 980. В расчете на 1000 человек населения количество браков составило 6,3, а разводов – 3,7. Существенное значение имеет соотношение лиц, вступающих в брак, мужского пола по сравнению с женским. Если в первый брак вступают мужчины, достигшие 28,7 лет, а женщины – 26,5 лет, т. е. возрастная разница исчисляется небольшой величиной, составляющей 2,2 года, то вторым браком сочетаются мужчины в среднем в возрасте 42,3 года, а женщины – в 39,3 года, т. е. разница в возрасте увеличивается до 3 лет [8].

Назовем еще один, по-видимому, самый важный показатель в социодинамике народонаселения. В Беларуси за последние 10 лет на 11 % сократилось число разводов. Существенным является тот факт, что стали реже распадаться молодежные браки. В период 2020–2021 гг. пик распадов брачных союзов сместился с браков, просуществовавших до 5 лет, на более продолжительные союзы. В 2021 г. чаще всего распадались браки продолжительностью от 5 до 10 лет, еще 18,3 % браков длились от 10 до 15 лет, 10 % – от 15 до 20 лет и чуть более, 14 % – это браки, просуществовавшие 20 и более лет [8].

С учетом таких тенденций в настоящее время чрезвычайно важными являются укрепление института семьи, сохранение и упрочение духовно-нравственных ценностей. Семья в нашем обществе – это подлинная культура жизни, требовательный носитель национальных традиций и гуманистических ценностей, в первую очередь таких, как человечность, доброта, духовность, трудолюбие, патриотизм, устремленность в будущее.

В размышлениях, дискуссиях о сущности и роли детства, материнства, отцовства в формировании и развитии человека нельзя не обратить внимание на крупномасштабную и углубляющуюся дивергентность методологических и методических подходов к рассмотрению данной проблематики. С одной стороны, в Беларуси и России в целом критериями личности в демографическом измерении выступают муж, отец, жена, сын, дочь, внук. С другой стороны, в западно-европейских и североамериканских государствах определяют родителей не по полу, а по порядковым номерам: «Родитель один», «Родитель два» и т. д., настраивая детей на «гендерный суицид», возможность менять половую принадлежность по настроению, а церкви, вопреки Священному писанию, венчают однополые браки. Лишенное высоких смыслов общество превращается в аморальную и безответственную биомассу, которой легче управлять.

В социодинамике народонаселения Беларуси в рассматриваемой проблематике самое существенное значение имеют долговременные тенденции в рождаемости детей, скорректированные с процессами в среде браков и разводов в расчете на 1000 человек населения. За последние двадцать лет ситуация почти не изменилась: в 2001 и 2002 гг. было соответственно: браков 7,8 и 7,7, разводов – 4,4 и 4,4; в 2021 и 2022 гг. – браков – 6,4 и 6,3, разводов – по 3,7 [10].

Что касается рождаемости, то вырисовывается картина менее оптимистичная. Количество рождений в нашей стране снижается с 2017 г. В 2016 г. в Беларуси родилось 117 179 детей, в 2019 г. – 87 602, в 2023 г. – чуть более 65 тыс. Конечно же, необходимо учитывать, что уменьшается общая численность населения. В 2017 г. в стране проживало 9 504 704 человека, на начало 2023 г. – 9 200 617 (на 0,6 % меньше, чем на начало 2022 г., когда численность составляла 9 255 524). С 2020 г. из страны уехало не менее 200 тыс. человек, реальная цифра может быть значительно выше [11].

В середине мая 2024 г. замминистра труда и социальной защиты Беларуси Валерий Ковальков сообщил, что 80 % населения нашей страны проживает в семьях. Большинство семей воспитывают одного ребенка (чуть более 57 %). В каждой третьей семье – по двое детей (чуть более 33 %), а 9,2 % – многодетные. Причем количество больших семей растет. Сегодня их более 123,6 тыс., где воспитывается каждый четвертый ребенок в семье.

Очень важно, что в нашей стране поддержка семьи является национальным приоритетом. Согласно Конституции Республики Беларусь, брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства, поскольку семья выступает в качестве основы сохранения нации и ее развития. За последние десятилетия белорусская семья значительно трансформировалась, произошли изменения в ее структуре, функциях родителей, а также в тенденциях брачности и разводимости. В последние годы наша молодежь более взвешенно подходит к вопросам заключения брака и рождения детей: они делают это в более поздние сроки, успевая сначала получить образование, начать профессиональную деятельность и даже построить карьеру. Средний возраст вступления в брак в 2021 г. составил 28,6 лет среди мужчин и 26,3 лет среди женщин. Средний возраст матери при рождении первого ребенка – почти 27 лет, в то время как в 1990 г. он не достигал и 23 лет [11].

Среди названных проблем приоритетной для белорусского государства, институтов гражданского общества, общественных организаций, широкой общественности является забота о здо-

ровые детей, для которых необходимо создавать самые комфортные условия. Здоровье детей – это демографическая безопасность, без чего нет смысла думать о завтрашнем дне. Весьма существенный акцент в данной проблематике сделан в утвержденной Всебелорусским Народным собранием в конце апреля 2024 г. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В данном документе к стратегическим интересам и задачам отнесены всесторонняя защита и сбережение института традиционной семьи как союза между женщиной и мужчиной по рождению. В нем также уточнены угрозы институту традиционной семьи и направления нейтрализации их источников, что создает дополнительные предпосылки для повышения демографической безопасности и реализации принципа социальной справедливости для всех без исключения граждан страны. Любая популяризация стандартов бездетной семейной пары – «чайлдфри», идущая к нам с Запада, в нашем информационном, культурном, бытовом, социально-политическом пространстве должна рассматриваться как попытка ослабить белорусское государство.

Заключение. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко не однажды высказывал убеждение, что наша страна способна и должна создать благодатные, добротные условия для проживания 15–20 млн человек. Каждый гражданин должен защищать свою семью, свой дом, своих родных и близких. Культ полноценной семьи с двумя и более детьми должен быть стилем жизни белорусов. Только тогда мы будем уверены, что следующие за нами поколения будут держать суверенитет в своих руках и гарантированно жить в мире.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Социология: энцикл. слов. / Е. М. Бабосов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 480 с.
2. Волков, Г. Н. Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение / Г. Н. Волков. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 269 с.
3. Кон, И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие / И. С. Кон. – М.: Academia, 2003. – 334 с.
4. Макаренко, А. С. Сочинения: в 7 т. / А. С. Макаренко. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1951. – Т. 5: Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в Советской школе. – 512 с.
5. Мид, М. Культура и мир детства: избр. произведения / М. Мид; пер. с англ., коммент. Ю. А. Асеева; сост. и послесл. И. С. Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
6. Пушкин, А. С. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» / А. С. Пушкин // Русская лирика XIX века: в 2 т. / [сост. В. Орлов]. – М., 1977. – Т. 1. – С. 161–162.
7. Симонов, К. Стихотворения и поэмы / К. Симонов. – Пермь: Кн. изд-во, 1974. – 382 с.
8. Республика Беларусь: стат. ежегодник, 2023 / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. – 607 с.
9. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Художеств. лит., 1978. – Т. 1: Детство. Отрочество. Юность. – 528 с.
10. Белстат подсчитал, сколько браков и разводов было в Беларуси в 2023 году [Электронный ресурс] // Смарт-пресс: портал интересных новостей. – Режим доступа: <https://smartpress.by/news/64854>. – Дата доступа: 12.05.2024.
11. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_78550/belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania Minsk 2023. – Дата доступа: 12.05.2024

References

1. Babosov E. M. *Sociology: encyclopedic dictionary*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 480 p. (in Russian).
2. Volkov G. N. *Pushkin's world: personality, worldview, environment*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 269 p. (in Russian).
3. Kon I. S. *Child and society*. Moscow, Academia Publ., 2003. 334 p. (in Russian).
4. Makarenko A. S. *Essays. Vol. 5. General issues in the theory of pedagogy. Education in the Soviet school*. Moscow, Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1951. 512 p. (in Russian).
5. Mead M. *Childhood in contemporary cultures*. Chicago, The University of Chicago Press, 1978. 471 p.
6. Pushkin A. S. "I erected a monument to myself, not made by hands". *Russian lyrics of the 19th century. Vol. 1*. Moscow, 1977, pp. 161–162 (in Russian).
7. Simonov K. *Poems and poems*. Perm, Book publishing house, 1974. 382 p. (in Russian).
8. *Republic of Belarus: statistical yearbook*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2023. 322 p. (in Russian).
9. Tolstoy L. N. *Collected works. Vol. 1. Childhood. Adolescence. Youth*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 528 p. (in Russian).

10. Belstat calculated how many marriages and divorces there were in Belarus in 2023. *Smartpress: portal of interesting new*. Available at: <https://smartpress.by/news/64854> (accessed 05.12.2024) (in Russian).

11. *Statistical yearbook of the Republic of Belarus, 2023*. Minsk, 2023. Available at: https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/publications/statistical-publications-data-books-bulletins/public_compilation/index_79773/ (accessed 12.05.2024).

Информация об авторе

Бабосов Евгений Михайлович – академик, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

Information about the author

Evgeni M. Babosov – Academician, D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 2-9
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Поступила в редакцию 08.04.2024
Received 08.04.2024

В. В. Куличенко

Минская духовная академия, Минск, Беларусь

**ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НА ТЕРРИТОРИИ БССР (1917–1939 гг.)**

Аннотация. Рассматривается имущественное положение Православной церкви на территории БССР в 1917–1939 гг. Анализируются различные законопроекты, принятые советским правительством и имеющие отношение к национализации церковных ценностей. Указываются первые законодательные акты, принятые в отношении церковного имущества. Эти законы направлялись на национализацию церковных зданий, земли и иных ценностей с целью их использования в социалистическом строительстве. Отмечаются последующие изменения в законодательстве, которые касались церковного имущества. Рассматриваются такие аспекты, как отмена религиозного наследования, ликвидация церковных фондов, конфискация имущества монастырей и приходов, а также реализация этого имущества посредством продажи, аренды или передачи государству. В заключение автор делает выводы о влиянии законодательства советской власти на церковное имущество и предлагает ряд рекомендаций для дальнейшего исследования данной темы. Подчеркиваются сложность и controверзность данной темы, отмечается, что оценка действий советской власти в отношении церковного имущества дается с точки зрения идеологической позиции автора.

Ключевые слова: советская власть, церковное имущество, национализация, законопроекты, революционный период, социалистическое строительство, ликвидация, конфискация, продажа, аренда, Русская Православная Церковь

Для цитирования: Куличенко, В. В. Имущественное положение Православной церкви на территории БССР (1917–1939 гг.) / В. В. Куличенко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 200–212. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Viktor V. Kulichenko

Minsk Theological Academy, Minsk, Belarus

**PROPERTY STATUS OF THE ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY
OF THE BSSR (1917–1939)**

Abstract. This article examines Soviet legislation regarding church property and its implementation during Soviet history. The author analyses in detail the various bills passed by the Soviet government that had to do with the nationalisation of church property. The article begins by examining the first legislative acts passed in relation to church property. These laws were aimed at nationalising church buildings, land and other valuables in order to use them in socialist construction. The author then analyses the subsequent changes in legislation that concerned church property. He examines such aspects as the abolition of religious inheritance, the liquidation of church funds, the confiscation of monastery and parish property, and the realisation of this property through sale, lease or transfer to the state. In conclusion, the author draws conclusions about the impact of Soviet legislation on church property and offers a number of recommendations for further research on this topic. He emphasises the complexity and contradictory nature of the topic, noting that the assessment of the actions of the Soviet authorities with regard to church property depends on the author's point of view and ideological position.

Keywords: Soviet power, church property, nationalisation, bills, revolutionary period, socialist construction, liquidation, confiscation, sale, lease, Russian Orthodox Church

For citation: Kulichenko V. V. Property status of the Orthodox Church on the territory of the BSSR (1917–1939). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 200–212 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Введение. Один из важнейших способов ограничения деятельности РПЦ, по мнению большевиков, заключался в лишении ее средств к существованию. Это касалось как Церкви в целом с системой административно-управленческих структур, так и экономики епархии, прихода, монастыря. Максимальному сокращению должны были подвергнуться доходы священнослужителей и иных лиц, обеспечивающих деятельность церковного механизма. До революции самостоятельными субъектами имущественных отношений выступали архиерейские дома, церкви, монастыри и иные благотворительные, попечительские, религиозные общества. В их собственности могли находиться свечные заводы, а также производство церковной утвари. Данные субъекты располагали денежными капиталами как неотъемлемой составляющей хозяйственной деятельности. Царское правительство, возлагая на РПЦ широкий круг общественных обязанностей, выделяло на ее содержание менее 20 % от предполагаемых сумм расходов [1, с. 467]. Остальные средства необходимо было заработать посредством религиозной деятельности, а также с помощью производства товаров и услуг.

Основная часть. Первоначально рассматривался вопрос о лишении Церкви земель. До революции из 2 300 000 десятин земли 65 % составляли мелкие наделы сельских церковных приходов и только 35 % принадлежали архиерейским домам и монастырям [1, с. 465]. Именно последние и могли использоваться с целью извлечения прибыли. Декретом «О земле» от 27 октября 1917 г. все земли становились государственной собственностью со всем живым и мертвым инвентарем и строениями: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания» [2, с. 2]. Источник дохода от этих земель полностью ликвидировался. Духовенство на общем основании имело право пользования землей как частное лицо. Монастыри по мере их ликвидации еще какое-то время в виде трудовых коммун пользовались частью своих земель.

30 октября 1917 г., согласно Декрету «О передаче жилищ в ведение городов», все гостиницы, доходные дома, подворья, приюты, больницы передавались городским Советам [3, с. 142–149; 4, с. 124]. 20 января 1918 г. Декретом «О прекращении выдачи государственных средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей, законоучителей и на совершение церковных обрядов» была прекращена выдача денег на содержание бывшего духовного ведомства, а с 1 марта 1918 г. и выплата жалованья духовенству [5, с. 20].

20 января 1918 г. был подписан, а 23 января 1918 г. опубликован Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 12-м пункте этого документа указывалось: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [6, с. 30]. Это означало запрет на ведение любой хозяйственной деятельности. В то же время пункт 13 полностью лишал религиозные организации всей собственности: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [6, с. 30]. По мере возможности имущество начало изыматься. В Беларуси это коснулось только епархиальных владений. На территориях с господствующей советской властью сразу же было отобрано более 6 000 строений [7, с. 35].

7 марта 1918 г., согласно постановлению Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, государство ввело монополию на производство свечей. Были национализированы все церковные свечные фабрики, приносящие определенный доход для содержания церковных структур [8, с. 437]. Данные меры привели к ликвидации большинства источников финансирования РПЦ. В целом у РПЦ было изъято 904 043 га монастырской земли с инвентарем и скотом, 84 завода, 704 гостиницы, 1112 доходных домов, 311 пастухов, 436 молочных ферм и 602 скотных двора [9, с. 28]. Капиталы, ранее принадлежащие религиозным организациям, уже были изъяты. Дальнейшее ограничение доходов православных религиозных организаций и духовенства могло касаться непосредственно религиозных действий.

20 декабря 1917 г. СНК был издан Декрет «О гражданском браке, детях и о ведении книг записей актов состояния», который наделял светский брак, зарегистрированный в ЗАГС, юриди-

ческой силой [10, с. 161–163]. Таким образом, церковный брак становился необязательным действием при создании семьи, что позволяло некоторой части православных верующих его игнорировать. Следует отметить, что на протяжении всего существования советской власти антирелигиозники стремились максимально «оградить» советскую молодежь от данного «пережитка». Здесь присутствовали и стремление побороть религиозность брачующихся, ослабить их подчинение родителям, и попытка уменьшить доходы клира от выполнения соответствующего обряда. Это касалось и иных таинств, особенно крещения. Несмотря на все усилия силовых структур, партийных и комсомольских активистов, а также угрозы местного руководства, начиная с конца 1939 г. большинство детей, в том числе партийцев, получали возможность приобщения к полноте православия [11, с. 83–84].

Важной задачей в тот период являлась ликвидация мест поклонения святыням. В первую очередь это коснулось мощей святых праведников. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «О вскрытии мощей» положил начало противоречащей советскому законодательству кампании. Ее главной задачей было подорвать доверие верующих РПЦ посредством «разоблачения» «нетленных останков». Увидев в раке не мумифицированное тело, а кости или иные части тела, верующий должен был, по мнению большевистских пропагандистов, отказаться от религии и, соответственно, не жертвовать на нужды обители. Для надежности мощи изымались и направлялись в антирелигиозные музеи.

Главным и основным ударом по Церкви должна была стать кампания по изъятию церковных ценностей. Летом 1921 г. в 34 губерниях РСФСР вследствие неурожая голодная смерть грозила миллионам граждан. Государство не располагало средствами для организации помощи. Между тем ситуация становилась катастрофической. Власти вынуждены были подключить к решению проблемы общественность и так называемую ими откровенную контрреволюционную структуру РПЦ. После переговоров с М. Горьким патриарх Тихон обращается к правительствам и общественным организациям зарубежья: «Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и нынче умирающей от голода! На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!» [12, с. 160]. Ранее была организована работа внутри страны. Возглавляемый патриархом Всероссийский комитет помощи голодающим активнейшим образом включился в дело обеспечения продовольствием и материальными средствами. Организационный и интеллектуальный потенциал позволил довольно быстро добиться существенных результатов. Это не могло не насторожить власти.

Согласно решению ВЦИК, общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) был распущен в августе 1921 г. Собранные средства конфисковывались властями. Допустить рост авторитета РПЦ и ее иерархов антирелигиозники не могли, несмотря на неизбежность смерти голодающих. Обращение Церкви от лица патриарха и епископата находило поддержку у верующих, готовых создавать комитеты помощи [13, л. 69]. Однако политическим руководством данные структуры классифицировались как «гнезда контрреволюции» [14, л. 53]. В спешном порядке осенью 1921 г. разворачивается кампания по привлечению средств граждан. С помощью пропаганды на всех уровнях показывались и демонстрировались населению душевраздирающие материалы о страданиях голодающих. Во всех трудовых коллективах принимались соответствующие решения об оказании помощи [15, с. 78]. Населению разъяснялось, что тысячи людей гибнут, в то время как в стране имеется стратегический резерв в виде «несметных богатств» церковников [16, с. 78].

С одной стороны, благодаря пропаганде планировалось получить дивиденды через очернение духовенства и церковных структур. С другой стороны, предполагалось нанести мощнейший экономический удар по основному базовому звену РПЦ – приходам. Христианское сердце не могло не отозваться на следующие слова: «Голод страшный и ужасный: ежедневно умирают от голода тысячи людей. С каждым днем число смертных случаев увеличивается. Пищевые суррогаты все съедены. Голодающие питаются падалью чистых и нечистых животных и даже людскими трупами. Зарегистрировано несколько случаев людоедства. Родители закалывали и ели собственных детей» [17, л. 69].

Главная идеологическая задача заключалась в противопоставлении страдающего верующего и «жадного попа». Сам человек должен был максимально отозваться на подобные мольбы и заставить клир сдать все имеющиеся ценности. Большевикам нужны были средства для государственного строительства и удержания власти, в том числе лишённые всякого имущества богослужебные помещения. При этом с помощью пропаганды изъятие церковных ценностей трактовалось как «борьба с религией и церковными организациями» [16, с. 78].

23 февраля 1922 г. Секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов издал следующее распоряжение: «Необходимо расширить начавшееся движение беспартийных рабочих и крестьян в пользу использования золота и серебра, лежащих в храмах, для голодающих до размеров общенародного движения, добившись того, чтобы не было ни одного завода, ни одной фабрики, не принявших решения по этому вопросу» [6, с. 73]. Идеологами посредством митингов, собраний и публикаций в прессе было сформировано мнение, что церковные ценности в данный момент лучше всего употребить для оказания помощи голодающим [18, л. 25]. В этом случае важно было навязать обществу мнение о недостаточности участия Церкви в преодолении данного народного бедствия. Все предыдущие усилия священнослужителей и прихожан предавались забвению, на передний план с помощью пропаганды по указанию высшего партийного руководства выдвигалась идея о конфискации «несметных богатств» РПЦ и иных культов.

В феврале 1922 г. стало очевидно следующее: во-первых, миллионам людей надо помочь, и помочь срочно, немедленно и каждому, во-вторых, пройдет волна очередной экспроприации, что было характерно для данного времени. Периодический принудительный сбор необходимых государству ресурсов проходил по праву сильного, власть имущего. В приходах и монастырях имелся определенный ресурс, который можно было отдать на благое дело. Еще в декабре 1921 г. ЦК Помгола сообщал патриарху о возможности направления церковных ценностей на помощь голодающим. Разрабатывались механизмы сбора и направления средств в Помгол. Первоначально государство занялось классификацией и сбором церковных ценностей в монастырях и закрываемых храмах. Процесс этот происходил хаотично. Имели место расхищение, передача в другие храмы, продажа органами местной власти. Согласно Декрету «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г. [19, с. 381] и Постановлению от 2 января 1922 г., ВЦИК фактически запретил любое передвижение имущества без разрешения Главмузея и его подразделений. В дальнейшем предстояло определить механизмы реализации или передачи новым собственникам историко-культурных ценностей, а также условия хранения в Гохране всех драгоценных предметов.

6 (19) февраля 1922 г. патриарх Тихон издает воззвание «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)»: «Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи, вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим» [6, с. 190]. Иной позиции православный христианин и тем более первосвященитель РПЦ занять не мог, однако это не входило в планы большевиков. Как и раньше, их задача заключалась в нарушении нормального порядка церковноприходской жизни. Изымать следовало в первую очередь предметы, необходимые для организации богослужений. Инициатива патриарха Тихона наносила удар по информационно-пропагандистскому сопровождению кампании, нацеленной на грабеж Церкви. Логичность и жертвенность воззвания от 19 февраля 1922 г., безусловно, еще более усиливали авторитет и патриарха, и всего клира. Если из приходов отдадут все драгоценные небогослужебные предметы, то возможность изъятия «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство» в глазах

верующих будет совершенно не оправдана [12, с. 200–203, 204]. Подобные действия будут классифицироваться верующими как антицерковная кампания, что полностью противоречило официальным идеологическим установкам. Поэтому в спешном порядке ВЦИК издает 23 февраля 1922 г. Декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим»: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все средства страны, могущие послужить средством спасения погибающего от голода населения Поволжья» [13, л. 4]. При этом документ допускал возможность сохранения предметов, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа» [13, л. 4].

1 марта 1922 г. в БССР принимается аналогичное решение: «В целях усиления средств для борьбы с голодом Президиум ЦИК Белоруссии постановляет: присоединиться к постановлению Президиума ВЦИК об изъятии из храмов всех культов драгоценных вещей, не имеющих священного значения» [13, л. 88]. Белорусскую комиссию помощи голодающим возглавил председатель ЦИК А. Червяков. Основная нагрузка должна была лечь на финансовые органы, поэтому заместителем белорусского Помгола стал заместитель Наркомата финансов. 2 марта 1922 г. была опубликована инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [13, л. 5]. Главная задача заключалась в обеспечении наличия церковных ценностей, согласно ранее составленным описям имущества, при передаче храмов в аренду группам верующих. Властям этот процесс необходимо было максимально быстро провести, поскольку далеко не все богослужебные помещения были соответствующим образом оформлены. В них имелись дореволюционные описи имущества. Следует отметить, что эвакуация, боевые действия, реквизиции властей, в том числе незаконные, значительно уменьшили количество реально имеющихся драгоценных предметов. Некоторые инвентарные книги могли исчезнуть как преднамеренно, так и по недосмотру. Установленный недельный срок должен был обеспечить эффект неожиданности [13, л. 4]. Ответственность за своевременное и полное предоставление описей имущества возлагалась и на руководителей всех религиозных культов. 8 марта 1922 г. Комиссия ознакомила представителей духовенства с изданными властями постановлениями [13, л. 252]. Следующим шагом должна была стать классификация имеющихся предметов и их непосредственное изъятие специальными комиссиями [20, с. 21].

В БССР работа с описями и инвентарными книгами к 15 марта 1922 г. в основном была завершена. В то же время из Москвы ЦК КП(б)Б было дано указание: «Назначить свои собственные сроки фактического изъятия, исходя из местных условий, обеспечив необходимую подготовку, но и не затягивая дело ни на один день» [13, л. 72]. Несмотря на ранее проводимую информационно-пропагандистскую работу о необходимости привлечения церковных ценностей на нужды голодающих, эмоциональный фон кампании существенно изменился. Во-первых, в приходах и так постоянно шел процесс сбора средств голодающим. Прихожане это видели и оценивали. Во-вторых, послание патриарха Тихона от 16 февраля 1922 г. «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)» в глазах населения ставило крайнюю точку в границах отъема имеющихся предметов. Весьма негативный фон создавали резкие действия антицерковных деятелей при изъятии ценностей в центральных регионах РСФСР, которые, возможно, отличились еще при ликвидации мощей. Определенную роль сыграли, конечно же, обращение патриарха Тихона к М. Калинину и его «секретная инструкция» в отношении изъятия, превратившаяся не только в грабеж материальных ценностей, но и целенаправленную реквизицию богослужебных предметов [12, с. 191]. Важнейшими задачами кампании являлись и антицерковная пропаганда, и содействие расколу РПЦ. Массы, особенно крестьянство, по мнению властей, должны были принять активное участие в грабеже церковного имущества [20, с. 18].

Организовать в подобных условиях пропагандистскую кампанию было чрезвычайно сложно. Практически по всей стране работа комиссий по изъятию церковных ценностей во второй половине 1922 г. была парализована. Становился очевидным план большевиков по отношению к РПЦ. Но и отступать В. Ленин и Л. Троцкий не собирались. В. Ленин в письме для членов Политбюро ставил вопрос максимально жестко: «Провести изъятие церковных ценностей самым решитель-

ным и самым быстрым образом» [21, с. 193]. И далее отмечалось, что необходимо «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства. Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [21, с. 193].

Л. Троцкий требовал создания на местах также и секретных комиссий по изъятию церковных ценностей, поскольку официальные из числа советских работников с задачами не справлялись [6, с. 94–96]. Их усиливали партийными работниками, командирами и комиссарами воинских частей, сотрудниками политотделов. По мнению И. И. Янушевича, «документов о наличии такой секретной комиссии в Белоруссии не обнаружено, но директива Кремля была, безусловно, выполнена. Наибольшее число приказов и распоряжений в уезды шло, помимо Талунтиса, за подписью заведующего АПО В. Кнорина и начальника ГПУ Белоруссии Я. Ольского» [22, с. 127].

В первой декаде апреля 1922 г. в Беларуси корректировалась деятельность и ЦК Помгола, и комиссий на местах. Налаживались коммуникации между ведомствами, определялся план работы и порядок изъятия [25]. Первыми подлежали изъятию ценности из синагог, потом из православных храмов и «затем только из католических костелов» [13, л. 220]. Синагоги размещались главным образом в крупных населенных пунктах, что позволило имеющемуся составу комиссий завершить работу в течение недели. 26 апреля 1922 г. начали изымать церковные ценности из православных храмов. Первыми пострадали наиболее крупные и, по мнению экспроприаторов, богатые церкви. Однако следует отметить, как указывал властям епископ Мелхиседек, каких-то серьезных материальных ценностей, драгоценных металлов, произведений искусств в храмах Беларуси не было и до революции. Тем более, что боевые действия, смена политических режимов, а также эвакуация не способствовали их сохранности. Изъятие церковных ценностей в БССР проходило достаточно медленно. Ввиду малочисленности соответствующих комиссий и при разбросанности объектов по всей территории к назначенному плану сроку оно не завершилось [13, л. 165]. Архивные документы свидетельствуют, что на «1 мая 1922 г. было собрано в БССР от итоговых цифр 27 % серебра, 5 % золота, 50 % бриллиантов, 80 % жемчуга, а ведь в первую очередь соответствующая работа проводилась в наиболее богатых городских храмах. И это с учетом того, что как такового активного сопротивления в БССР священнослужители и верующие не оказывали. События в РСФСР показывали бесперспективность открытого сопротивления грабежу» [20, с. 2].

Епископом Мелхиседеком к 13 апреля 1922 г. было написано «Архипастырское обращение к возлюбленным о Господе чадам, духовным пастырям и пастве епархии Минской» [13, л. 169]. Государственное издательство напечатало его в количестве десяти тысяч экземпляров. Белорусские власти весьма положительно характеризовали обращение: «Оно имело главную цель – повлиять не только на малосознательную массу крестьянства, еще довольно темного, но и подействовать на рядовое духовенство не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК» [13, л. 46].

Основная задача властей состояла в том, чтобы при изъятии ценностей отсутствовало сопротивление: «Не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК». Ни прихожане, ни клир не были согласны с действиями комиссий и оголтелой пропагандой. Однако главная идея воззвания заключалась в том, чтобы «проникнуться состраданием, отозваться сердечным откликом любви и милосердия на вопль, страдания гибнущих голодной смертью людей, поделиться последним с голодным братом своим, как ни скудна и нища собственная жизнь» [13, л. 69]. Тем не менее сопротивление продолжалось. Все, что можно было спрятать, было спрятано. Имелись и факты сопротивления на белорусских землях, не входящих в состав БССР. Принимались соответствующие резолюции, а то и просто богослужебные предметы «изымались» у изымающих [20, с. 34].

Приведем пример сопротивления в деревне Буйновичи Мозырского уезда: «При изъятии церковных ценностей взбудораженная священником толпа не допускает к изъятию. Комиссия ждет указаний. Срочно сообщите, как быть» [13, л. 115]. Указание А. Червякова было ожидаемым: «Священника немедленно арестовать и доставить в Минск для предания суду. Произвести изъ-

тие» [13, л. 115]. Согласно директиве Наркома юстиции В. Курского, «дела церковных ценностей» рассматривались «вне всякой очереди, привлекая к участию в заседаниях широкие массы населения под личной ответственностью Завгубюстов» [13, л. 48]. Судьба священника была предрешена. После незамедлительного суда он был расстрелян.

Согласно отчету Центральной Белорусской комиссии, в республике было изъято: 30 пудов 15 фунтов 52 золотника 5 долей серебра, 21 золотник 28 долей золота, 12 золотников жемчуга, 45 шт. 29/32 карата бриллиантов, 33 фунта 27 золотников 54 доли медных монет и 52 шт. драгоценных камней [13, л. 218]. До 5 октября 1922 г. комиссии по изъятию церковных ценностей должны были ликвидироваться.

Сколько на самом деле было изъято церковных ценностей и предметов в ходе данной кампании, установить проблематично. Духовенство и верующие высказывали сомнения: «Пойдут ли по назначению собранные средства?» [13, л. 120]. Компетентность и порядочность членов комиссий вызывали ряд вопросов. Инструкция ВЦИК давала право оценки ценностей самим членам комиссий: «Ценные изделия зачислять вашей оценкой» [13, л. 190]. И. И. Янушевич отмечал: «Наличные деньги, реальные ценности привлекали многих. В суматохе, где по недочету, где сознательно, значительная их часть уходила в руки членов комиссий, вспомогательных отрядов и т. д. В то же время комиссаров, к примеру, называли «ловцами жемчуга» [23, л. 129]. Вопиющий случай установила РКИ БССР: «Находящиеся на тот момент ценности из серебра и золота, за исключением колец, приняты без веса. Одно кольцо оказалось на руках у кассира, взявшего его для определения веса. Обнаружены деньги, причем они не проведены по соответствующим книгам» [24, л. 15]. Особенностораживает, что касса Помгола находилась в рабочем кабинете секретаря ЦК КП(б)Б А. Криницкого. В процессе проверки Белорусской комиссии Помгола было установлено «бесхозное хранение значительного количества ценностей» [25, л. 140]. Данная информация и иные подобные случаи не могли нестораживать верующих и клир. Жертва на голод становилась добычей официальных лиц, что никак не способствовало распространению атеизма и подрыву авторитета Церкви [23, л. 129].

Еще большие сомнения вызывал фактический запрет на замену предметов равной стоимостью. Первоначально в декрете говорилось о ценностях, не имеющих богослужебного употребления. Предусматривалась и замена «подлежащих изъятию ценностей равноценными в натуральной стоимости по твердой валюте» [13, л. 263]. Однако это не входило в планы по нанесению максимального урона религиозным организациям: «В случаях предложения со стороны групп верующих выкупа за ценности заявлять, что вопрос в каждом отдельном случае должен быть решен в ЦК Помгола, ни в коем случае не приостанавливая при этом работы по изъятию тех предметов, о которых заявлено» [6, л. 96]. Направленные в Гохран ценности на территорию республики возвращены не были. Оставленные до выяснения вопроса в середине мая 1922 г. ценные предметы необходимо было срочно сдать: «В случае недоставления таковые предметы будут изъяты средствами Белорусской комиссии Помгола, а ответственные за срыв мероприятий Советской власти понесут суровое наказание» [13, л. 271]. Данная позиция, в первую очередь Л. Троцкого, не могла не компрометировать идею изъятия церковных ценностей на нужды голодающих. С одинаковым успехом равную по стоимости вещь можно было обменять на продовольствие. И. И. Янушевич писал: «Частыми были случаи, когда комиссиями изымалась почти вся церковная утварь, а после ее сортировки в уездном финотделе малоценные предметы передавались в музеи либо их могли забрать представители приходов» [23, л. 129]. Изъятые ценности в абсолютном своем количестве – это жертва местных верующих людей, которые с радостью осознавали, что помогли людскому горю. И, конечно, их одолевала великая горечь, если они узнавали или догадывались, что их сограждане преступили заповедь «не укради» и совершили грех святотатства.

По всей стране итоги деятельности Помгола подсчитали к ноябрю 1922 г. Согласно официальной версии, из храмов и монастырей было изъято 33 пуда золота, 23 997 пудов серебра, 35 670 бриллиантов. Стоимость изъятого составляла до 4 650 810 золотых рублей. Следует отметить, что сама кампания была весьма затратной. Деньги перечислялись на организационные и техни-

ческие расходы, антирелигиозную агитацию. Не до конца исследована судьба ценностей в Гохране. Однако главная задача – ликвидация РПЦ посредством отъема материальных ценностей и предметов, имеющих богослужбное употребление, – выполнена не была. Удар по экономической составляющей приходов и иерархии был колоссальный. В результате организация нормальной церковной жизни была затруднена. Это не могло не повлиять на воцерковленность части верующих и настроения священников в приходах. Безбожники достигли определенных успехов [26, л. 51].

Дальнейшее изъятие ценностей Церкви представлялось нерациональным. Необходимо было выстраивать систему экономических ограничений в условиях новой экономической политики. Фактически всякая хозяйственная деятельность была максимально ограничена, но это не приводило к ликвидации приходов. Баланс между целесообразностью борьбы с религией и церковью и государственным строительством был нарушен в 1928–1929 гг. Кроме причин изменения внутри- и внешнеполитической ситуации, которые не смогли оказать влияние на государственно-церковные отношения, важным фактором являлось состояние РПЦ в целом. Процесс атеизации населения в первое десятилетие советской власти имел крайне неудовлетворительные результаты: от 80 до 90 % населения оставались верующими. Количество православных приходов по стране во второй половине 1920-х гг. даже увеличилось, причем тихоновских [27, с. 132]. Реакция антирелигиозного аппарата в условиях поиска максимально эффективной формы государственного строительства, основанного на монополии на принятие любых управленческих решений, последовала незамедлительно.

В экономическом плане церковноприходские структуры оказались чрезвычайно эффективны. В 1920-е гг. единственным источником поступления средств являлись прихожане того или иного храма. Налоговые платежи и сборы будут рассмотрены отдельно. На содержание помещения, сторожа, священника необходимы были средства. Нормальная церковная жизнь не может ограничиваться исключительно богослужениями. Близкие по духу люди объединялись и для совместного времяпровождения, обучения. Негласно организовывались и небольшие производства. Люди жертвовали свои сбережения, зачастую весьма скудные, на возможность отправления культа в традиционной форме или максимально к ней приближенной. Все это необходимо было пресечь. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) пришла к выводу, что необходимо принять максимально исчерпывающие меры по ограничению деятельности религиозных организаций, включая экономический блок [28, с. 258, 260].

8 апреля 1929 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». Данный акт значительно усложнял вопрос материального обеспечения жизни прихода. Во-первых, согласно статье 11 данного документа, все содержание храма могло обеспечивать только частное лицо, являющееся членом исполнительных органов религиозных организаций [6, с. 251]. С учетом того, что менее чем через год, 11 февраля 1930 г., ЦИК и СНК СССР примут постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», член двадцатки становился максимально уязвимым гражданином. Он обязывался заключать договоры о найме сторожа, покупке дров, ремонте здания и имущества [6, с. 251]. Убытие по различным причинам данного члена исполнительного органа фактически парализовывало общину. При этом им воспрещалась любая деятельность по производству свечей и утвари, а также печатная деятельность. Религиозные объединения не получали прав юридического лица, а значит, не имели права заключать договоры и сделки. Сбор средств на содержание храма, хора, священнослужителя и т. д. был запрещен. Любое получаемое или приобретаемое имущество являлось собственностью государства.

Свертывание нэпа и достаточно стремительная ликвидация людей, располагавших средствами выше прожиточного уровня, являлись значимым фактором, влияющим на материальное положение приходов. Объявленная нэпманам война и сокращение частных производств, а также торговли сопровождалась увеличением налогового давления на духовенство. Вся экономическая деятельность советского государства основывалась на идеологических установках. Политика в отношении «бывших людей» сводилась к максимальному ограничению их финансовых воз-

возможностей. Классовый подход являлся определяющим. Налоговое обременение духовенства решало два основных вопроса. Во-первых, пополнялся бюджет. Для местных властей и финансовых инспекторов объем поступивших средств являлся показателем их работы, в том числе и личного дохода. Распределительная система военного коммунизма предполагала полную зависимость человека от государства. Во-вторых, дальнейшее изыскание средств на индустриализацию и коллективизацию становилось важнейшей идеологической задачей, в рамках выполнения которой предполагалось уменьшение числа священнослужителей путем налогового прессы.

В то же время количество клириков различных культов было достаточно значительным. После революции они в основной своей массе продолжали выполнять свои обязанности, а значит, согласно советскому законодательству, получать непроемчивый доход. Парадокс ситуации состоял в том, что духовенство лишалось возможности официального заработка, а налоговые органы истребовали вычеты именно из него. Тем более, что вне закона было не приходское духовенство, которое все-таки находилось на иждивении церковноприходских советов. Высшее руководство Церкви теоретически имело возможность получать доходы от приношений верующих, однако находилось на нелегальном положении, поскольку государство до 1927 г. не признавало ни Священный Синод, ни Высший церковный совет, ни епархиальные или благочинные управления [12, с. 325]. Принятый в 1923 г. налоговый кодекс устанавливал для епископов приходно-имущественный налог и налог по совокупности доходов [12, с. 318–320]. Размер зависел от места нахождения плательщика в конкретном налоговом поясе. Кроме общегосударственных необходимо было платить и местные налоги. Безусловно, сюда нужно включить и «добровольное» «самообложение» [29, с. 23].

Количество всякого рода «благих» поводов для сбора средств увеличилось к 1930 г. Происходил процесс подавления любой частной инициативы. У антирелигиозного аппарата появилась возможность значительно усложнить жизнь духовенства, церковноприходского актива, а также верующих за счет установления платежей в виде налогов и сборов. В 1928 г. духовенство было приравнено к лицам нетрудовых категорий, что однозначно обеспечивало рост вычетов [30, с. 245]. В 1923–1924 гг. была предпринята попытка уменьшить количество духовенства посредством всякого рода сборов. Зачастую священник кроме обязательных приходно-имущественного налога и процентов на весь совокупный доход должен был уплачивать и местные платежи. При этом суммы предполагаемого дохода устанавливались инспектором по своему усмотрению. В 1923–1924 гг. такая ситуация вызвала массовое недовольство населения и фактически явилась поводом не только для отмены практики завышения налогов «на религию», но и для некоторых уступок законодательного характера.

В конце 1920-х гг. положение дел коренным образом изменилось. Налоговый механизм являлся перспективным инструментом ликвидации клира через полный отъем средств к существованию. В 1929 г. он был реализован. Налоговыми инспекторами выставались ничем не подкрепленные суммы платежей. Они превосходили весь совокупный доход плательщика. Навязывались дополнительные сборы и самообложение. Сельское духовенство, не имеющее дохода от земли, платило и подоходно-имущественный налог, и сельскохозяйственный налог. Это также усугубляло положение сельского пастыря [31, с. 144]. В 1928 г. законодательно, а к 1930 г. и практически землепользование священнослужителей было прекращено [32, с. 282]. Допускалось двойное налогообложение. Попытки оспорить выставленные суммы расценивались как «контрреволюционные вылазки». Неуплата налога или просрочка платежа становились поводом для ареста. Мотивы подобной деятельности изложены в докладной записке особого отдела ОГПУ БВО: «За последний год налоговое обложение прогрессирует с необычной быстротой. В отдельных случаях создается впечатление, что работники финотделов не умеют считать цифры менее чем с тремя нулями. Налог 1000–2000 и намного больше охватывает значительные кадры церковников. При определении доходности и ставок налога нет учета реальных возможностей – сумеет ли налогоплательщик оплатить налог, даже продав все свое имущество» [33]. При этом во многих случаях духовенство в оперативном порядке за неуплату изымали, а у оставшихся родственников забирали за долги имеющееся имущество. В данной докладной записке в ЦК КП(б)

ОГПУ пытается переложить фактически всю ответственность на низовые, максимум окружные структуры: «В одних случаях низовые работники переоблагали духовенство крупными ставками налога в целях покончить с религией путем выживания попа. В других ... проделывали это в целях перестраховать себя от обвинений в правом уклоне» [33, л. 4]. Всей работой фактически руководили райком партии и ОГПУ. Допустить, что для рядового сотрудника финотдела перво-степенной являлась задача борьбы с религией, когда даже в СВБ было только 3 % членов Компартии и комсомола, в принципе невозможно. Переоблагались в первую очередь активные пастыри и/или допустившие «контрреволюционные» высказывания против коллективизации и раскулачивания. Опровергает данное обвинение и сообщение из Витебской области, где работу направляло ОГПУ [34, с. 134]. Действительно, фининспектор получал определенный процент от взысканных сумм, но он же и нес ответственность за их правильность и реалистичность. Поэтому без внешнего нажима более-менее грамотный и неодиозный работник фискальной системы так рисковать явно не стал бы.

Как ни парадоксально, но и уплата явно завышенного налога тоже вела к наказанию. Священника Поликарпа Линника из деревни Старица Копыльского района арестовали и осудили сразу после внесения требуемой суммы в казну [31, л. 126–127]. Крестьяне, которые помогали ему собрать средства, были расстреляны. Действия фискальных органов полностью регулировали из ОГПУ. Налоги должны были стимулировать священнослужителей к снятию духовного сана [31, л. 135–136]. Отказ от предложения карался как минимум тремя годами ссылки, а в 1929–1930 гг. и расстрелом.

Заключение. Отсутствие официальной возможности заработать средства к существованию не означало, что были перекрыты все каналы финансирования и оказания помощи подвергшимся репрессиям. В то же время имели место и никем не санкционированные способы заработка духовенством и лицами, выдававшими себя за таковых. Еще в 1930 г. епископ Филарет (Раменский) предупреждал старосту прихода д. Озятичи, что начавший у них служить в незакрытой церкви некто А. Зеленин лишен монашеского звания и запрещен в священнослужении за неподобающие деяния [31, л. 141]. Еще больший масштаб незаконные заработки приобрели в середине 1930-х гг. Государство использовало все возможности для того, чтобы оторвать человека от религии, от исполнения таинств и религиозных обрядов, однако в стране было не менее 60–70 % верующих [35, л. 102–105]. В сельской местности, вероятнее всего, верующими считали себя 90–95 % [36, л. 177]. НКВД БССР в январе 1937 г. насчитывало около 100 действующих и не имеющих прихода священников [37, л. 56]. Еще было около 300 человек, снявших сан. В июне 1938 г. на учете в НКВД состояли 15 «попов», из них 13 снявших сан, около 400 было расстреляно или осуждено [37, л. 56–57].

В период между 1934 и 1937 гг. священнослужители чередовали периоды отсидки и нахождения на свободе и могли исполнять и исполняли требы (таинства). Нелегальные крещения, отпевания, браки все равно осуществлялись. Их прекращение было невозможно даже при полной изоляции всего духовенства, поскольку в сложившихся условиях их осуществляли лица, не имеющие на это права. После 17 сентября 1939 г., когда произошло воссоединение западных и восточных белорусских земель, бороться предстояло уже с новыми тысячами клириков и миллионами верующих. Ограничить в новых условиях экономическую составляющую религиозной деятельности было в ближайшей перспективе невозможно.

Список использованных источников

1. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 541 с.
2. О земле // Правда. – 1917. – 28 окт. – С. 2.
3. Орлов, И. Б. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие / И. Б. Орлов // Наука – сервису: VIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апр. 2003 г.: сб. докл. на пленар. заседании: в 2 ч. / ред. Ю. Н. Маслов. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 142–149.
4. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937) / М. Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 304 с.

5. Гаранова, Е. П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917–1929) / Е. П. Гаранова, Е. В. Кискин // История государства и права. – 2007. – № 20. – С. 19–21.
6. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: док. и фотоматериалы / ред. Я. Н. Шапов. – М.: Библийс.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 1996. – 328 с.
7. Зыбковец, В. Д. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) / В. Д. Зыбковец. – М.: Наука, 1975. – 205 с.
8. О введении государственной монополии на спички, свечи, рис, кофе, перец и привозные пряности и о национализации спичечных и свечных фабрик и предприятий по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями: постановление ВСНХ, 7 марта 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1918. – № 29. – Ст. 385.
9. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917–1945 годы: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.
10. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния: ВЦИК и СНК, 18 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1917. – № 11. – Ст. 160.
11. Янушевич, И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР / И. И. Янушевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2022. – № 1. – С. 82–87.
12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти (1917–1943 гг.): [сб. в 2 ч.] / сост. М. Е. Губонин. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 93. Оп. 1. Д. 450.
14. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 405.
15. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928 гг.) / И. И. Янушевич. – Минск: Изд-во БГУ, 2005. – 143 с.
16. Цыпин, В. История Русской Церкви, 1917–1997 / В. Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.
17. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 490.
18. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 560.
19. О ценностях, находящихся в церквях и монастырях: Декрет ВЦИК, 27 дек. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1922. – № 19. – Ст. 215.
20. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск: Сиб. хронограф; М.: РОССПЭН, 1998. – Кн. 2. – 647 с.
21. Письмо В. И. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191–193.
22. Янушевич, И. И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви, 1917–1927 гг.: (на материалах Беларуси): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. И. Янушевич. – Минск, 2001. – 127 л.
23. Янушевич, И. И. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Беларуси в 1922 г. / И. И. Янушевич // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю гіст. фак. Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 26 ліст. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: Ю. Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 125–137.
24. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 8.
25. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 559.
26. Клепикаў, М. І цэрквы абрабавалі: [антырэлігійная кампанія першых паслярэвалюц. гадоў на Беларусі, у выніку якой былі знішчаны культур.-гіст. помнікі] / М. Клепикаў // Беларус. мінуўшчына. – 1993. – № 5–6. – С. 50–51.
27. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке: [перевод] / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
28. Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) – ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ПСТГУ, 2014. – 380 с.
29. Ящук, Т. Ф. Самообложение населения: из опыта организации местных финансов в период НЭПа / Т. Ф. Ящук // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право. – 2007. – № 2 (11). – С. 21–26.
30. Марьяхин, Г. Налоговая система Советского государства / Г. Марьяхин // Финансы СССР за XXX лет. 1917–1947 / отв. ред. Н. Н. Ровинский. – М., 1947. – С. 231–292.
31. Кривонос, Ф., прот. У Бога мертвых нет: неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / прот. Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
32. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 688 с.
33. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 5030.
34. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / Отд. по арх. и делопроизводству Витеб. облисполкома, Гос. арх. Витеб. обл., Витеб. отд.-ние археогр. комис. ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь; сост.: В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]; редкол.: М. В. Пишуленок (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Нац. арх. Респ. Беларусь, 2006. – 364 с.
35. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
36. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 12099.
37. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 13219.

References

1. Nikol'skii N. M. *History of the Russian Church*. Minsk, Belarus' Publ., 1990. 541 p. (in Russian).
2. On land. *Pravda* [Pravda Newspaper], 1917, October 28, p. 2 (in Russian).
3. Orlov I. B. Housing policy of the Soviet power in the first post-revolutionary decade. *Nauka – servisu: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 21–22 aprelya 2003 g.: sbornik dokladov na plenarnom zasedanii* [Science – services: VIII International scientific and practical conference, April 21–22, 2003: collection of reports at the plenary session]. Moscow, 2003, pp. 142–149 (in Russian).
4. Meerovich M. G. *Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of people management (1917–1937)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
5. Garanova E. P., Kiskin E. V. Legal regime of church property: intersystem collisions of canonical and secular law (1917–1929). *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2007, no. 20, pp. 19–21 (in Russian).
6. Shchapov Ya. N. (ed.). *Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941: documents and photographic materials*. Moscow, Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 328 p. (in Russian).
7. Zybkovets V. D. *Nationalization of monastic properties in Soviet Russia (1917–1921)*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 205 p. (in Russian).
8. Resolution of the All-Union Council of People's Commissars of National Economy on March 7, 1918 on the introduction of a state monopoly on matches, candles, rice, coffee, pepper and imported spices and on the nationalisation of match and candle factories and enterprises engaged in wholesale trade in rice, coffee, pepper and spices. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1918, no. 29, art. 385 (in Russian).
9. Korzun M. S. *Russian Orthodox Church, 1917–1945: change of social-political orientation and scientific inconsistency of the doctrine*. Minsk, Belarus' Publ., 1987. 111 p. (in Russian).
10. Decree on civil marriage, on children and on maintaining books of deeds: All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars, December 18, 1917. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1917, no. 11, art. 160 (in Russian).
11. Yanushevich I. I. Formation of the system of planting atheism in the USSR. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*, 2022, no. 1, pp. 82–87 (in Russian).
12. Gubonin M. E. (comp.). *Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest church authority (1917–1943)*. Moscow, Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 1994. 1063 p. (in Russian).
13. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 93. Op. 1. D. 450. (in Russian).
14. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 405. (in Russian).
15. Yanushevich I. I. *Confessional policy of the Soviet state: lessons of history (1917–1928)*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 2005. 143 p. (in Russian).
16. Tsylin V. *History of the Russian Church, 1917–1997*. Moscow, Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1997. 830 p. (in Russian).
17. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 93. Op. 1. D. 490. (in Russian).
18. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 560. (in Russian).
19. On valuables in churches and monasteries: Decree of the All-Russian Central Executive Committee, 27 December 1921. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1922, no. 19, art. 215 (in Russian).
20. Pokrovskii N. N., Petrov S. G. *Kremlin Archives. The Politburo and the Church, 1922–1925. Book 2*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 647 p. (in Russian).
21. Letter to V. I. Molotov for the members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) of 19 March 1922. *Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU], 1990, no. 4, pp. 191–193 (in Russian).
22. Yanushevich I. I. *The policy of the Soviet state in relation to the Russian Orthodox Church 1917–1927: on the materials of Belarus*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2001. 127 p. (in Russian).
23. Yanushevich I. I. Seizure of church valuables from the Orthodox churches of Belarus in 1922. *Gistarychnaya navuka u Beldzharzhunivertsetse na rubyazhy tysyachagodzyau: materyaly Respublikanskai navukova-praktychnai kanferentsyi, prysvechanai 65-goddyu gistarychnaga fakul'teta Beldzharzhunivertseta, Minsk, 26 listapada 1999 g.* [History science in Belarusian State University at the turn of the thousand years: proceedings of the Republican scientific-practical conference, marking the 65th anniversary of the history faculty of Belarusian State University, Minsk, November 26, 1999]. Minsk, 2000, pp. 125–137 (in Russian).
24. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 1401. Op. 1. D. 8. (in Russian).
25. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 559. (in Russian).
26. Klepikau M. And the churches abolished: the anti-religious campaign of the first passive-alien years in Belarus, which resulted in the destruction of cultural and historical monuments. *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian Past], 1993, no. 5–6, pp. 50–51 (in Belarusian).
27. Pospelovskii D. V. *Russian Orthodox Church in the XX century*. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p. (in Russian).

28. *Protocols of the Commission on the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP (b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) (Antireligious Commission). 1922–1929 gg.* Moscow, Orthodox St. Tikhonovsky University of Humanities, 2014. 380 p. (in Russian).

29. Yashchuk T. F. Self-assessment of the population: from the experience of the organisation of local finance during the NEP. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2007, no. 2 (11), pp. 21–26 (in Russian).

30. Mar'yakhin G. Tax system of the Soviet state. *Finance of the USSR for XXX years. 1917–1947.* Moscow, 1947, pp. 231–292 (in Russian).

31. Krivonos F., protoierei. *God has no dead: unknown pages from the history of the Minsk diocese (1917–1939).* Minsk, MFTsP Publ., 2007. 239 p. (in Russian).

32. Prot'ko T. *Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941).* Minsk, Tesei Publ., 2006. 688 p. (in Russian).

33. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 5030. (in Russian).

34. Pishchulenok M. V. (ed.). *The Orthodox Church in Vitebshchina (1918–1991): documents and materials.* Minsk, National Archives of the Republic of Belarus, 2006. 364 p. (in Russian).

35. Zhiromskaya V. B. *Half a century under the cover of “secret”: All-Union population census of 1937.* Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p. (in Russian).

36. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 112099. (in Russian).

37. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 13219. (in Russian).

Информация об авторе

Куличенко Виктор Васильевич – аспирант. Минская духовная академия (ул. Зыбицкая, 27, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com

Information about the author

Viktor V. Kulichenko – Postgraduate Student. Minsk Theological Academy (27 Zybityskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА LINGUISTICS

УДК 811.162.1'282(438)(043.3)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220>

Паступіў у рэдакцыю 08.04.2024
Received 08.04.2024

Н. А. Снігірова

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

ДА ПЫТАННЯ АБ ПАРАДЫГМАЛЬНАЙ УЗАЕМААБУМОЎЛЕНАСЦІ КАНТАКТНАЙ І АРЕАЛЬНАЙ ЛІНГВІСТЫКІ

Анотацыя. Представлены теоретические основания парадигмальной взаимообусловленности контактной и ареальной лингвистики. Опыт научного осмысления пространственного подхода к изучению различных аспектов контактирования языков позволяет выявить тенденцию к универсализации понятийного аппарата контактной лингвистики, а также корреляцию последнего с ареальной интерпретацией диалектного ландшафта. Подчеркивается, что в иерархии дисциплин, которые анализируют процессы и результаты языкового взаимодействия, контактная лингвистика занимает более высокую позицию. В связи с этим обосновывается целесообразность интеграции отдельных терминов этой предметной области в категориальную плоскость ареальной лингвистики: мультифункциональность базовой единицы контактной лингвистики – контактемы – дает возможность, во-первых, квалифицировать более объективно и точно сложнотипичные ареальные явления (например, когда стимул для возникновения инновации, исходящий от языка-источника, не равнозначен результату в языке-адресате), во-вторых, не сужать проблему языковых контактов до вопроса заимствований и билингвизма. Особое внимание уделяется особенностям терминосистемы описываемых научных направлений. Рассматривается ряд вопросов, касающихся определения лингвистической сущности ключевых понятий «контактная зона», «заимствование», «инфильтрация» и др. Устанавливается, что термин «контактная зона» имеет концептуальное значение не только для ареалогических исследований, в более широком контексте он включается в систему понятий контактологии.

Ключевые слова: контактная лингвистика, ареальная лингвистика, контактная зона, языковые контакты, контактема, заимствование, проникновение, пограничье

Для цитирования: Снігірова, Н. А. Да пытання аб парадыгмальнай узаемаабумоўленасці кантактнай і арэальнай лінгвістыкі / Н. А. Снігірова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 213–220. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220>

Natalia A. Snigiriova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

ON THE ISSUE OF PARADIGMATIC INTERDEPENDENCE OF CONTACT AND AREAL LINGUISTICS

Abstract. The article presents the theoretical foundations of the paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics. The experience of scientific understanding of the spatial approach to the study of various aspects of language contact allows us to identify a tendency towards universalization of the conceptual apparatus of contact linguistics, as well as the correlation of the latter with the areal interpretation of the dialect landscape. It is emphasized that in the hierarchy of disciplines involved in the analysis of the processes and results of linguistic interaction, contact linguistics occupies a higher position. In this regard, the feasibility of integrating individual terms of this subject area into the categorical plane of areal linguistics is substantiated: the multifunctionality of the basic unit of contact linguistics – contacteme – makes it possible, firstly, to more objectively and accurately qualify complex areal phenomena (for example, when the stimulus for the emergence of innovation emanating from the source language is not equivalent to the result in the destination language), secondly, do not narrow the problem of language contacts to the issue of borrowings and bilingualism. Special attention is paid to the peculiarities of the terminological system of the described scientific fields. A number of issues are considered regarding the

definition of the linguistic essence of the key concepts “contact zone”, “borrowing”, “infiltration”, etc. It is established that the term “contact zone” has conceptual significance not only for arealological studies, in a broader context it is included in the system concepts of contactology.

Keywords: contact linguistics, areal linguistics, contact zone, language contacts, contacteme, borrowing, infiltration, borderland

For citation: Snigiriova N. A. On the issue of paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 213–220 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220>

Уводзіны. У сувязі з ажыўленнем увагі да ўсіх форм існавання мовы і разнастайных моўных пераўтварэнняў, выкліканых актыўным міжэтнічным узаемадзеяннем, даследаванне працэсаў і вынікаў моўнага кантактавання з'яўляецца важным як для лінгвістаў, так і для ўсіх, хто ставіць перад сабой задачу асэнсавання праблематыку камунікацыі наогул. Кантактная лінгвістыка – адносна малады напрамак сучаснай мовазнаўчай навукі – дынамічна развіваецца менавіта ў апошні час.

Нягледзячы на тое, што кантактная лінгвістыка сфарміравалася як асобная галіна мовазнаўства напрыканцы XX ст., да сённяшняга дня назіраецца варыятыўнасць і няпэўнасць як у тэрміналагічных вызначэннях дысцыпліны, так і ўнутры яе паняццёвага апарату. Можна канстатаваць, што функцыянаванне абазначэнняў “лінгвістыка моўных кантактаў” і “лінгвістычная кантакталогія” выяўляе іх атаясамліванне большасцю вучоных з найменнем “кантактная лінгвістыка”, а спробы дыферэнцыяцыі ўказаных тэрмінаў адзначаюцца спарадычна. Разам з тым у беларускім мовазнаўстве «спалучэнне “кантактная лінгвістыка” мае абмежаванае ўжыванне, хаця працы, прысвечаныя вывучэнню моўных кантактаў, вядуцца даўно і маюць ужо значныя здабыткі» [1, с. 167]. Мяркуючы прычыны нешырокага распаўсюджвання тэрміна заключаюцца ў тым, што кантактная лінгвістыка як міждысцыплінарная галіна ведаў непасрэдна суадносіцца з сацыялінгвістыкай, кагнітыўстыкай, параўнальна-гістарычным і арэальна-тыпалагічным мовазнаўствам – добра распрацаванымі сумежнымі даследчыцкімі парадыгмамі, у складзе якіх моўныя кантакты таксама займаюць галоўнае месца.

Пытанні моўных кантактаў і ўзаемадзеяння моў даўно цікавілі айчынных і замежных спецыялістаў у функцыянальным, генетычным, сінхронным і арэальным плане. Устаноўлена, што “элементы арэальнага падыходу імпліцытна прысутнічалі ў метадыцы рэканструкцыі ўжо на самых ранніх этапах славянскай кампаратывістыкі” [2, с. 40]. Аднак у XX ст. тыпалагічнае даследаванне моў часта вялося ізалявана ад арэальнай лінгвістыкі, а недаацэнка ролі арэалогіі прыводзіла да суб'ектывізму і недакладнасці ў рэканструкцыі [3, с. 13]. Між тым “прасторавая характарыстыка, паводле апошніх даных, мае выключнае значэнне для разумення моўных фактаў, паколькі аб'ядноўвае ў сабе ўсе іншыя істотныя характарыстыкі слова, у тым ліку і часавую (у анталогічным плане часавая тэрміналогія ўзнікае на базе прасторавай)” [4, с. 202]. У адпаведнасці з высновамі В. У. Мартынава, прасторавае размеркаванне моўных феноменаў дэягнастуе іх генезіс [5, с. 4].

З прычыны таго, што “профіль кантактнай лінгвістыкі яшчэ канчаткова не вызначыўся” [1, с. 167], актуальныя падыходы да асэнсавання і вырашэння праблем моўнага кантактавання мэтазгодна параўнаць у кантэксце парадыгмальнага ўзаемадзейнення кантактнай і арэальнай лінгвістыкі, што ў сваю чаргу дазволіць засяродзіць увагу на адметнасцях тэрмінасістэмы і канцэптуалізацыі складнікаў апісваемых навуковых сфер.

Асноўная частка. Як вядома, тэрмін “кантактная лінгвістыка” быў зацверджаны падчас I Сусветнага кангрэса па пытаннях моўных кантактаў і канфліктаў (Брусель, 1979) для абазначэння раздзела лінгвістыкі, які займаецца моўнымі кантактамі, што ўзнікаюць у сумежнай зоне паміж адстратнымі мовамі, у выніку міграцыі насельніцтва, заваяванняў і іншых з'яў [6, с. 185]. У адрозненне ад кантактнай лінгвістыкі кантакталогія (contactology), вывучаючы кантакты моў і культур, надае большае значэнне нацыянальна-культурнаму кампаненту моўных сродкаў [6, с. 186]. Заўважым, што праз адсылкі да названых раздзелаў мовазнаўства тлумачыцца, паводле “Слоўніка тэрмінаў міжкультурнай камунікацыі”, яшчэ адна тэрміналагічная адзінка – лінгвакантакталогія [6, с. 227].

Аналіз патэнцыяльных аналагаў найменняў кантактнай лінгвістыкі і ўласна яе феномена ў агульнатэарэтычным плане сведчыць, што сітуацыі моўнага кантакту разглядаюцца даследчыкамі праз прызму шэрагу сацыяльна-гуманітарных навук: філалогіі, этнаграфіі, антрапалогіі, сацыялогіі, псіхалогіі, геаграфіі, паліталогіі і інш. Зыходзячы з універсальнага характару метадалогіі згаданых дысцыплін, паўстае пытанне аб статусе кантактнай лінгвістыкі: ці з’яўляецца яна самастойным кірункам у іерархіі шматлікіх вектараў развіцця мовазнаўства? Згодна з меркаваннем Г. А. Цыхуна, кантактная лінгвістыка адносна кампаратыўнай, тыпалагічнай, арэальнай, кагнітыўнай і іншых галін лінгвістыкі займае больш высокае месца, паколькі кожная з іх асвятляе праблему моўных кантактаў [1, с. 167]; кантакталогія ж “вывучае вынікі ўзаемадзеяння розных структур, у тым ліку і арэальных утварэнняў, што ў сваю чаргу адносяцца да арэалогіі – навукі аб арэалах (пашырэнні ў прасторы) розных з’яў і іх узаемадзеяння” [7, с. 175]. Звужаючы кантакталогію да ўласна лінгвістычнай кантакталогіі, Ё. Айдуковіч трактуе апошнюю як “раздзел мовазнаўства, які даследуе механізмы моўнага кантакту дзвюх або некалькіх моў пры пэўных сацыяльна-гістарычных умовах і выпрацоўвае мадэлі функцыянавання гэтых механізмаў” [8, с. 445]. У рамках канцэпцыі лінгвістычнай кантакталогіі Ё. Айдуковіч прапаноўвае ўвесці ў навуковы ўжытак назву базавай адзінкі кантактнай лінгвістыкі – кантактэму – элемент мовы-крыніцы ў мове-адрасце [9, с. 1–2]. У залежнасці ад моўнага ўзроўню сербскі вучоны таксама вылучае кантактафанемы, кантактаграмемы, словаўтваральныя і лексічныя кантактэмы і г. д. і ацэньвае іх з пазіцыі адаптацыі ў мове-рэцыпіенце. Відавочна, што семантыка-прагматычны патэнцыял паняцця “кантактэма” дазваляе вырашаць праблемы моўных кантактаў якасна іншым чынам, не абмяжоўваючыся аспектамі білінгвізму і лексічных запазычанняў. Шырокае і працяглае арэальнае ўзаемадзеянне прыводзіць да развіцця падобных рыс глыбокага структурнага характару [10, с. 26–27].

Паняцце арэальная лінгвістыка ў “Лінгвістычным энцыклапедычным слоўніку” вызначаецца як “раздзел мовазнаўства, які даследуе пры дапамозе метадаў лінгвістычнай геаграфіі распаўсюджванне моўных з’яў у прасторавай працягласці і міжмоўным (міждыялектным) узаемадзеянні” [11, с. 43]. Сапраўды, арэальная лінгвістыка цесна звязана з лінгвістычнай геаграфіяй і дыялекталогіяй, і часам такое словазлучэнне выкарыстоўваецца як іх аналаг, што прыводзіць да некарэктнага разумення прадметаў даследавання і змяшэння метадаў. На наш погляд, варта размяжоўваць дадзеныя тэрміны. Асноўная задача арэальнай лінгвістыкі – характарыстыка тэрытарыяльнага размеркавання моўных асаблівасцей і інтэрпрэтацыя ізаглас [11, с. 43]. Найважнейшае паняцце гэтай даследчыцкай парадэгмы – *моўны арэал*, пад якім разумеецца “акрэсленая прастора распаўсюджвання пэўных моўных утварэнняў” [12, с. 19], межы, дакладныя контуры пашырэння той ці іншай з’явы. Лінія на лінгвагеаграфічнай карце як вынік праецыравання на яе меж (крайніх пунктаў) тэрыторыі распаўсюджвання асобнай моўнай з’явы называецца ізагласай [13, с. 206]. Арэал і ізагласа могуць быць супастаўлены знешнім формам праяўлення ўнутраных заканамернасцей структуры і развіцця мовы [14, с. 22]. У пэўным сэнсе сінанімічным да тэрміна “ізагласа” з’яўляецца яшчэ адно паняцце арэальнай лінгвістыкі – “моўная сувязь”, якое побач з галоўнымі для канструавання парадэгмы паняццямі “цэнтр” і “перыферыя” дае ўяўленне аб найпрасцейшай універсальнай канструкцыі пэўнай моўнай прасторы, уласцівай для арэальнага ўтварэння. У сучаснай славістыцы прыняты арэальны падыход да лінгвістычнага падзелу тэрыторыі Слав’і, згодна з якім уся славянская моўная прастора трактуецца як супрацьпастаўленне цэнтра і перыферыі, прычым, як адзначана раней, зыходным канцэптам выступае не мова, а моўны арэал або зоны.

Адметнай рысай лінгвістычнай геаграфіі з’яўляецца ў першую чаргу прымяненне метадыкі лінгвістычнага картаграфавання дыялектаў. Лінгвістычная геаграфія аперыруе картаграфічнымі метадамі для падрабязнай візуалізацыі адрозненняў і падабенстваў паміж моўнымі варыяцыямі ў рэгіёнах. Вызначальным прынцыпам пры арэальным апісанні фактаў тых моў, якія ўзаемадзейнічаюць, з’яўляецца іх франтальны ахоп, які не прадугледжвае аднаўлення дэталёвай лінгвагеаграфічнай карціны даследуемых з’яў [11, с. 43]. Пры гэтым мае значэнне суаднясенне арэальных масіваў, акрэсленых па крайніх пунктах, у якіх прысутнічае пэўная з’ява, а не выяўленне ўсіх месцаў, дзе яна зафіксавана (чым цікавіцца лінгвагеаграфія). У дачыненні да аб’ектаў вы-

вучэння арэальнага лінгвістыка мае магчымасць іх адлюстравання на картах-схемах (спрошчаных, часта безмаштабных картах для ілюстрацыі арэальнага малюнка). Арэалагічныя даследаванні прысвечаны высвятленню шляхоў фарміравання моўных арэалаў і асаблівасцей іх узаемных адносін, у адпаведнасці з чым “арэальнага лінгвістыка займаецца *інтэрпрэтацыяй* моўных фактаў, здабытых дыялекталогіяй і лінгвагеаграфіяй, і ў параўнанні з імі вырашае не апісальныя (фактаграфічныя), а тэрэтычныя задачы” [12, с. 19].

У сувязі з вышэйадзначаным трэба падкрэсліць розніцу ў дыялектным члянэнні мовы, якое паказвае яе генетычную дыферэнцыяцыю, і арэальнай структуры, што “адлюстроўвае пераважна інтэграцыйныя працэсы, якія праходзяць у гэтай моўнай супольнасці” [2, с. 40]. Калі “генетычная блізкасць – гэта спадчына далёкага мінулага роднасных моў, якая паступова страчваецца, то арэальныя збліжэнні маглі адбывацца ў самы апошні час. У выпадку канвергентнага развіцця пэўных моў рысы арэальнай блізкасці могуць узмацняцца”, – адзначае Н. Б. Мячкоўская [10, с. 28]. Пры этымалагізацыі міжмоўных сыходжанняў арэальны крытэрыі з’яўляюцца адным з вядучых і істотных, паколькі дазваляе заўважыць дыягнастуючыя асаблівасці, якія могуць не адпавядаць традыцыйнай генеалагічнай класіфікацыі. Грунтуючыся на ўяўленні пра норму арэала, можна абмежаваць да мінімуму колькасць магчымых рашэнняў, якія прапануе генетычны падыход, ці дапускаць цалкам іншае рашэнне [15, с. 4].

Пры генетычнай і арэальнай інтэрпрэтацыі міжмоўных кантактаў таксама важна размяжоўваць дзве формы лексічнага ўплыву: *запазычанне* і *пранікненне* (*інфільтрацыя*). Размежаванне гэтых паняццяў дае магчымасць браць семантычны крытэрыі у якасці аднаго з асноўных пры вызначэнні характару лексічнага ўзаемадзеяння паміж кантактуючымі мовамі [16, с. 33].

Тэрмін “запазычанне”, які ўкаранёны ў традыцыйным мовазнаўстве, належыць да сістэмы паняццяў генетычнай лінгвістыкі і абазначае элемент чужой мовы (слова, марфема, іншыя канструкцыі), перанесены з адной мовы ў другую ў выніку моўных кантактаў [11, с. 158] (лексічнага ўплыву іншай мовы або звароту да яе лексічных фондаў для выражэння новых паняццяў ці далейшай дыферэнцыяцыі наяўных, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння невядомых раней рэалій), а таксама сам працэс пераходу элементаў адной мовы ў іншую. Запазычванне слоў звязана з узаемадзеяннем народаў, іх культурнымі, сацыяльна-эканамічнымі, гаспадарчымі і іншымі сувязямі і дэтэрмінавана гістарычна як знешнімі, экстралінгвістычнымі фактарамі, так і патрэбай развіцця самой мовы. Магчыма, зыходзячы з практычных мэт, большасць мовазнаўцаў аддаюць перавагу тэрміну “запазычанне”, але ўсведамленне неадназначнасці такога выбару выклікае спробы актуалізацыі семантыка-прагматычнага патэнцыялу паняцця моўных кантактаў у тэрміналагічных спалучэннях “некантактныя” і “кантактныя” запазычванні. Дадзены прынцып рэалізаваны, да прыкладу, пры ўкладанні “Новага этымалагічнага слоўніка славенскай мовы” [17, с. 14]. Не адмаўляючы важнасці прасторавых крытэрыяў, неабходна падкрэсліць, што асноўная прычына запазычвання – культурны ўплыў, тэрытарыяльная сумежнасць не з’яўляецца абавязковай умовай [16, с. 31].

Пранікненне ж пэўных адзінак або элементаў кантактуючых паміж сабою моў на суседнюю моўную тэрыторыю адбываецца ў выніку абавязковай тэрытарыяльнай сумежнасці і двухмоўя ў прыгранічным раёне [16, с. 31]. Заслуга ўвядзення ў шырокі мовазнаўчы ўжытак, у тым ліку ў кантактную лінгвістыку, паралельнага ўжывання тэрмінаў “пранікненне” і “інфільтрацыя” ў проціпастаўленні тэрміну “запазычанне” належыць В. У. Мартынаву, які сцвярджаў, што “запазычванні выклікаюцца сацыяльным і культурным уплывам, пранікненні – кантактамі, якія вызначаюцца геаграфічнай сумежнасцю” [18, с. 9]. Паводле працытаванага тэзіса, пранікненне магчыма толькі пры ўмове тэрытарыяльнага кантакту паміж арэальнымі масівамі, у той час як для запазычвання такі кантакт не абавязковы. Пранікненне матывавана больш складанымі акалічнасцямі, мае ўнутраныя, структурныя прычыны экспансіі. Гэта значыць, што паняццем “запазычанне” немагчыма ахапіць тыя выпадкі ўзаемадзеяння моў, што з’яўляюцца прадметам арэальных даследаванняў.

Тэрмін “пранікненне”, які “несумненна належыць кантактнай лінгвістыцы” [1, с. 170], падаецца больш прыдатным для адлюстравання сутнасці арэальных сыходжанняў, аднак і ён не можа быць універсальным, паколькі не ўлічвае ўсе нюансы кантактавання суседніх моў, у пры-

ватнасці, калі «з’ява-стымул зусім “не пранікае” праз кантактную зону, а толькі ўздзейнічае пэўным чынам, стымулюе зараджэнне інавацыі, якая распаўсюджваецца на суседняй моўнай тэрыторыі» [19, с. 76]. Акрамя таго, падчас кантактавання моў можа адбывацца ўзаемапранікненне моўных элементаў – інтэрферэнцыя [11, с. 197]. У кантактных зонах славянскага моўнага кантынума адзначаюцца з’явы інтэрферэнцыі і інфільтрацыі, нераўназначныя непасрэдным або ўскосным запазычанням. Як падкрэслівае Г. А. Цыхун, кантакт паміж моўнымі сістэмамі можа быць толькі штуршком да змен, вынікам якіх бывае з’ява, зусім не падобная да той, што стымулявала яе з’яўленне [4, с. 202–203]. Таму праблемы моўных кантактаў знаходзяцца ў фокусе асаблівай увагі арэальнай лінгвістыкі.

Выраз “кантактная зона” мае канцэптуальнае значэнне не толькі для арэалагічных даследаванняў, у больш шырокім кантэксце тэрмін “уключаецца ў сістэму паняццяў кантакталогіі” [7, с. 175]. Прынцыпова важна, што ў рамках арэальнай лінгвістыкі зона кантактага ўзаемадзеяння двух арэальных масіваў, у выніку якога на частцы тэрыторыі пашырэння кожнай з моў, прылеглай да суседняй моўнай тэрыторыі, назіраецца дыфузія пэўнай колькасці з’яў ці стымуляваных імі інавацый, не атаясамліваецца з пераходнымі і(ці) змешанымі гаворкамі [20, с. 5]. Названыя тэрміны ўласцівы для генетычнай класіфікацыі моўнага сумежжа. Арэальны падыход канцэнтруецца на асвятленні ўзаемных пранікненняў асобных з’яў адной мовы ці групы моў на суседнія тэрыторыі. Паласа гаворак, дзе фіксуецца дыфузія, выкліканая такім узаемапранікненнем, складае кантактную зону. Натуральна, што выразнасць дыфузіі па меры аддалення ад кантактнай мяжы будзе змяншацца. Разважаючы над “распльвістым” абліччам кантактнай зоны, Г. А. Цыхун прыходзіць да наступных высноў: “Чым бліжэй па паходжанні кантактуючыя мовы, тым больш інтэнсіўны характар узаемнай дыфузіі і тым больш шырокую тэрыторыю ахоплівае кантактная зона” і “чым даўжэй узаемадзеінічаюць розныя мовы, тым шырэйшая паласа кантактнай зоны, якую ўтварае сукупная тэрыторыя распаўсюджвання большай колькасці з’яў па абодва бакі кантактнай мяжы” [7, с. 176].

Вылучаныя заканамернасці датычаць генетычнай блізкасці моў і працягласці часу іх узаемадзеяння. Беручы пад увагу гэтыя фактары, можна вырашаць пытанне прасторавых параметраў кантактнай зоны. Калі на сумежжы ў кантакт уступаюць гаворкі няроднасных моў, то памеры кантактнай зоны будуць адносна абмежаванымі. У выпадку, калі суседзяць блізкароднасныя мовы, разуменне якіх звычайна не патрабуе перакладу, кантактная зона можа мець значны аб’ём, а таксама набываць асіметрычную форму размеркавання паабапал сумежжа. Нераўнамернасць долей кантактнай зоны тлумачыцца часцей за ўсё “рознай прэстыжнасцю кантактуючых моў” [1, с. 169]. Характэрным прыкладам такой асіметрычнасці з’яўляецца беларуска-расійская кантактная зона, дзе “двухмоўнасць пераважае амаль на ўсёй тэрыторыі Беларусі, а разуменне (без перакладу) беларускай мовы ў расійскай частцы кантактуючых моў абмежавана” [1, с. 169]. Акрамя таго, межы кантактных зон могуць змяняцца пад уплывам гістарычных падзей і грамадскіх пераўтварэнняў. На дыялекталагічных картах адлюстраваны з’явы, якія дазваляюць прасачыць межы кантактнай зоны ў дыяхранічнай перспектыве. Вядома, што ў мінулым беларуска-балтыйская кантактная зона займала вялікую частку Паўночна-Заходняй Беларусі, большую частку тэрыторыі цяперашняй Літвы і Латгалію, аднак сёння названая кантактная зона не выяўляе былога маштабу.

Такім чынам, кантактная зона як прасторавая структура абавязкова фарміруецца пры моўным кантакце і мае прынцыповае значэнне для моўнага ландшафту пэўнай тэрыторыі пражывання двухмоўнага насельніцтва. Паколькі двухмоўе не існуе ў маўленні жыхароў у чыстым выглядзе, у кантактнай зоне акумулююцца спрыяльныя ўмовы для нараджэння інавацый: неаднолькавы ўзровень валодання кантактнымі мовамі абумоўлівае ўзнікненне фармальных аналогій, падобных, але не ідэнтычных моўным адзінкам кантактных моў. Іх нараджэнне, на думку З. Шцібера, выклікаецца няпоўным усведамленнем білінгвамі розніцы паміж дзвюма сістэмамі [21, с. 39]. Разам з тым адметныя сістэмныя адрозненні паміж усходне- і заходнеславянскім моўным масівам захоўваюць прыярытэтную важнасць для білінгваў, бо «некаторыя вельмі яркія асаблівасці адной з кантактуючых моў свабодна праходзяць праз фільтр двухмоўнай кантактнай зоны, утвараючы інавацыйныя “ўрэзкі” на суседняй моўнай тэрыторыі, іншыя ж надзейна за-

трымліваюцца гэтым фільтрам. Зразумела, што пры гэтым і сама з’ява, якая сталася прычынай інавацыі ці, дакладней, стымулам для яе, церпіць значныя змены, у выніку якіх інавацыя ў адной мове і яе “стымулятар” на суседняй моўнай тэрыторыі могуць не ідэнтыфікавацца» [22, с. 44]. Менавіта таму механізмы генерыравання інавацый у межах кантактнай зоны характарызуюцца беспрэцэдэнтнай з’явістай вартасцю.

Заклучэнне. На кожным новым этапе развіцця лінгвістычнай навукі напрамкі даследавання моўных кантактаў вызначаюцца патрэбамі часу і профілем дысцыплін, у рамках якіх асэнсоўваюцца працэсы ўзаемадзеяння моў і этнасаў. Прадстаўленыя ў артыкуле актуальныя навуковыя погляды на розныя аспекты моўнага кантактавання засведчылі імкненне да ўніверсальнасці паняццёвага апарату кантактнай лінгвістыкі і выявілі яго карэляцыю з канцэпцыяй арэальнага мовазнаўства. Заканамерна, што кантактнае суіснаванне моўных сістэм, пры якім назіраюцца тыпалагічныя сувязі паміж імі, можа быць аб’ектам апісання як арэальнай тыпалогіі, так і агульнай тэорыі кантактаў. Альтэрнатыўнай назвай гэтага тэрміналагічнага вызначэння з’яўляецца кантакталогія. З улікам таго, што кантактная лінгвістыка факсіруе ўвагу на канкрэтныя вынікі моўнага ўзаемадзеяння пры кантактах, варта адзначаць больш шырокі профіль кантакталогіі ад спецыяльных задач кантактнай лінгвістыкі. Уніфікацыя тэрміналогіі ўяўляецца ў дадзеным выпадку неэтактаваднай. Падобным чынам суадносяцца арэалогія і арэальная лінгвістыка, што ў сваю чаргу не павінна атаясамлівацца з лінгвістычнай геаграфіяй.

Разам з тым відавочна, што мультыфункцыянальнасць тэрміна “кантактэма”, дае магчымасць, па-першае, кваліфікаваць больш дакладна і аб’ектыўна складаныя выпадкі арэальнага ўзаемадзеяння, калі стымул для ўтварэння інавацый, што зыходзіць з мовы-крыніцы, не раўназначны выніку ў мове-адрасце, па-другое, не звужаць праблему моўных кантактаў да пытання запазычанняў і білінгвізму. У адзначаным кантэксце інтэграцыя тэрміналагічнай адзінкі кантактнай лінгвістыкі ў катэгорыяльную плоскасць арэальнай лінгвістыкі прыводзіць да арганічнага сінтэзу двух напрамкаў, што дазваляе ажыццяўляць класіфікацыю міжмоўных сыходжанняў згодна з сучаснымі тэндэнцыямі развіцця тэорыі моўных кантактаў і практыкай ужывання рэлевантных тэрмінаў і паняццяў у навуковых працах. Як уяўляецца, адлюстраваны вектар эвалюцыі прасторавага падыходу да разгляду моўных фактаў указвае на перыяд актыўнага самавызначэння даследчыцкай парадыгмы кантактнай лінгвістыкі.

Тэрытарыяльнае кантактаванне блізкароднасных моў, пры якім інавацыі інтэнсіўна распаўсюджваюцца на суседнюю тэрыторыю, спрыяе таму, што ў сумежных мовах могуць пераважаць інавацыйныя з’явы. Генетычная блізкасць кантактуючых моў і дыялектаў у значнай ступені стымулюе пашырэнне арэальных інавацый, з-за чаго адбываецца яшчэ большае збліжэнне суседніх моў. Асабліва актуальна гэта для ўсебаковага вывучэння моўнага сумежжа Слав’і, якое выяўляе вялікую колькасць канвергентных ізаглас, рознаўзроўневых і рознамаштабных праяў арэальнай супольнасці. Безумоўна, пры ідэнтыфікацыі і інтэрпрэтацыі такіх з’яў славянскага дыялектнага кантынуума неабходна адначасова ўлічваць комплекс крытэрыяў, якія характарызуюць іх фармальную, структурную і тэрытарыяльную блізкасць, што, адпаведна, прадугледжвае выкарыстанне прыёмаў генетычнага, тыпалагічнага і арэальнага аналізу.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Цыхун, Г. А. Некаторыя праблемы кантактнай лінгвістыкі (адносна тэрміна і паняцця «кантактная зона») / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 167–171.
2. Цыхун, Г. А. Арэальная тыпалогія славянскіх моў: прынцыпы і напрамкі даследавання / Г. А. Цыхун // Выбраныя працы: беларусістыка, славістыка, арэальная лінгвістыка / Г. Цыхун; склад., уступ. арт. М. В. Супрунчука; рэд.кал.: С. А. Важнік (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 39–66.
3. Судник, Т. М. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСЛязС) / Т. М. Судник, В. Н. Топоров, С. М. Шур // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: тез. докл. / Ин-т славяноведения АН СССР; отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1964. – С. 13–19.
4. Цыхун, Г. А. Арэальныя аспекты семантычнай рэканструкцыі / Г. А. Цыхун // *Studia etymologica Brunensia* 1 / ed.: I. Janišková, H. Karliková. – Praha, 2000. – S. 201–207.
5. Мартынов, В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1982. – 44 с. – (IX Международный съезд славистов: доклады).

6. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова [и др.]; под ред. М. Г. Лебедево, З. Г. Прошиной. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 632 с.
7. Цыхун, Г. А. Паўночны фрагмент заходнеславянска-ўсходнеславянскай кантактнай зоны / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 175–179.
8. Айдукович, Й. О некоторых понятиях лексической контактологии / Й. Айдукович // Русский язык: исторические судьбы и современность = Russian language: its historical destiny and present state: II Междунар. конгр. исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак.: труды и материалы / Моск. гос. ун-т; сост.: М. Л. Ремнёва [и др.]. – М., 2004. – С. 445–447.
9. Ајдуковић, Ј. Контактма – основна јединица лингвистичке контактологије / Ј. Ајдуковић // Славистика. – 2003. – Кн. 7. – С. 74–84.
10. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – Минск: Амалфея, 2000. – 368 с.
11. Языкознание: большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.). – М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. – 683 с.
12. Цыхун, Г. А. Аспекты славянскай арэальнай лінгвістыкі / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 19–35.
13. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
14. Взаимодействие лингвистических ареалов: теория, методика и источники исследований / М. А. Бородина [и др.]; отв. ред. М. А. Бородина. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 272 с.
15. Міжславянскія ізалексы ў беларускіх этымалагічных слоўніках / М. Абрагімовіч [і інш.]. – Мінск: [б. в.], 1998. – 16 с. – (XII Міжнародны з’езд славістаў: даклады).
16. Мартынов, В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян / В. В. Мартынов. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 250 с.
17. Furlan, M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek / M. Furlan. – Ljubljana: Založba ZRC, 2013. – 221 s. <https://doi.org/10.3986/9789612546656>
18. Мартынов, В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы: лексическая синонимия / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1978. – 48 с. – (VIII Международный съезд славистов: доклады).
19. Цыхун, Г. А. Паўднёваславянска-ўсходнеславянскія моўныя сувязі / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 74–101.
20. Снігірова, Н. А. Паўночна-ўсходнія арэальныя інавацыі ў польскай мове: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.03 / Н. А. Снігірова. – Мінск, 2009. – 175 л.
21. Stieber, Z. Sposoby powstania słowiańskich gwar przejściowych / Z. Stieber // Świat językowy Słowian / Z. Stieber; red.: A. Obrębska-Jabłońska [et al.]. – Warszawa, 1974. – S. 33–64.
22. Цыхун, Г. А. Інавацыі славянскіх кантактных зон / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 42–46.

References

1. Tsykhun G. A. Some problems of contact linguistics (regarding the term and concept of “contact zone”). *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 167–171 (in Belarusian).
2. Tsykhun G. A. Areal typology of Slavic languages: principles and directions of research. *Selected works: Belarusian studies, Slavic studies, areal linguistics*. Minsk, 2012, pp. 39–66 (in Belarusian).
3. Sudnik T. M., Toporov V. N., Shur S. M. To the characteristics of the southern part of the Baltic-Slavic language union (BSLU). *Problemy lingvo- i etnogeografii i areal'noi dialektologii: tezisy dokladov* [Problems of linguistic and ethnogeography and areal dialectology: abstracts of reports]. Moscow, 1964, pp. 13–19 (in Russian).
4. Tsykhun G. A. Areal aspects of semantic reconstruction. *Studia etymologica Brunensia 1*. Praha, 2000, pp. 201–207 (in Belarusian).
5. Martynov V. V. *The formation of the Proto-Slavic language according to the data of Slavic-foreign language contacts*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1982. 44 p. (in Russian).
6. Zhukova I. N., Lebed'ko M. G., Proshina Z. G., Yuzefovich N. G. *Dictionary of terms of intercultural communication*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2013. 632 p. (in Russian).
7. Tsykhun G. A. The northern fragment of the West Slavic-East Slavic contact zone. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 175–179 (in Belarusian).
8. Aidukovich I. On some concepts of lexical contactology. *Russian language: its historical destiny and present state: II International congress of Russian language researchers, Moscow, Moscow State University, March 18–21, 2004*. Moscow, 2004, pp. 445–447 (in Russian).
9. Ајдуковић Ј. Contacteme is the basic unit of linguistic contactology. *Slavistika = Slavic studies*, 2003, no. 7, pp. 74–84 (in Serbian).
10. Mechkovskaya N. B. *General linguistics. Structural and social typology of languages*. Minsk, Amalfeya Publ., 2000. 368 p. (in Russian).
11. Yartseva V. N. (ed.). *Linguistics: big encyclopedic dictionary*. 2nd ed. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1998. 683 p. (in Russian).
12. Tsykhun G. A. Aspects of Slavic areal linguistics. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 19–35 (in Belarusian).

13. Starichenok V. D. *Big linguistic dictionary*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 811 p. (in Russian).
14. Borodina M. A. (ed.). *Interaction of linguistic areas: theory, methodology and sources of research*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 272 p. (in Russian).
15. Abragimovich M., Voilkava Ya., Kazlouskaya-Doda Ya., Luchyts-Fedarets I., Mal'ko R., Osipchuk A., Tsykhun G. *InterSlavic isolexes in Belarusian etymological dictionaries*. Minsk, 1998. 16 p. (in Belarusian).
16. Martynov V. V. *Slavic-Germanic lexical interaction of the most ancient times: to the problem of the ancestral homeland of the Slavs*. Minsk, Publishing House Academian Sciences of the BSSR, 1963. 250 p. (in Russian).
17. Furlan M. *Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek*. Ljubljana, Založba ZRC, 2013. 221 p. (in Slovenian). <https://doi.org/10.3986/9789612546656>
18. Martynov V. V. *Balto-Slavic-Italic isoglosses: lexical synonymy*. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1978. 48 p. (in Russian).
19. Tsykhun G. A. South Slavic-East Slavic language connections. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 74–101 (in Belarusian).
20. Snigirova N. A. *North-Eastern areal innovations in the Polish language*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2009. 175 p. (in Belarusian).
21. Stieber Z. *Sposoby powstania słowiańskich gwar przejściowych. Świat językowy Słowian*. Warszawa, 1974, pp. 33–64 (in Polish).
22. Tsykhun G. A. Innovations of the Slavic contact zones. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 42–46 (in Belarusian).

Информация об авторе

Снигирёва Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nataliasnigirova@gmail.com

Information about the author

Natalia A. Snigirova – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nataliasnigirova@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.037
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229>

Поступила в редакцию 29.04.2024
Received 29.04.2024

Т. Г. Мдивани

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ АВАНГАРДЕ

Аннотация. На основе музыковедческого анализа композиторского текста рассматриваются важнейшие стилевые репрезентанты авангардной музыки XX века: додекафония, коллаж, сонорика. При характеристике додекафонии отмечаются ее новые, неклассические черты, связанные с равноправностью 12 тонов, опорой на принцип ряда, означающий линейную концепцию музыки, строгий детерминизм и эстетический инфантилизм. Объясняются причины исчерпания ресурсов додекафонии как творческого метода и его преемственная связь с музыкальной классикой. При характеристике коллажа раскрываются его опора на принцип казуальности и тесная связь с феноменом цитирования, представленного в постнеклассической музыкальной парадигме в гиперболизированной форме. Особое внимание уделяется сонорике, содержащей интенцию к красоте и чувственности. Рассматриваются различные типы сонорного текста, где выделены такие параметры, как пространственность, гипермногоголосие, тембрика. Указывается, что акцентуация красочной звучности привела к “монотонии роскоши”, принципа повторяемости – к излишней конструктивной простоте, тембровой стороны музыки – к однообразию стилевого рисунка. Обозначен генезис явления – стереофоническая звучность храмовой музыки. Цель статьи – раскрыть линии преемственных связей авангардных новаций, задачи – показать пути адаптации классических принципов музыки в музыкальном авангарде XX века, представленном неклассическим и постнеклассическим стилем музыкального мышления. Главным выводом работы является теза *Littëra scripta manet*.

Ключевые слова: музыкальный авангард, додекафония, коллаж, сонорика, неклассичность, постнеклассичность

Для цитирования: Мдивани, Т. Г. О преемственности в музыкальном авангарде / Т. Г. Мдивани // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 221–229. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229>

Tatyana G. Mdivani

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

ON CONTINUITY IN THE MUSICAL AVANT-GARDE

Abstract. On the basis of musicological analysis of the composer’s text, the most important style representatives of avant-garde music of the twentieth century are considered: dodecaphony, collage and sonorica. When characterizing dodecaphony, we note its new, non-classical features associated with the equality of 12 tones, reliance on the principle of series, meaning a linear concept of music, rigidus determinism and aesthetic infantilism. The reasons for the exhaustion of the resources of dodecaphony as a creative method and its continuity with the musical classics are explained. When characterizing collage, its reliance on the principle of casualness and its close connection with the phenomenon of quotation, presented in the postnon-classical musical paradigm in a hyperbolized form, are revealed. Particular attention is paid to sonorics, containing the intension to beauty and sensuality. Different types of sonoric text are considered, where such parameters as spatiality, hypermultiplicity, and timbricity are emphasized. It is pointed out that the accentuation of colorful sonority led to “monotony of luxury”, the principle of repetition – to excessive constructive simplicity, the timbre side of music – to dull /boring/ sameness of style pattern. The genesis of the phenomenon and its connection with the stereophonycity of sound in temple music is outlined. The aim of the work is to reveal the genesis of avant-garde innovations, the tasks are to show the ways of adaptation of classical principles of music in the musical avant-garde of the twentieth century, represented by non-classical and postnon-classical style of musical thinking. The main conclusion of the work is the thesis – *Littëra scripta manet*.

Keywords: musical avant-garde, dodecaphony, collage, sonorics, non-classicality, postnon-classicality

For citation: Mdivani T. G. On continuity in the musical avant-garde. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 221–229 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229>

Введение. Известно, что искусство есть умение выразить себя по признакам красоты, что художественное произведение обусловлено мировоззрением и чувством прекрасного, что содержанием композиторского творчества выступают не только музыкальный материал, но и мироощущение, мировосприятие автора и что новизна музыкального произведения определяется его отношением к традиции и существующему творческому опыту. Во второй половине XX в. в ранг ведущей идеи творчества была возведена постнеклассическая парадигма, отрицающая неклассическую парадигму музыки первой половины XX в. – додекафонию, серийность и сериальность. Между тем исторически сложилось так, что развитие и эволюция музыки всегда основывались на системе норм, конкретных художественно-эстетических идей и творческих принципов, которые передавались из поколения в поколение. Линия преемственных связей обнаруживает себя и в неклассической, и в постнеклассической музыкальной реальности.

Основная часть. Неклассическая музыкальная парадигма заявила о себе в начале XX в. В 1905 г. А. фон Веберн апробирует принцип серии (вступление к Струнному квартету), в 1913 г. он пишет первое законченное додекафонное сочинение – «Оркестровая пьеса № 1». Одновременно А. Шенбергом создаются три додекафонные композиции оп. 11, в том числе знаменитая «Lockung», Б. Бартоком – «14 багателей», С. Прокофьевым – «Наваждение». В 1909–1910 гг. появляется скрябинский «Прометей», в 1911 г. – «Петрушка» И. Стравинского [1, с. 35], в 1912 г. – техника 12-тоновых рядов А. Берга (Пять песен на тексты П. Альтенберга). Таким образом, в течение 5–10 лет сочиняются знаковые произведения, в которых властвует не тональность, единое центрирование, консонанс, а совершенно иная система организации музыкальной материи и новая звуковая эстетика – 12-тоновость, или додекафония, и диссонансная звуковысотная реальность.

Конструктивным принципом додекафонной системы выступили равноправие тонов и децентрализованная тональность. Кроме того, в додекафонии аккордовая концепция музыки (вертикальная; гомофонный стиль) сменилась на линейную (полифония, горизонталь), где законами логики управлял не квинтовый, аккордовогармонический принцип связи, а полутоновый, линейный, опирающийся на динамическую идею – вперед и вверх. Отсюда неизбежна актуализация звукового ряда или ряда тонов как выразителя новой логики – логики ряда и линейной логики.

Закон 12 тонов, ставший репрезентантом неклассического способа конструирования музыкальной материи, обладал столь же сильными организующими качествами, как и классическая тональность: это – всеобъемлемость высот (12 тонов), упорядоченность (серия и ее 4 формы; транспозиции), единство (ряд), организационная логика (строгое и определенное соотношение тонов серии и порядок следования самих рядов). С позиций представлений о границах музыкальной целостности критерием выступили количество тонов – только 12, их неповторяемость, как и неповторяемость самого ряда (первое проведение ряда, за ним другое, или второе, и т. д. без перерыва). Принцип неповторяемости, проявивший себя на всех уровнях и во всех аспектах музыкальной композиции (звуковысотности, ритма, агогики, системы длительностей и т. п.), был положен в основу додекафонной формы, уводящей от стандартов классического конструирования.

Открытие «закона двенадцати тонов» (выражение А. Шенберга) стало определенным рубежом в эволюции музыки академической традиции, поскольку предлагало альтернативный классическому путь развития музыкальной целостности. Классическая (функциональная) тонально-гармоническая логика, сводимая к закону иерархии и подчинения Единому (тонике как центральному элементу системы, главному тону), символизировала прочность человеческого существования, авторитетность разума. Неклассическая, додекафонная форма претендовала на такую же прочность связей и смысловых оснований, но на новых условиях – на условиях функционального равенства всех 12 звуков и эстетики диссонанса (хроматики). Новый тип порядка, базирующийся на элементах математического метода, по существу, зиждился на безусловной вере в жесткий детерминизм и идею непрерывности, игнорируя необходимую дискретность в развитии музыкального процесса и серьезно преувеличивая самодовлеющий механицизм.

Додекафонія стала кульмінацыяй у пошуку новай формы арганізацыі музычнай матэрыі, асновай на тэмперацыі. Атрыманне сістэмай статусу новага аснованага музычнай кампазіцыі сведчыла аб «концы» тональнай музыкі, з прысущымі ёй тыпамі конструіравання і эстэтыкай консонанса, і адначасна аб «начале» новага стыля музычнага мышлення, базіруючага на ідэе парадка і эстэтыцы дыссонанса. У цэлым, додекафонія азначала «ісчэрпаны лініі павышэння ад (абсалютнага) консонанса да крайніх дыссонансаў» [1, с. 86], пасля чаго пачаўся зваротны ход гісторыі музыкі.

Між тым у сваіх агульных рысах 12-тоновасць аказвалася преемственна звязанай з сістэмай докласічных ладаў і з варыяцыйнай формай. Лінія преемственнасці праявілася ў прамой рэмінісцэнцыі докласічнай кампазіцыйнай тэхніцы і музыкі Анонімаў. У XIV–XVI вв. панавала 12-звучная рад, слабая выражанасць цэнтру, адсутнасць функцыянальных звязей і тональнай апоры, а таксама арыентацыя на колькасны аспект кампазіцыі – на суму звукоў, ладаў і звукоступеней, а таксама пераважанне карэлята «музычная – тэкстомузычная форма» (дыктаваўся кананічным тэкстам).

Кроме арганізуючага пачатку ў додекафоніі – на ўзроўні прадукцыі – захавала сваё значэнне жанравая сістэма музыкі: орацыя, канцэрт, сюіта, квартэт, сімфонія, песня, пьеса, хор – у А. Шенберга; опера, канцэрт, сюіта, пьеса, песня, квартэт – у А. Берга; сімфонія, квартэт, пьеса, песня – у А. фон Веберна; сімфонія, канцэрт, квартэт, соната, пьеса, кантата, опера, песня – у П. Хіндемита; сімфонія, опера, балет, кантата, песня, пьеса, канцэрт – у І. Стравінскага і т. д. Не змяніліся і тыпы форм (напрыклад, песенная, варыяцыйная у Шенберга і Веберна, канон у Берга), а таксама тэмперіраваны высоўна-апрадэляваны звук і спосаб запісу музыкі традыцыйнымі нотнымі знакамі. Аднак пошкі А. Веберна, Ф.-Х. Кляйна, А. Шенберга, а таксама Н. Рослаўца, Е. Гольшэва, Н. Обухова і др., накіраваныя на стварэнне і воплотненне ў музыцы новага міра і новага музычнага парадка, усё ж знаходзіліся ў валасці чаруючай сваёй новізны конструктыўнай ідэі. Паэтым додекафонія – гэта не столькі *рэмінісцэнцыя* «образа» старыняй эпохі, колькі рэпрэзэнтант некласічнага стыля музычнага мышлення, знаходзячыся ў преемственнай звязі са старыняй музыкой. У звязі з додекафоніяй правасмерна гаворыць і аб яе гістарычнай ролі ў эвалюцыі музычнага мышлення, якую следваць разумець як *перелом* у творчэскай свядомасці і зварот ад класічнага музычнага мышлення да новаму, некласічнаму. Як высветлілася ўжо ў паслевоеннае час, традыцыя ў якасці лініі преемственных звязей захавалася толькі за сэрійнасцю, прытым у кантэксце другіх кампазіцыйных тэхнік.

Постнекласічная музычная парадыгма, сфарміраваная ў паслевоенны перыяд як рэакцыя на засилье парадка, ігнаруючага творчэскае пачаток, праявіла сябе ў трох аспектах – сонорыке, алеаторыке (каллажэ, эвэнтуальнасці) і Новым звуку. Кожны з іх мае преемственную звязь з традыцыямі акадэмічнай музыкі. Пачаткова астанавімся на коллажэ, які прадэманстравал протывоположны додекафоніі творчэскі эдыкт – творчэскую свабоду, выражыўшуюся ў непрысказуемасці, казуальнасці. Коллажная тэхніка была асновай на саахаванні несачаемага, т. е. на ўключэнні ў музычную ткань (прадукцыі) неавторскага матэрыяла. Інкрусціацыя стварала некаторую ілюзію алогізма, аднак у цэлым базіравалася на ўзвешаннасці кожнай дэталі музычнага тэкста. Так, напрыклад, у Сімфоніі (1969) Л. Беріо суть коллажа заключаюцца ў саахаванні музыкі і гавора (атрыўкі з романа «Неназываемый» С. Беккета), сама жэ канструкцыя сааіненыя ўполне класічна. Па словам Л. Кірліной, цэннасць музыкі Беріо заключаўся ў тым, што на фоне «тотальнага тэхніцызма» [2, с. 96] кампазітор саадел папытку вярнуць музыцы эмоцыю і рэканстравіраваць класічны тып і сімфонічнага жанра, і музычнай формы. Ключавым момэнтам саахавання традыцыйнага і новага выступіла сааінэнне новага музычнага саааінэння і старыняй формы. Успэсастві ідэя коллажа была развіта Л. Ноно (опера «Нетерпимость») і А. Шнітке (яго полістылістычная канцэпцыя асновай на сааінэнні аавторскага і разнаобразнага неавторскага матэрыяла)¹.

¹ Коллажную тэхніку іспользаваі і беларускія кампазіторы, ў тым ліку Д. Смольскі, О. Ходоско.

Главной целью коллажа было введение элемента непредсказуемости в процесс развития, что ассоциировалось с представлениями о творческой свободе и давало возможность выйти за пределы серийного стереотипа формы. Органично вписавшись в формирующееся новое представление о мире, согласно которому природа пишется «языком противоположностей», коллаж стал олицетворением нелинейности как неперiodичности, уводящей от устойчивого плана формы и сквозного алгоритма музыкальной структуры.

Мерой такой архитектурной концепции была фрактальность, которая разрывала форму инкрустациями, «чужим» материалом, в результате чего её очертания были уже не плавными, правильными, заранее «заданными», но напротив – зигзагообразными, «неправильными» и непредсказуемыми. В этом проявилась нелинейность коллажного принципа, ибо в результате намеренного разрыва в цепи причинностей форма вытягивалась не по прямой, а выглядела зигзагообразной, фрактальной, «неправильной». Такая «алогичность» задумывалась композитором, восставшим против тотального детерминизма, и являла собою разумный, творческий эдикт.

Примером фрактальной композиции является «Катридж-музик» для амплифицированных звуков (1960) Д. Кейджа, где нотный текст представляет собою геометрические фигуры (музыкальная графика вместо нотных знаков), которые распределены по листкам партитуры и развиваются в процессе прикосновения катриджей к виниловой пластинке согласно нелинейной логике. Первоначальная графическая фигура, т. е. нотный знак и конфигурация звуков (своего рода иероглиф), постепенно дробится на уменьшенные в масштабе самоподобные фрагменты, которые затем повторяются и останавливаются без предварительной подготовки – согласно времени, указанному на секундомере. Музыкальный процесс включает в себя музыкальные и немзыкальные звуки, которые вводятся исполнителем по собственному усмотрению (отсюда коллажность). Сочинение примечательно еще и тем, что фракталы повторяются нерегулярно, произвольно, предполагая бесчисленное множество звуковых воплощений в импровизациях исполнителя. Масштабная инвариантность придает формообразованию произведения новые черты: нестабильность структуры, отсутствие границы, множественность трактовок, что хотя и указывает на отсутствие традиционного порядка, но в силу наличия начальных условий характеризует композицию как систему, обладающую потенциалом упорядочения. Таким образом, композитором был создан новый метод формообразования, вбирающей в себя не только традиционный звукотонный материал, но и все звучания мира («Все, что мы делаем, – это музыка») – тишину, молчание, немзыкальные звуки (звук катриджа), визуалистику (в виде музыкальной графики).

Другим примером коллажа является инкрустация авторского материала чужим, неавторским текстом в контексте стилизованного рисунка произведения. Таковы цитаты, аллюзии, реминисценции, например, в «Гимнах К. Штокхаузена, где музыкальный материал словно соткан из интонаций гимнов (в виде фрагментов) народов мира. Иной коллаж «Коллаж на тему В-А-С-Н» (1969) А. Пярта, где монограмма *bach* «скрыта» в голосах оркестровой ткани. «Скрытая» логика сильнее явной (явных симметрий, пропорций) и потому по определению несет в себе некий новый эстетический критерий. Отсюда, собственно, способ организации элементов, ориентированный на исполнительский волюнтаризм, как и материал музыки, является новым как по отношению к классике, так и по отношению к неклассике – довоенному авангарду. Вместе с тем инкрустации, создающие эффект алогизма и неожиданности (казуальности), неожиданны лишь для слушателя: композитор выстраивает форму до мелочей, регулируя и исполнительскую ситуацию.

Коллаж не стал панацеей от засилья серийности, поскольку проигрывал в эстетическом плане, в какой-то степени снижая значение авторского, индивидуального начала. В целом же значение коллажа в движении к новой целостности и укреплении позиций новой, казуальной логики, можно сказать, позитивно. Во-первых, коллаж подготовил почву для алеаторической формы и стал промежуточным звеном между строго высчитанной структурой и структурой, допускающей «свободу». Во-вторых, специфика коллажа заключала в себе новый смысл функционирования музыкальной структуры, centered на идее импровизации, которая гармонизовалась мерой в виде вероятности. В-третьих, коллажная «логика» демонстрировала недостаточность додекафонии, в том числе и для выражения внутреннего, творческого начала.

Вместе с тем у коллажа есть и исторические корни: во-первых, в феномене цитирования (Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, А. Дворжак), представленном в музыкальном авангарде в гипертрофированном виде, – во-вторых, в практике сочинения в доклассическую эпоху, эпоху Анонимов, когда авторство как таковое не фиксировалось.

Наиболее ярким завоеванием музыкального авангарда в его постнеклассической фазе является сонорика – музыка звучностей. Сонорика а priori апеллирует к музыкальной пространственности, объемной стереофонической звучности и так называемым «большим числам». Суть вопроса в следующем. Если в греческой и доклассических системах звуковые формы опирались только на приму (октаву) и квинту (кварту), т. е. на совершенный консонанс, то в эпоху Возрождения и Новое время к ним добавилась терция (секста), которая получила статус несовершенного консонанса. В XX в. эволюция музыки шла сначала от дальнейшего дробления единого – на секунду (септиму), тритон и микротон, т. е. по пути легализации диссонанса, а затем начался обратный процесс – малые величины объединились в большие (сонорика, пространственная музыка, музыкальная статика), благодаря чему сформировалось разумноженное единое, связанное с понятием «множество». «Переход ко все более сложным и большим числам, – писал Ю. Холопов, – соответственно к высшему уровню отношений» есть музыкальная история с точки зрения числа, суть которой в непрерывном дроблении единого» [3, с. 84].

Лидер музыкального авангарда Д. Лигети писал о своем увлечении звуковыми пространствами: «Пусть умолкнет, наконец, фетиш западной композиции, ткацкая машина сериализма. В статических звучаниях открылись новые красоты погруженного в самое себя времени и игра звуковыми моллюсками, красоты стихийных круговращений и мифологического движения горных массивов» [4, с. 14]. Он отмечал: «Представление о “статической” музыке, которое я воплотил <...> в 1961 году в “Атмосферах”, существовало у меня уже с 1950 года. Я знал, что как-нибудь смог бы сочинить музыку без мелодии, без ритма, музыку, в которой формальные очертания – множество наполняющих ее подробностей – не будут восприниматься как отдельные моменты, но друг с другом переплетаться, связываться в музыку, где краски будут радужно переливаться...» [4, с. 42].

По существу, сонорика выступила как новая звуковая множественность, где количественное и оформляет, и формирует качественное и звуковое качество: темперированное 24-звучие (включает энгармонизм) и электронную звучность (состоит из (бесчисленно) дробных частей и частиц и т. д.). При этом и то, и другое выступает носителем красочной звучности. Отсюда следует, что красота супер- и сверхмногоголосия, звуковых «точек», «пятен», «блоков» (А. Маклыгин) есть самоценная красота, которая определяется эмансипированным тембром. Ее выразителем явился темброзвук, главным признаком которого выступил принцип множественности. Эстетической парадигмой темброзвучности являлась темброкрасочность – символ гармонии, вертикали, пришедшей на смену ряду, линии, т. е. горизонтали. И поскольку тембр а priori выступает репрезентантом единства множественного (звуков, призвуков и проч.), то сонорность, будучи составленной из однородных (однородных) множественностей, являет собой целое как множественность, т. е. разумноженное, или расширенное, целое. В этом заключается отличие сонорика от неделимой единичности и тоже множественности – одного звука или тона, объединяющих в одно некоторую совокупность призвуков. Тем самым сонорность как носитель чувственной музыкальной (звуковой) красоты и как репрезентант расширенного звукового мира на уровне его звуковой формы обеспечила высвобождение музыкальных реалий от рафинированной звуковой эстетики серийности. По словам российского композитора В. Мартынова, сонорика соприкасалась с высшей реальностью и с «трансцендентными основами цивилизации».

В восстановлении авторитета чувственного, духовного не последнюю роль сыграло и увлечение европейцами Востоком, в частности, буддизмом. Известно, что Восток не знает культивирования самости, индивидуально-субъектного содержания личности, и апеллирует к «растворению «Эго» в общем бытийственном потоке» (М. Мамонова). Интерес к неевропейскому началу был присущ Дебюсси, Стравинскому, Малеру, а в середине XX в. – Хауэру и особенно Мессияну. Поэтому актуализация чувственного как коррелята внелогичности (чувство не измеряется)

и «музыки Космоса» в послевоенном музыкальном авангарде была исторически подготовлена, явившись своеобразным ответом на традицию вычисления музыки с помощью математики.

К. Штокхаузен по этому поводу отмечал: «Тот аристотелевский способ мышления, который позволяет говорить об объекте без субъекта, подошел к своему завершению. Он становится специальным случаем в способе мышления неизмеримо более широком. <...> Существует возможность постгегелевского и тем самым постаристотелевского способа мышления, по меньшей мере, в трехмерной и n -мерной логической системе, где уже нет простой оппозиции между объектом и субъектом. <...> Существует бесконечный ряд из Я (т. е. субъекта. – *М. П.*), бесконечный ряд из ТЫ (объекта. – *М. П.*) и бесконечный ряд из ТОГО (ИНОГО) (т. е. особой интегрирующей истоковой инстанции – трансцендентного *Принципа-Истока*, пребывающего по ту сторону (за пределами) как субъекта, так и объекта. – *М. П.*) и именно они и составляют в данном случае смысл. В классической логике третье всегда исключалось. <...> В новой космологии эти традиции интегрированы между собой». И далее: «... В музыкальном творчестве всегда необходимо обнаруживать какой-либо из аспектов Универсума. <...> Имеются большие периодичности года, месяца или луны, дня, а также космического года. Существует фундаментальная периодичность всего космоса, когда он расширяется и сжимается – [это] ОН дышит, Бог дышит всегда, естественно, периодически, насколько возможно об этом помыслить. Это фундаментальный принцип Вселенной, а все прочее лишь частичные проявления этого принципа – годы галактик и солнечных систем и т. д. И нисходя до атомов и даже [внутри]атомных частиц, всегда существует периодичность. <...> Всё производит звуки. <...> Всё время звучит музыка сфер» [5, с. 53]. Таким образом, Штокхаузен рассматривал сонорную музыку как пространственную, космическую, которая «дышит» и организуется по законам вселенского бытия.

Сонорика может быть представлена не только темперированной звуковысотностью, но и графическими знаками, например, утолщенной линией или вертикальным столбом, где звуки высотно неразличимы и не имеют указаний на высоту (К. Пендерецкий – «Космогония», «Заутреня»; К. Штокхаузен – «Гимны», «Zeitmasze»). Кроме того, нередко сонорные вертикали мирно уживаются с серийностью тематического развития, символизирующей горизонталь (К. Пендерецкий, В. Кузнецов). Так, у Д. Лигети в сочинении для оркестра «Призраки» («Видения») высотно-дифференцированные вертикали включают много энгармонически равных нот, которые выполняют колористическую функцию (будучи связанными со звучанием различных неоднородных или многих однородных инструментов, например, струнных). Сонором являются и своеобразные «движущиеся» кластеры, внутри которых может осуществляться серийный тип связи между звуковысотными элементами. Следует упомянуть и сонорную трактовку одного тона, интервала, как бы повисающих в пространстве. Например, в «Эвфонии» В. Кузнецова манифестация звукового колорита ассоциативно связана с метафизическим наполнением образности. Статичное многоголосие включает здесь звуковысотную дифференцированность (12 разных звуковысот) и одновременно их регистровое разумножение (удвоение, утроение). В композиции невозможно выделить главный, опорный тон ввиду однородности ткани, звуковысотного энгармонизма и тембрового слияния звуков. Сонорные аккорды изложены целыми нотами вперемежку со звуковысотными аппроксимациями, следуют друг за другом в замедленном темпе, благодаря чему изменения почти не прослушиваются, едва ощутимы. «Замазанность» главного тона, незаметность изменений в интонационном рисунке, олицетворяющем идею «длительности», статики, создают впечатление музыкального дления, не имеющего опорных вех. Между тем организующие факторы обнаруживаются аналитическим путем: четкий размер, темп, динамика крещендирующей формы образуют целый набор конструктивных начал, организующих последовательность звуковых массивов. Организующие конструкты – повтор, аналогия – выполняют здесь обычную для музыки функцию связи темброкрасочных звучностей. Сказывается действие и такого «внелогичного» критерия порядка, как пролонгирование сонорного материала без пауз, без остановки. Следовательно, сонорика хотя и воспринимается как нечто неизмеримое, недифференцируемое целое, на самом деле весь аккордовый массив композитор организует по определенному принципу, но без участия контраста.

Таким образом, поиски новых методов композиции во второй половине XX в. сопровождались работой в области самого звукового феномена. С одной стороны, звук дробился в микрохроматике (1/4 тона, 1/12 тона и т. д.), с другой – количественно расширялась звуковысотная основа, доходя до гипермногоголосия (сонорика у К. Пендерецкого, А. Шнитке, Д. Лигети).

На основе сонорной трактовки звуковысотных элементов и тембровых начал развилась пространственная концепция музыки, где музыкальное пространство – образ Космоса – структурируется по-разному. Например, сонорное «пятно», символизирующее звезду, можно «вычислить», апеллируя к топографии (верх–низ, право–лево), сонорную «точку» – к положению по высоте (звезды на небе), кластер или «сверхмногоголосие», олицетворяющие Галактику, – к звуковой плотности и т. д. Многообразные разновидности сонорного феномена дают возможность по-разному интерпретировать музыкальное пространство в условиях многопараметровости и «морфологии музыкального времени» (Штокхаузен). Поэтому сонорика, репрезентируя, на первый взгляд, только чувственное, красочное, ставит и вопросы, имеющие отношение к конструктивному аспекту музыкальных элементов: как измерить, «обмерить» и проанализировать звуковой блок, изображенный, например, в виде «рисунка» или группы точек. Современная наука еще не выработала единый метод анализа («аппарат измерения» по Ю. Холопову) сонорики, хотя композитор абсолютно точно знает, к чему стремится и что воплощает его музыка. Ясно одно: сонорика всегда апеллирует к «душе». На наш взгляд, композиционной основой сонорных сочинений является точный расчет всех параметров – порядка следования, построения звучностей (фигур, рисунков, линий), их длительности и координации в «пространстве».

Между тем сонорика имеет четкий генетический адрес: 1) антифонное пение с эффектом эха в христианских соборах православной и католической традиции; 2) органная музыка, апеллирующая к многослойности звукового ряда, рассчитанного на объемность звучания, – в концертной и богослужебной практике с участием органа (неизменная атрибутика западного христианства); 3) акустика помещения, рассчитанная на стереофонический эффект, который обеспечивает необходимую длительность звучания и ее слышимость во всех точках концертного зала.

Анализ музыки западно- и восточноевропейских композиторов показывает, что соотношение соноров между собой и другими элементами фактуры также опирается на конструктивное основание количественной меры (пропорции, симметрия, общее строение), числа¹, которое часто оказывается близким принципу деления целого в среднем и крайнем отношении, именуемым золотым сечением. Следовательно, сонорика и здесь обнаруживает прямой выход к прежним достижениям, апеллируя как в классической и доклассической музыке к чувственному, эмоциональному началу – понятному и легко воспринимаемому слушателем.

Заключение. Таким образом, все три формы музыкального высказывания – додекафония, коллаж и сонорика – являются важнейшими репрезентантами Новой и Новейшей музыки. Выступив в качестве знаковых явлений музыкального авангарда, они обеспечили эволюционирование европейской музыки академической традиции. В этом перманентном и вместе с тем диалектическом процессе становления мира музыки особенно значимым является не только становление нового, но и преемственность традиций, служащая источником вдохновения.

В эволюции авангардной музыки особенно велико значение сонорики – музыки звучностей. Во-первых, она создала почву для восстановления в своих правах чисто музыкальной красоты, фактически элиминированной математическими расчетами в серийной музыке; во-вторых, красочная звучность была воплощением чувственности и гедонизма, противостоящей рафинированной и абстрактной музыке серийных композиций; в-третьих, художественно-эстетическая самодостаточность тембровозвучностей восстанавливала «язык чувств», будучи организованной на основе иных, нежели серия, принципов, основанных на концепции вертикали, т. е. на системе гармонической логики; в-четвертых, сонорика структурировала качественный аспект музыки, где главным организующим фактором выступил «обертонозвучающий» тембр инструментов и колорирующее начало гармонии (аккордики в виде гипервертикали). В целом, сонорика явила со-

¹ Вспомним высказывание Аристотеля: «Число есть сущность всех вещей, и организация Вселенной в ее определениях представляет собой вообще гармоническую систему чисел и их отношений» [6, с. 503].

бой непротиворечивое соединение конструктивного и чувственного, духовного как красочной звучности и тем самым сконденсировала главные моменты воззрений на музыку, гармонию и мир. Совершенно очевидно, что композиторы стремились к гармоничному соотношению элементов и частей, к пропорционированию.

Также очевидно утверждение нового, постнеклассического стиля музыкального мышления, связанного с выражением средствами (музыкального) звука чувственной, эмоциональной стороны музыки, а также выработку нового композиторского эдикта – звуковой красочности. Стремление к гармонизации противоположностей (конструктивного и чувственного начал) на основе сонорики свидетельствовало о новой трактовке композиторами чувственности, т. е. идеального начала. Сами же гармония и гармоничность трактуются музыкантами как некая устойчивость и мера красоты («красивые числовые пропорции», соотношение мотивов, ритмов, частей целого), которые сознательно создавались ими на основе конкретных отношений (ряд отношений соноров; отношения внутри соноров). Таким образом, сонор определмечивается, и определенная последовательность сонорных явлений трактуется композиторами как упорядочивающий параметр. Следовательно, музыка звучностей явилась – после расширения структуры звука – очередным шагом на пути высвобождения музыки от тотального детерминизма (сериальности). Попытка возвращения музыке статуса репрезентанта целостности выступила средством воссоздания коренного свойства музыки – красоты звучания и гедонизма, но в новых условиях – условиях синтеза диссонанса и консонанса, обеспечиваемого постнеклассическим стилем музыкального мышления.

Почему же «музыка звучностей», которой специфически свойственно наиболее непосредственное отображение отдельных сторон «конкретно-реального мира» и которая обладает эстетической значимостью, осталась на уровне только компонента образно-композиционной системы и почему с помощью сонорики не удалось достигнуть целостности в осмыслении красоты как «прекрасной гармонии звуков»? По этому поводу выскажем следующие соображения.

Темброкрасочная звучность, по справедливому замечанию А. Маклыгина, является важным, но все же частным составным компонентом музыки [7, с. 3], который выступает в качестве художественно обусловленного приема. Акцентирования фонических, колористических принципов, которые участвовали в организации структуры, было явно недостаточно для авангардных музыкантов, отличающихся высоким эстетическим вкусом и интеллектом: сонорика для них выглядела слишком просто. К тому же сонорность апеллировала преимущественно к качественному аспекту музыки, тогда как регулирование этой качественностью не несло в себе новизны: это был простой повтор или серийность. Не было достаточным и выделение только *одного* единого музыкального параметра – тембра – в качестве носителя смысла. Его трактовка, связанная в основном с идеей отображения (иллюстрации) реальности, в меньшей степени отвечала идее самовыражения, хотя последнее, несомненно, присутствует хотя бы как изоморфность чувства и природы. К тому же сонорика обладала и сравнительно ограниченными выразительными возможностями, не давая новой пищи для ума. В силу означенных причин сонорика, хотя и была направлена на создание целостного музыкального бытия, обусловленного интенсивным расширением картины мира, но в силу своей имманентной односторонности выполнила эту задачу лишь отчасти.

Дальнейший путь эволюции музыкального авангарда показал оптимум для развития европейской музыки – органичная связь традиционного и инновационного, классики, неклассики и постнеклассики, создающий почву для нового содержания и воплощения проявленных и непроявленных звучаний.

Список использованных источников

1. Холопов, Ю. Кто изобрел 12-тоновую технику? / Ю. Холопов // Проблемы истории австро-немецкой музыки. Первая треть XX века: сб. тр. / Гос. муз.-пед. ин-т. – М., 1983. – Вып. 70. – С. 34–57.
2. Кириллина, Л. Лючано Берно / Л. Кириллина // XX век. Зарубежная музыка: очерки, документы / [Гос. ин-т искусствознания]. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 74–124.
3. Холопов, Ю. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления / Ю. Холопов // Проблемы традиций и новаторства в современной музыке: [сб. ст. / сост. А. М. Гольцман]. – М., 1982. – С. 52–103.

4. Житомирский, Д. В. Западный музыкальный авангард после второй мировой войны / Д. В. Житомирский, О. Т. Леонтьева, К. Г. Мяло. – М.: Музыка, 1989. – 300 с.
5. Просняков, М. Т. Парадигма сферы в творчестве К. Штокхаузена / М. Т. Просняков // *Ad musicum: к 75-летию со дня рождения Юрия Николаевича Холопова: статьи и воспоминания* / Моск. гос. консерватория; [ред.-сост.: В. Н. Холопова]. – М., 2008. – С. 18–59.
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975–1983. – Т. 2. – 1978. – 687 с.
7. Маклыгин, А. Л. Сонорика в музыке советских композиторов: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / А. Л. Маклыгин. – М., 1985. – 170 л.

References

1. Kholopov Yu. Who invented the 12-tone technique? *Problemy istorii avstro-nemetskoj muzyki. Pervaya tret' XX veka: sbornik trudov* [Problems of the history of Austro-German music. The first third of the 20th century: collection of works]. Moscow, 1983, iss. 70, pp. 34–57 (in Russian).
2. Kirillina L. Luciano Berio. *XX century. Foreign music: essays, documents*. Moscow, 1995, iss. 2, pp. 74–124 (in Russian).
3. Kholopov Yu. Changing and unchanging in the evolution of musical thinking. *Problemy traditsii i novatorstva v sovremennoj muzyke: sbornik statei* [Problems of traditions and innovation in modern music: collection of articles]. Moscow, 1982, pp. 52–103 (in Russian).
4. Zhitomirsky D. V., Leont'eva O. T., Myalo K. G. *Western musical avant-garde after the Second World War*. Moscow, Muzyka Publ., 1989. 300 p. (in Russian).
5. Prosnyakov M. T. The paradigm of the sphere in the works of K. Stockhausen. *Ad musicum: to the 75th anniversary of the birth of Yuri Nikolaevich Kholopov: articles and memories*. Moscow, 2008, pp. 18–59 (in Russian).
6. Aristotle. *Works. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 687 p. (in Russian).
7. Maklygin A. L. *Sonorica in the music of Soviet composers*. Ph.D. Thesis. Moscow, 1985. 170 p. (in Russian).

Информация об авторе

Мдивани Татьяна Герасимовна – доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 333mt777@gmail.com

Information about the author

Tatyana G. Mdivani – D. Sc. (Art. History), Professor, Chief Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Sarganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 333mt777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3'06-9
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240>

Паступіў у рэдакцыю 30.03.2023
Received 30.03.2023

Т. П. Барысюк

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**СПЕЦЫФІКА РУБАІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ
КАНЦА XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.**

Анотацыя. В ідейно-жанровом ключе проанализировано современное состояние рубаи белорусских поэтов Евгения Миклашевского, Владимира Лебедева, Галины Загурской, Веры Буландо, Игоря Прокоповича, Эдуарда Дубенецкого, Алеся Палынского, Сержа Минкевича, Олега Грушецкого, Артёма Орешонка, Ганада Чарказяна (чаргави), Рыгора Бородулина и Змитрака Морозова, а также рубаиподобные произведения Рыгора Бородулина и Змитрака Морозова (четверостишия). В произведениях названных авторов доминируют философская тематика и афористический способ высказывания. Эта восточная форма органично прижилась на белорусской почве и вызывает повышенный интерес у современных белорусских поэтов.

Ключевые слова: современная белорусская поэзия, рубаи, твердая форма стиха, рубаиподобные произведения, четверостишие, идея

Для цитирования: Барысюк, Т. П. Специфіка рубаі ў беларускай паэзіі канца XX – пачатку XXI ст. / Т. П. Барысюк // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 230–240. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240>

Tatsiana P. Barysiuk

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

**THE SPECIFICS OF RUBAI IN BELARUSIAN POETRY
END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY**

Abstract. In the ideological and genre key, the current state of the rubaies of Belarusian poets Yauhen Miklasheusky, Uladzimir Lebedzeu, Halina Zahurskaya, Vera Bulanda, Ihar Prakapovich, Ales' Palynsky, Eduard Dubianetsky, Serge Minskevich, Aleh Hrushetsky, Artem Arashonak, Ganad Charkazian (chargavi), Ryhor Baradulin and Zmitrok Marozau, as well as rubai-like works by Ryhor Baradulin and Zmitrok Marozau (quatrains) have been studied. The works of these authors are dominated by philosophical themes and aphoristic way of speaking. This oriental form organically took root on Belarusian soil and is of great interest to modern Belarusian poets.

Keywords: modern Belarusian poetry, rubai, solid form of verse, rubai-like works, quatrain, idea

For citation: Barysiuk T. P. The specifics of rubai in Belarusian poetry end of XX – beginning of XXI century. *Vesti Natsyonal' nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 230–240 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240>

Уводзіны. За апошнія 35 гадоў у беларускай паэзіі набылі асаблівую папулярнасць усходнія формы (газель, туюг, рубаі, хоку, танка і інш.), што тлумачыцца тэндэнцыямі дыялогу і дыфузіі культур, а таксама ўплывам традыцый лірычнай шматжанравасці, якая бярэ пачатак ад спадчыны М. Багдановіча і Р. Крушыны. Творы ўсходніх форм у сучасных беларускіх паэтаў будзем лічыць стылізацыямі, паколькі, відавочна, адбываецца прыпадабненне да ўсходняй ментальнас-

ці з імкненнем да гармоніі з прыродай і сусветам, сузіральнасці і ўнутранай засяроджанасці, арыентацыяй на духоўнасць і містыцызм (а гэта па вялікім рахунку ўласціва і беларускай ментальнасці) і стылю з яго квяцістай метафарычнасцю і ўсходнімі вобразамі.

Асноўная частка. Рубаі як чатырохрадкоўік з рыфмоўкай *ааба* (радзей – *аааа*), часам з рэдыфам, паходзіць з краін Блізкага і Сярэдняга Усходу [1, с. 421]. Да названых спосабаў рыфмоўкі А. П. Квяткоўскі ў сваім “Паэтычным слоўніку” (1966) дадаваў *абаб* [2, с. 251]. Таксама ёсць звесткі адносна паходжання рубаі: іх вытокі бяруць пачатак “у вуснай народнай творчасці іранцаў і таджыкаў” і “ў пісьмовым выглядзе жанр існуе з IX ці X стагоддзя” [3]. Да таго ж у каментарыях да зборніка “Паэзія Усходу” (2010) доктар філалагічных навук І. С. Брагінскі (1905–1989) канкрэтызаваў, што гэтыя чатырохрадкоўі змяшчаюць 11–13 складоў, “напісаных своеасаблівым метрам” [4, с. 605], а менавіта арузам, заснаваным на чаргаванні доўгіх і кароткіх складоў (гэта якасць страчваецца пры перакладзе на еўрапейскія мовы: паводле ўсталяванай традыцыі іх перакладаюць пяцістопным ямбама) [3; 5]. А. П. Садохін у навучальным дапаможніку “Культуралогія” (2007) слухна называе рубаі «вершаваным афарызмам з чатырох радкоў. Першыя два радкі змяшчаюць экспазіцыю, трэці – выснову і ўжо апошні – уласна “лятучыя словы”» [6, с. 410]. Больш ёмістай, з праекцыяй на чалавечае быццё, нам падаецца фармулёўка гэтага жанру І. С. Брагінскім і Д. С. Камісаравым у кнізе “Персідская літаратура” (1963). Аўтары ў гэтым выданні называюць рубаі “своеасаблівай мініяцюрай: цэлым жыццём, вялікім чалавечым перажываннем, уключаным у чатыры радкі” [7, с. 33]. Яны адзначаюць наступную логіку разгортвання выказвання ў ім: у першых двух радках – уводзіны ў тэму, у трэцім – “паўза недагаворанасці, няяснасці”, унясенне новага, інтрыгі, у чацвёртым – завяршэнне тэмы, тлумачэнне выказвання [7, с. 33–34].

Цікава, што і туюг – чатырохрадкоўік з такой самай, як і ў рубаі, рыфмоўкай *ааба*, толькі туюг мае рыфмы-амонімы [1, с. 441]. Акрамя таго, іх адрозненне заключаецца яшчэ і ў іх прыналежнасці да “высокіх” і “нізкіх” жанраў, да філасофскай афарыстычнай (рубаі) і гульнівай каламбурнай лірыкі (туюг). Таму невыпадкова В. П. Рагойша ў другой частцы вучэбнага дапаможніка “Уводзіны ў літаратуразнаўства” (2012) называе туюг разнавіднасцю рубаі [8, с. 155]. Да рубай і туюга мае падабенства і айрэн – чатырохрадкоўік са спосабам рыфмоўкі радкоў *аааа*. Існуе меркаванне М. А. Дваранкова, што “рубаі пра каханне можа быць разгорнута ў газель” [9, с. 48]. Мы таксама дапускаем такую магчымасць. Вядомы рубаі паэтаў Рудакі (858–941), Умара Хаяма (1048–1131), Алішэра Наваі (1441–1501), Мехсеці Гянджэві (прыкладна 1089 – сярэдзіна XII ст.), Хакані (Хагані Шырвані, 1120–1199), Насімі (1369–1417), Хейран-Ханум (1790–1848), Ханзалы Бадгісі (каля 850 г. н. э.), Саадзі (1213–1293), Хафіза Шыразі (1325–1390) і Захіра-ад-дзін Мухамада Бабура (1483–1530).

Так склалася, што творчасць Умара Хаяма нашы суайчыннікі палюбілі найбольш, у тым ліку дзякуючы іх перастварэнням на родную мову. Так, існуюць кнігі “Рубаі” (1989) і “Выбраныя рубаі” (2016) гэтага аўтара ў перакладзе Р. Барадуліна на беларускую мову [10–11], кніга “Выбраныя старонкі” (2022) у перакладзе Р. Барадуліна, В. Шніпа і Г. Аўласенкі [12] і асобныя вершы ў перакладзе В. Шніпа ў газеце “Літаратура і мастацтва” за 2021 г. [13]. Таксама вершы такой формы пісалі М. Багдановіч (“персідскія” (песні. – Т. Б.)) [14, с. 396], М. Танк (адычны верш “На радзіме Абая” (1954) рубайчнай штрафой) [15, с. 10–11], Р. Барадулін (рубайчны ўступ пад назвай “Прапанова Гераніма” да паэмы “Неба тваіх вачэй” (1966)) [16, с. 104], М. Лужанін (верш “Пад цымбалы” (1968) рубайчнай штрафой) [17, с. 90], Я. Янішчыц у кнізе “Дзень вечаровы” (1974) [18, с. 47–48] і Я. Крупенька (сатырычныя рубаі) у кнізе “Юбілейныя бліны” (1984) [19, с. 46–47]. Гэтую форму ў беларускай паэзіі вывучала Т. М. Федарцова ў артыкуле “Асваенне беларускай версіфікацыяй цвёрдых вершаваных формаў: рубаі” [20, с. 101–106], але даследчыца мала ўвагі звярнула на сучасны перыяд існавання гэтага жанру, хіба што назваўшы Я. Янішчыц і В. Буланда і працытаваўшы адно рубай Я. Міклашэўскага. Гэтую цвёрдую форму аналізавала таксама І. М. Гоўзіч (Мішчанчук) у артыкуле “Усходняя вершаваная форма рубай ў творчасці М. Багдановіча і паэзіі другой паловы XX стагоддзя”, з сучасных аўтараў звярнуўшы ўвагу на творы Р. Барадуліна, Я. Міклашэўскага і В. Буланда [21, с. 100–104].

Сучасная беларуская паэзія мае даўнія традыцыі філасофскай лірыкі. Таму многія аўтары звярнулі ўвагу на рубай як на цвёрдую форму, здольную адлюстравать мудрасць у афарыстыч-

ных чатырохрадковіках. Так, у рубаі Я. Міклашэўскага заўважаем ідэю непазбежнасці за злыя ўчынкі супрацьлеглых наступстваў – ад людзей (бумеранга) і ад літасцівага Бога (спрыяння):

Калі на зло ты мне адкажаш злом –
Мы будзем звязаны з табой адным вузлом.
Ды Божы дух, наведаўшы мой дом,
На зло маё мне адказаў добром [22, с. 206].

У Я. Міклашэўскага ёсць таксама гумарыстычны верш, напісаны рубаічнай страфой, дзе яго лірычны герой прызнаецца, што любіць творчасць Умара Хаяма, у прыватнасці, любоўную і вінную (апошняя мае дачыненне да жанру хамрыят) тэматыку яго рубаі:

Што я ў таварыстве цвярозых раблю?
Чытаю – Амара Хаяма люблю.
Адно рубаі прачытаю ў Хаяма –
Здаецца, сабе я гарэлкі налью.
Калі ж прачытаю паўсотні падрад –
Гатовы свой розум аддаць у заклад.
Ды, так і не выпіўшы гэтую чарку,
Нібыта да гурай, бягу да дзяўчат.
Дзяўчаты вясёлай кампаніяй п'юць.
Заходжу – мне чарку хутчэй падаюць.
І хоць не чытаюць Амара Хаяма,
А поўны кілішак заўсёды нальюць [22, с. 203].

Вобразы гурай з гэтага верша адсылаюць нас да ўсходняй паэтыкі. Ідэя часовасці чалавечага быцця ў гэтым свеце выказваецца ў рубаі І. Пракаповіча:

Мы гуляем на пляжы ля самай вады,
На пяску пакідаем адбіткі-сляды.
І зусім не жадаем падумаць пра тое,
Што калісьці вада іх сатрэ назаўжды [23, с. 75].

Гаворачы пра ўнутраны свет чалавека як пра адлюстраванне знешняга, аўтар перажывае, што змрочнага там больш, чым светлага, амаральнага («чорны попел святых камяніц» (як занядбанне рэлігійных будынкаў і рэлігіі ўвогуле? – Т. Б.)) больш, чым высокамаральнага («блакітнае неба»):

Нашы душы – люстэркі празрыстых крыніц,
Увесь свет адбіваецца ў іх да драбніц.
Ўсё радзей там бывае блакітнае неба,
Ўсё часцей – чорны попел святых камяніц [23, с. 75].

У кнізе В. Буланда «Мне не жыць без цябе» (1997) змешчаны два інтымныя рубаі:

Квітнеў бы луг і вечны сад,
Калі б вясельны наш абрад
Злучыў пярсцёнкамі даўно.
О, каб не наш з табой разлад! [24, с. 9].

Калі пасмелі мне зманіць,
Не трэба клянчыць і маліць,
Мяне прасіць аб літасці,
Да шлюбу толькі каб схіліць [24, с. 10].

У гэтых вершах выяўлены ідэі неабходнасці паразумення і кампрамісу ў пары, умення мірыцца, а таксама праўдзівасці, асабліва ў той час, калі абое прыходзяць да думкі аб стварэнні сям'і. У творы пазнейшага часу паэтэса сцвярджае ідэю шчасцядайнасці міласці:

Якое шчасце зноў кахаць,
З усмешкай ранак сустракаць.
Дай, Божа, больш ашчадна
Ў каханні моцным вырастаць («Вершаў формы цвёрдыя»).

В. Буланда акрэслівае сваё маральна-этычнае крэда з акцэнтацыяй на станоўчых рысах характару чалавека ў яго стасунках з іншымі:

Няхай абыдзе бокам знатнасць,
Ды запануе ў лёсе здатнасць,
У гутарках, сустрэчах, думках
Тактоўнасць, шчырасць, акуратнасць («Вершаў формы цвёрдыя»).

У рэчышчы гэтых устаноўках знаходзіцца паважаная паэтэсай ідэя шчырага сяброўства:

Сяброўства, вернасць – як крышталь,
(Не запрашэнне вас на балъ,
Дзе ўсё святочна, ды імгненна),
Дарожшае за ўсё – амаль («Вершаў формы цвёрдыя»).

В. Буланда выказвае ідэю шчырых, радасных, мірных і прабачальных стасункаў з членамі свайго роду:

Жадаю вам радавацца,
Ні перад кім не апраўдвацца,
Хіба што перад роднымі
Укленчыць і... раскайвацца («Вершаў формы цвёрдыя»).

Лірычнай гераіні вяртацца ў родны дом вельмі прыемна. В. Буланда да наступнага рубаі ўзяла эпіграф з народнага “Пойдзем, госцейкі, дадому – / Паелі конікі салому”. Таму адпаведна рубаі з эпіграфам тэматычна перагукаюцца:

Мне прыязджаць заўжды дадому –
Палёгка пасля доўгай стомы,
І шчасце – быць ажно датуль,
Пакуль не знішчыць конь салому («Вершаў формы цвёрдыя»).

Заўважым, што паколькі рубаі – верш малой формы, то звычайна да іх эпіграфы не бяруць. Але аўтар вырашыла паказаць сваё наследаванне фальклорнаму твору, што яна ментальна адштурхоўвалася менавіта ад яго ў сваім натхненні.

Лірычны герой А. Арашонка ў рубаі “Персідскаму мудрацу” раіць апошняму наступнае:

Калі прачнешся ты з жанчынай на світанні,
Душою з ёй, рукою на Каране,
Ты адкупі свой грэх рубінавым віном
Ці ранішнім намазам, мусульманін [25].

Вобразы Карана, намаза, мусульманіна і згадванне імя Умара Хаяма адсылаюць нас да ўсходняй паэтыкі. Ідэю выкупіць сексуальны грэх віном у кантэксте арабскай паэтыкі не трэба ўспрымаць літаральна, бо віно там сімвалізуе асалоду ад спасціжэння іспіны. У стасунках з каханым чалавекам на ўсіх узроўнях (душы, розуму, цела), безумоўна, адкрываецца адпаведная кітайскай філасофіі ідэя еднасці жаночага і мужчынскага, інь і ян як узаемадзеянне супрацьлегласцей: цвёрдага і мяккага, цемры і святла, ночы і дня, поўні і сонца, зямлі і неба. Згодна з вучэннем Даа, усё мяняецца, супрацьлегласці дапаўняюць адно другое, і выніковай мэтай чалавечага існавання з’яўляюцца баланс і гармонія супрацьлегласцей [26]. Дапускаем, што ў мусульманскай рэлігіі (да якой адсылае верш) сексуальная сувязь з жанчынай (возьмем этычна станоўчы варыянт – з жонкай) магла лічыцца грахам, бо ў тыя хвіліны мужчына забываўся пра існаванне Бога. Акрамя таго, у мусульманскай сям’і мужчына меў статус галоўнага, а ацэнка значэння жанчыны ў ёй была несправядліва прыніжанай, таму і стасункі з такой асобай у вершы маглі мець абяцэнняваючы характар.

Полацкая паэтэса і мастачка Г. Загурская ў сваім рубаі сцвярджае ідэю неабходнасці самапазнання як самага галоўнага, што павінен зразумець чалавек пра свет і людзей:

Мы адвечныя вучні ў імгненным жыцці:
Хочам тайны Сусвету адкрыць і дайці
У спазнаннях сваіх да высокага Неба...
Зразумець бы сябе – да сябе дабрысці («Рубаі»).

Гэтым паэтычным выказваннем аўтар як быццам згаджаецца з крэда Сакрата “спазнай сябе”, праз якое, як праз мікракосм, чалавек спасцігае і навакольны свет, і макракосм.

Лірычная гераіня Г. Загурскай бачыць, што і ў сталым веку ёсць свае плюсы:

Аб юнацтве прабегшым сумуем парой,
Аб мінуўшых гадах думак кружыцца рой,
І ўсё ж нам лагадней, што трывогі юнацтва
Незваротна сышлі. Ёсць развагі спакой («Рубаі»).

І тым не менш ёй прыемна ўспамінаць пра квяцістае юнацтва і непрыемна – пра завяданне па аналогіі са светам раслін:

Прыцягальная кожная кветка для нас,
Нібы ў кожнай стаіўся задумліва час.
За нядоўгім цвіценнем ідзе завяданне.
Напамінам аб тым рдзеюць кветкі для нас? («Рубаі»).

Лірычная гераіня Г. Загурскай у сваіх роздумах вяртаецца да хамрыяту – традыцыі пісаць у вершах пра віно. І яна разумее небяспеку дэградаваць для аматараў многа і часта спажываць гэты напой:

Хоць мудрэц і сказаў, што ўвесь сэнс у віне,
Не губляў ён свой розум у чарцы на дне –
Бо інакш не да жартаў было б выпівоху...
Дык хай жарт мудраца нас усіх абміне («Рубаі»).

Ствараецца ўражанне, што аўтар успрыняла віно ў вершах усходніх творцаў літаральна, без уліку ўжо вышэй намі згаданай усходняй паэтычнай метафары “віно як сродак паказаць ап’яненне ад спазнання ісціны”.

Э. Дубянецкі ў рубаі “Не згубі...” выказвае ідэю неабходнасці зберагчы сваю маральна-этычную чысціню, захаваць сумленне чыстым, а таксама вытрымаць усе выпрабаванні злыбедамі, маной, каб дасягнуць вышынь самаздзяйснення:

О, не згубі сваёй душы
Ў віхуры зла, сярод маны!
А вытрымаеш ўсе напасці,
І вось ён – пік жыцця гары... [27, с. 99].

Наяўнасць чатырох радкоў у творы, схемы рыфмоўкі радкоў *ааба* (пры тым, аднак, што рыфма недакладная) і філасофскага зместу – усё гэта адпавядае патрабаванням цвёрдай формы рубаі.

У якасці прыкладу рубаі з падобным да туюга спосабам рыфмоўкі *ааба* прывядзём “Рубаі да зямлі” С. Мінскевіча: “Жывём тут, цяпер... што было?.. а што будзе пасля? / Расліны ўставалі, а на іх запаўзала і тля, / Яе мурашы пасвяць, дояць, і што з той раслінай? / Стварэнне стварэнню – стварэнне, сцвярджае Зямля” [28, с. 156]. У вершы выказваецца ідэя эвалюцыі жывых істот на нашай планеце. Варта заўважыць, што С. Мінскевіч пісаў таксама і туюгі.

У кнізе “Несціханае рэха” (2013) У. Лебедзева чытачы могуць знаёміцца з яго нізкай з 12 філасофскіх рубаі. Першае ж рубаі задае светапоглядную заглыбленасць у лёс чалавека, чаму ён менавіта такі, а не іншы:

Пад Сонцам высокім і Месяцам
Зямное жыццё наша месціцца,
А тое, што ў ім адбываецца,
Па-рознаму лёсамі дзейсніцца [29, с. 17].

Таксама гэтым аўтарам выказваюцца ідэі непазбежнасці выканання пасільнай індывідуальнай місіі (“Свой лёс акрэсліваць пачні ўжо змалку...”), сэнсу жыцця – у працы ці ва ўцехах (“Як сэнс жыцця ўсё ж трэба разумець...”), пошуку сябе праз заглыбленне ва ўнутраны свет (“Сябе ў самім сабе шукай...”), няведання тэрміну жыцця – каб цаніць усе свае дні (“Ніхто не ведае таго...”), неабходнасці выдаткоўваць час на важныя справы, а не на дробязі (“Пражыты дзень нічым не кампенсуеш...”), каб пакінуць індывідуальны след (“Шкадуў не час, які знікае...”),

бо час незваротны (“І гэты дзень паціху сыдзе ў вечнасць...”), таму трэба жыць, не зважаючы на гора (“Ні дні трагедыі, ні адчаю...”), адчуваючы прыгажосць існага (“Калі яшчэ можаш зрабіць хоць бы крок...”) і з мэтай не згубіць важнага ды пакінуць вялікую спадчыну сыну (“Як прыйдзе час жыцця падводзіць вынік...”).

А. Палынскі толькі нядаўна стаў пісаць рубаі. У першым з іх яго лірычны герой выказвае даніну павагі найславетнаму майстру рубаі Умару Хаяму і любімым яго тэмам (віно і жанчыны), якія атрымаліся блізкімі сучаснаму беларускаму аўтару як звычайнаму мужчыне:

Няхай даруе мне святая Марыям!
Вядома, я ня ёсць Амар Хаям –
Але віна, жанчын і ночы слодыч
Я, бачыць Пан, нікому не аддам [30].

Вобраз святой Марыям адсылае нас да ўсходняй паэтыкі. У другім рубаі лірычны герой А. Палынскага перажывае з-за кароткачасовасці чалавечага жыцця, але суцяшае яго сустрэча перад смерцю з Богам:

Наш век кароткі. Бога – вечны век.
Сон не крапае стомленых павек,
Калі ж надыйдзе час заплюшчыць вочы –
Сам-насам стане з Богам чалавек [30].

А. Грушэцкі стварыў купальскія газель, рубаі, хоку і танка. Гэта ўнікальны феномен, бо ў названых тэкстах ён аб’ядноўвае ўсходнія формы з беларускім нацыянальным зместам, а менавіта з купальскімі народнымі традыцыямі. Жанчына, лірычны персанаж яго рубаі, з дапамогай вядомага рытуалу спрабуе прыцягнуць да сябе каханага мужчыну: “Цёмная ночка, дзе мой паночак? / З кветак прыгожых спляла я вяночак. / Кіну вянок я ў хуткую рэчку, / Хай прыплыве ён у рукі дружочку” (з архіва Т. П. Барысюк).

Звернем увагу на больш рэдкі варыянт рубаі – са спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб*, які дазваляецца ў “Паэтычным слоўніку” А. П. Квяткоўскага [2, с. 251] і прысутнічае ў творчасці Г. Чарказяна, З. Марозава і Р. Барадуліна, а таксама на рубаіпадобныя (паводле нашага жанравызначэння) чатырохрадковікі афарыстычнага гучання без рыфмы, г. зн. белыя вершы, якія можна сустрэць у З. Марозава і Р. Барадуліна. Мы іх называем рубаіпадобнымі, бо рубаі як цвёрдая форма верша не дапускае варыянтаў без рыфмы ўвогуле.

У канцы 2021 г. пайшоў з жыцця вядомы беларускі паэт і празаік курдскага паходжання Г. Чарказян, які пісаў на курдскай, армянскай і рускай мовах. З’яднаць лёс з нашай краінай яму дапамагло каханне: у 1973 г., ажаніўшыся з беларускай, паэт пераехаў у Мінск. Аўтару артыкула як жанролагу было цікава назіраць за публікацыямі ў “ЛіМе” і “Полымі” яго цвёрдай формы верша-чатырохрадковіка – чаргаві (што перакладаецца з курдскай мовы як “чатыры крокі”), які характарызуецца філасофскім зместам, перакрываваным спосабам рыфмоўкі радкоў, схемай іх рыфмоўкі – *абаб*. Мы заўважылі падабенства чаргаві да рубаі (чатырохрадковікі, у абодвух заключаны філасофскі афарыстычны змест), тым больш што спосаб рыфмоўкі радкоў *абаб* у “Паэтычным слоўніку” А. П. Квяткоўскага [2, с. 251] для рубаі дазваляецца. Трэба заўважыць, што творы Г. Чарказяна паводле іх ідэйна-вобразнага напам’янення не саступаюць лепшым узорам рубаі.

У чаргаві Г. Чарказяна хочацца асабліва адзначыць мудрасць яго лірычнага героя. Асацыятыўна згадваецца як бахцінская “памяць жанру” (тут “памяць чатырохрадковіка”) мудрасць рубаі паэтаў Умара Хаяма і Насімі. Невыпадкова, відаць, залацінкі светапоглядных высноў адліваліся і адліваюцца ў сціслую мінімалісцкую форму чатырохрадковіка. На сённяшні дзень многія паэтычныя формы маюць тэндэнцыю да мінімалізму. Паколькі ў XXI ст. час імклівы, то вялікія па аб’ёме творы, як лічаць многія літаратуразнаўцы, не будуць карыстацца шырокім попытам у сучасным грамадстве. Таму, відаць, невыпадкова вялікая папулярнасць і хоку ў сучаснай беларускай паэзіі. Чаргаві Г. Чарказяна напоўнены мудрасцю, любоўю і святлом. Можна зрабіць выснову, што чаргаві гэтага пісьменніка – гэта рубаі з адметнай аўтарскай назвай, гэта цвёрдая форма верша-чатырохрадковіка са спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб*, якая належыць

да філасофскай, інтымнай, пейзажнай і грамадзянскай лірыкі, прычым апошняя часам у гэтага паэта мае сатырычную скіраванасць.

У якасці прыкладу філасофскага чаргаві прывядзём наступны твор Г. Чарказяна:

Спірае час куміраў і краіны.
Вада шліфуе крушні бакавіны.
Ды трох няшчасцяў не жадаю мець –
Дзяцей няўдзячных, старасці і смерць [31, с. 102].

У гэтых радках выказваецца ідэя хуткапылыннасці жыцця і жадання пазбегнуць абясцэньвання з боку дзяцей, у якіх укладзена так шмат сіл і клопатаў. Прыкладам сатырычнага чаргаві гэтага аўтара можа быць наступны твор:

На злодзею, кажуць, і шапка гарыць.
З народзін пароўну нам дадзена.
Багаты не хоча аб тым гаварыць,
Хоць знае, ў каго што ўкрадзена [31, с. 111].

Тут выказваецца выкрывальная ідэя неабходнасці жыць па сваіх сродках, не адбіраючы несправядлівым чынам чужыя рэчы і даброты.

Да рубаі з рэдкім спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб* можна аднесці і філасофскія рубаі Р. Барадуліна. Напрыклад, ідэя маладосці душы, нягледзячы на ўзрост чалавека, існуе ў наступным яго творы:

Сама сябе гадуе трывога.
Голад недаядае.
У жыцці ператомленага, сівога
Душа – маладая [32, с. 11].

Акрамя таго, яго ідэя неабходнасці нараджэння і выхавання дзяцей у імя аптымістычнай будучыні выказваецца ў наступным творы:

За нястомнасць і ўсяжэрнасць тлену
Спраўна аддае жыццё падаткі.
Рупцеся, старэйшыя, пра змену,
Каб было каму кусаць за пяткі! [33, с. 455].

Ёсць у Р. Барадуліна і рубаіпадобныя, без рыфмы, пейзажныя чатырохрадкоўкі:

Правсвечваецца наскрозь.
Вісіць уніз галавой.
І плача слязьмі сцюдзёнымі
Свечка ледзяша... [34, с. 6].

І яшчэ:

Па далані ліста
Варожыць восень,
Ці доўга дрэву
Раскашавацца... [35, с. 12].

У наступным грамадзянскім рубаіпадобным без рыфмы чатырохрадкоўіку Р. Барадулін выказвае ідэю неабходнасці ўдзячнай памяці пра маці:

Ты пад сэрцам насіла мяне,
А цяпер
Я нашу цябе ў сэрцы,
Мама [33, с. 481].

Такім чынам, рубаі і рубаіпадобныя творы Р. Барадуліна пераважна філасофскія, пейзажныя і грамадзянскія.

З рэдкім спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб* ёсць філасофскія, афарыстычныя рубаі ў кнізе З. Марозава «І жаўранка накцюрн у паднябесці» (2021). У адным з іх ён асэнсоўвае ідэю трагічнасці смерці, асабліва, калі гэты найблізкі чалавек – маці:

Жыццё – як сон,
Прыходзіць мама ў сне:
«Сыночак, я з табой.
А як ты без мяне?» [36, с. 46].

Да нябёс адляцела,
Тут няма спарыша...
На зямлі яе цела,
А на небе – душа («Саракавіны») [36, с. 46].

Ідэя душэўнага яднання з начным зорным небам увасоблена ў рубаіпадобным, без рыфмы, творы гэтага паэта:

Калі бацькоўская вёска
Патанае ў начной цемрадзі,
Я шукаю ў зорным небе
Прытулак для сваёй бяссоннай душы [36, с. 127].

У наступным рубаі са спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб* лірычны герой асуджае жанчын, якія забіваюць дзяцей у сваім чэраве, а пасля пакутуюць у спозненых шкадаваннях:

Дзіцяці яна не хацела,
Якое жыло пад сэрцам...
Моліцца грэшнае цела
Над спруцяным цельцам [36, с. 137].

Вобраз квітнеючай бульбы шчымліва нагадвае лірычнаму герою дзяцінства, якое адышло ў далёкае мінулае:

Бульба цвіце. Вочкі кветак блакітных,
Чысцютка, як у малых дзяцей,
Абуджаюць у сэрцы ўспаміны
Пра маё бульбяное дзяцінства («Бульба цвіце») [36, с. 145].

Гэта пейзажна-грамадзянскі рубаіпадобны твор без рыфмы. Вобраз блакітных дзіцячых вачэй алюзіяна адсылае нас да вобразаў беларусаў, для якіх такі колер вачэй характэрны. Зусім невялікая колькасць чатырохрадкоўікаў З. Марозава прысвечана тэме кахання. Працывуем адзін з яго рубаі са спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб*:

Я быў заўсёды закаханы,
Таму радок мой быў жывым.
І вобраз пушкінскай Таццяны
Адбіўся ў вобразе тваім [36, с. 146].

Як вядома, Таццяна – імя жонкі паэта. Акрамя таго, у кантэксце гэтага твора вобраз пушкінскай Таццяны можа ўспрымацца як сімвал усходнеславянскай высакароднай жанчыны. З. Марозаў перакананы, што ўсё ў жыцці чалавека павінна быць напоўнена любоўю. Ёю павінна быць прасякнута праца, тым больш калі яна – паэтычная:

Не пабудуеш хату без любові,
Аблогі без любові не ўзарэш...
Калі няма любові ў зычным слове,
Аб сэрцы разаб'ецца мёртвы верш [36, с. 176].

Гэта верш аналізуемай намі цвёрдай формы са спосабам рыфмоўкі радкоў *абаб*.

Як бачым, рубаі і рубаіпадобныя па змесце чатырохрадкоўікі З. Марозава пераважна філасофскія, часам сустракаюцца пейзажныя і інтымныя, часам яны закранаюць сацыяльныя праблемы.

Высновы. Сучасныя беларускія паэты звяртаюцца да цвёрдай формы ў рубаі з прычыны таго, што філасофскі склад мыслення і імкненне спасцігнуць экзатычны свет Усходу ўласцівыя як самім айчынным творцам, так і беларускай ментальнасці ў цэлым. Аўтарам артыкула заўважана, што такія жанры не з'яўляюцца ў спадчыне аналізуемых аўтараў дамінантнымі; хутчэй,

мастакі слова хацелі паспрабаваць свае сілы ў новай, усходняй цвёрдай форме верша, каб яшчэ раз пераканацца ў сваім выдатным версіфікатарскім майстэрстве.

Сучасныя беларускія рубаі можна лічыць стылізацыямі адпаведнага ўсходняга жанру, а таксама ўсходняга стылю з яго квяцістымі тропамі (метафары, эпітэты, параўнанні) і традыцыйнымі ўсходнімі вобразамі гурыі, Карана, намаза, мусульманіна, святой Марыям. Пра прысутнасць айчыннай ментальнасці ў некаторых сучасных беларускіх рубаі (З. Марозава) сведчаць вобразы квітнеючай бульбы і падобныя на гэтыя кветкі блакітныя вочы нашага народа. У творах гэтага жанру пераважае філасофская тэматыка, афарыстычнасць выказвання, дэманструецца мінімалізм формы, які адпавядае тэмпарытму звышмклівага XXI стагоддзя. У сучасных беларускіх творах патрабаванні да рубаі як цвёрдай формы верша захоўваюцца, што можа быць патлумачана імкненнем аўтараў да захавання чысціні жанру. Таму структурна-кампазіцыйнай, страфічнай эвалюцыі формы не назіраецца. Эвалюцыі зместу таксама няма: застаюцца мудрыя развагі аб жыцці і афарыстычнасць; па-ранейшаму ёсць філасофскія, грамадзянскія, пейзажныя, інтымныя рубаі, як і ў Умара Хаяма. Паколькі, як было адзначана вышэй, гэты жанр у аналізуемых паэтаў не дамінантны (за выключэннем хіба што Г. Чарказяна з яго чаргаві) і яны толькі хацелі, засвоіўшы новы жанр у сваёй творчасці, даказаць сваё версіфікатарскае майстэрства, немэтазгодна казаць пра эвалюцыю рубаі ў канцы 1990 – пачатку 2000-х гг. у параўнанні з рубаі ў 2010–2020-х гг. А. Палынскі толькі ў сакавіку 2023 г. упершыню напісаў два рубаі – і толькі таму, што ён апошні з напісаўшых у гэтай форме, у яго павінна быць эвалюцыя ў параўнанні з І. Пракаповічам, надрукаваўшым свае два рубаі ў 1992 г., ці з Я. Міклашэўскім, надрукаваўшым свае два рубаі ў 2000 г.? Наўрад ці. Не абавязкова пазнейшае па часе больш прагрэсіўнае, наватарскае або дасканалае, чым у папярэднікаў – так спрошчана ўспрымаюць катэгорыю “эвалюцыі” толькі некаторыя абывацелі. Бо звычайна бывае наследаванне жанрава-страфічнай традыцыі з унясеннем творчай індывідуальнасці і нацыянальнай ментальнасці аўтара.

Як і ў вершах любых іншых форм, у сучасных рубаі і ў вершах, напісаных рубаічнай страфой, захоўваецца творчая індывідуальнасць паэтаў, адлюстроўваецца іх унутраны свет, адметныя светапогляд і светаўспрыманне. Спецыфіка сучасных беларускіх рубаі заключаецца ў тым, што ў іх адбываюцца родная этнанацыянальная ментальнасць і айчынныя рэаліі (прырода і культура). З прааналізаваных твораў апошняе найбольш ярка выявілася ў рубаі А. Грушэцкага, у творы “Мне прыязджаць заўжды дадому...” В. Буланда (беларуская паэтыка, блізкая да фальклорнай) і ў вершы “Бульба цвіце. Вочкі кветак блакітных...” З. Марозава (беларуская прырода, а менавіта кветкі бульбы і выяўлены праз параўнанне з імі вобразы малых блакітнавокіх беларусаў).

На сённяшні дзень многія лірычныя формы выходзяць за свае жанрава-фармальныя межы, уваходзячы ў сінтэтычныя адзінствы з іншымі жанрамі, тым самым утвараючы гібрыдныя формы ў рамках працэсаў жанравай дыфузіі, спрыяючы жанраваму абнаўленню і развіццю. Пакуль што аўтарам не выяўлены прыклады падобнага міжжанравага сінтэзу (жанравай дыфузіі) з рубаі, але ён не адмаўляе такой патэнцыяльнай магчымасці для гэтай цвёрдай формы верша ў далейшым. Цвёрдая форма рубаі ў сучаснай беларускай паэзіі з’яўляецца настолькі запатрабаванай і прыцягальнай, што з’явіліся філасофскія рубаіпадобныя творы без рыфмы – чатырохрадковікі Р. Барадуліна і З. Марозава. Мяркуемыя ў далейшым сінтэтычныя адзінствы з рубаі і новыя рубаіпадобныя формы будуць спрыяць развіццю існуючай сістэмы жанраў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Рагойша, В. П. Верш. Паэзія: энцыкл. давед. / В. П. Рагойша. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2020. – 471 с.
2. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Совет. энцикл., 1966. – 375 с.
3. Рубаи [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B1%D0%B0%D0%B8>. – Дата доступа: 22.12.2022.
4. Поэзия Востока: [сборник / пер. с фарси С. Липкина и др.]. – М.: Слово / Slovo, 2010. – 645 с. – (Библиотека зарубежной классики; 5).
5. Губайдулина, С. А. «Рубайят» [Электронный ресурс] / С. А. Губайдулина // Музыкальные сезоны. – Режим доступа: <https://musicseasons.org/sofiya-asgatonva-gubajdulina-rubajyat/>. – Дата доступа: 20.12.2022.
6. Садохин, А. П. Культурология: теория и история культуры: учеб. пособие / А. П. Садохин. – М.: Эксмо, 2007. – 623 с. – (Образовательный стандарт XXI).

7. Брагинский, И. Персидская литература: крат. очерк / И. Брагинский, Д. Комиссаров. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 213 с. – (Литература Востока / Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии).
8. Рагойша, В. П. Уводзіны ў літаратуразнаўства: вучэб. дапам.: у 2 ч. / В. П. Рагойша, М. П. Кенька, Т. А. Марозава; пад рэд. В. П. Рагойшы. – Мінск: БДУ, 2012. – Ч. 2: Паэтыка. Тэорыя літаратуразнаўчага працэсу. – 239 с. – (Класічнае ўніверсітэцкае выданне).
9. Дворянков, Н. А. Строфика поэзии пашто / Н. А. Дворянков // Проблемы восточного стихосложения: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения; редкол.: И. С. Брагинский [и др.]. – М., 1973. – С. 25–59.
10. Хаям, А. Рубаі / А. Хаям; пер. з фарсі-кабулі Р. Барадулін; [уклад. і даслоўнікі В. Я. Чамбарысава]. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 94 с.
11. Хаям, У. Выбраныя рубаі / У. Хаям; пер. з фарсі-кабулі Р. Барадуліна. – Мінск: Зміцер Колас, 2016. – 88 с. – (Паэты планеты).
12. Хаям, А. Выбраныя старонкі / А. Хаям; [пер. Р. Барадуліна, В. Шніпа, Г. Аўласенкі]. – Мінск: Звязда, 2022. – 287 с.
13. Хаям, А. «Свет у табе, вакол цябе нічога»: [рубаі] / А. Хаям; пер. В. Шніп // Літ. і мастацтва. – 2021. – 21 мая (№ 20). – С. 10.
14. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды – 752 с.
15. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 5. – 454 с.
16. Барадулін, Р. Збор твораў: у 5 т. / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1999. – Т. 3: Паэмы. Вершы. – 335 с.
17. Лужанін, М. Збор твораў: у 4 т. / М. Лужанін. – Мінск: Маст. літ., 1981. – Т. 3: Падарожныя нізкі; Вершы 1966–1973; Як нараджаўся новы свет; Рэпартаж з рубцом на сэрцы. – 511 с.
18. Янішчыц, Я. Дзень вечаровы: лірыка / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 78 с.
19. Крупенька, Я. Юбілейныя бліны: гумар і сатыра / Я. Крупенька. – Мінск: Маст. літ., 1984. – 55 с.
20. Федарцова, Т. М. Асваенне беларускай версіфікацый і цвёрдых вершаваных формаў: рубаі / Т. М. Федарцова // Міжнародныя Шамякінскія чытанні «Пісьменнік – Асоба – Час»: матэрыялы II Міжнар. навуц.-практ. канф., Мазыр, 20–21 кастр. 2011 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т; [рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) і інш.]. – Мазыр, 2011. – С. 101–106.
21. Гоўзіч, І. М. Усходняя вершаваная форма рубаі ў творчасці М. Багдановіча і паэзіі другой паловы XX стагоддзя / І. М. Гоўзіч // Творчасць Максіма Багдановіча ў кантэксце сусветнай літаратуры: матэрыялы Міжнар. навуц. канф. да 120-годдзя з дня нараджэння Максіма Багдановіча (Мінск, 25–26 лістап. 2011 г.) / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры; [рэдкал.: А. А. Манкевіч (уклад.) і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 100–104.
22. Міклашэўскі, Я. Вершы / Я. Міклашэўскі // Маладосць. – 2000. – № 2. – С. 190–206.
23. Пракаповіч, І. «Мой Храм – Беларусь...»: [вершы] / І. Пракаповіч // Род. слова. – 1992. – № 11. – С. 74–75.
24. Буланда, В. Мне не жыць без цябе...: вершы / В. Буланда. – Барысаў: [б. в.], 1997. – 110 с.
25. Арашонак, А. [Вершы] / А. Арашонак // Першацвет. – 2001. – № 11. – С. 45.
26. Инь и ян [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Инь_и_ян. – Дата доступа: 25.12.2022.
27. Дубянецкі, Э. Душы маёй няскончаны палёт: кніга паэзіі / Э. Дубянецкі. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 124 с.
28. Мінскевіч, С. Адвечныя рэчытатыў: [вершы] / С. Мінскевіч // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 152–157.
29. Лебедзеў, У. Несціханае рэха: зб. паэзіі / У. Лебедзеў. – Брэст: Альтэрнатыва, 2013. – 75 с.
30. Палынскі, А. [Рубаі] [Электронны рэсурс] / А. Палынскі. – Рэжым доступу: <https://www.facebook.com/profile.php?id=1504090002>. – Дата доступу: 10.03.2023.
31. Чарказян, Г. Чаргаві / Г. Чарказян; пер. з курд. М. Мятліцкага // Полымя. – 2007. – № 6. – С. 100–113.
32. Барадулін, Р. Вершатэрапія / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 5–20.
33. Барадулін, Р. Халодная памяць вады / Р. Барадулін. – Мінск: Рым.-Катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2010. – 497 с.
34. Барадулін, Р. Карані цішыні...: [вершы] / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2012. – № 1 (56). – С. 5–18.
35. Барадулін, Р. Шляхам бульбы: [вершы] / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2013. – № 6 (67). – С. 5–15.
36. Марозаў, З. І жаўранка накіюрн у паднябессі...: вершы, санеты, вянкi санетаў / З. Марозаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2021. – 187 с.

References

1. Ragoisha V. P. *Verse. Poetry: an encyclopedic guide*. Minsk, Belaruskaya Entsiklapedyya Publ., 2020. 471 p. (in Belarusian).
2. Kvyatkovskii A. P. *Poetic dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 375 p. (in Russian).
3. Ruba'i. *Wikipedia*. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ruba%CA%BFi> (accessed 22.12.2022).
4. *Poetry of the East*. Moscow, Slovo Publ., 2010. 645 p. (in Russian).
5. Gubaidulina S. A. "Rubaiyat". *Musical seasons*. Available at: <https://musicseasons.org/sofiya-asgatovna-gubajdulina-rubajyat/> (accessed 20.12.2022) (in Russian).
6. Sadokhin A. P. *Culturology: theory and history of culture*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 623 p. (in Russian).
7. Braginskii I., Komissarov D. *Persian literature*. Moscow, Publishing house of East literature, 1963. 213 p. (in Russian).
8. Ragoisha V. P., Ken'ka M. P., Marozava T. A. *Introduction to literary studies. Part 2. Poetics. Theory of literary research process*. Minsk, Belarusian State University, 2012. 239 p. (in Belarusian).

9. Dvoryankov N. A. Strophic poetry Pashto. *Problemy vostochnogo stikhoslozheniya: sbornik statei* [Problems of Eastern versification: collection articles]. Moscow, 1973, pp. 25–29 (in Russian).
10. Khayyam O. *Rubai*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1989. 94 p. (in Belarusian).
11. Khayyam O. *Selected Rubai*. Minsk, Zmitser Kolas Publ., 2016. 88 p. (in Belarusian).
12. Khayyam O. *Selected pages*. Minsk, Zvyazda Publ., 2022. 287 p. (in Belarusian).
13. Khayyam O. “The world is in you, there is nothing around you”: [Rubai]. *Litaratura i mastatstva* [Literature and Arts], 2021, May 21, no. 20, p. 10 (in Belarusian).
14. Bagdanovich M. *Complete collection of works. Vol. 1. Poems, poems, translations, legacies, rough drafts*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 752 p. (in Belarusian).
15. Tank M. *Collection of works. Vol. 5*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2008. 454 p. (in Belarusian).
16. Baradulin R. *Collection of works. Vol. 3. Poems. Verses*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1999. 335 p. (in Belarusian).
17. Luzhanin M. *Body composition. Vol. 3. Underlying lows; Verses 1966–1973; How the new world was born; Report with a fish on a chain*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1981. 511 p. (in Belarusian).
18. Yanishchyts Ya. *Evening day: lyrics*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1974. 78 p. (in Belarusian).
19. Krupen’ka Ya. *Jubilee pancakes: humor and satire*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1984. 55 p. (in Belarusian).
20. Fedatsova T. M. Mastering Belarusian versification of solid verse forms: rubai. *Mizhnarodnyya Shamyakinskiya chytanni «Pis’mennik – Asoba – Chas»: materyyaly II Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi, Mazyr, 20–21 kастрыchnika 2011 g.* [International Shamyakin’s readings “Writer – Person – Time”: materials II International science and practice conference, Mazyr, October 20–21, 2011]. Mazyr, 2011, pp. 101–106 (in Belarusian).
21. Gouzich I. M. Eastern verse form of rubai in the work of M. Bogdanovich and poetry of the second half of the 20th century. *Tvorchasts’ Maksima Bagdanovicha u kantekstse susvetnai litaratury: materyyaly Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi da 120-goddzya z dnya naradzhennya Maksima Bagdanovicha (Minsk, 25–26 listapada 2011 g.)* [Creativity of Maxim Bogdanovich in the context of world literature: materials International of science conference to the 120th anniversary of the birth of Maxim Bogdanovich (Minsk, November 25–26, 2011)]. Minsk, 2011, pp. 100–104 (in Belarusian).
22. Miklasheuski Ya. Verses. *Maladosts’* [Early], 2000, no. 2, pp. 190–206 (in Belarusian).
23. Prakaповich I. “My Temple – Belarus...”: poems. *Rodnae slova* [Native Word], 1992, no. 11, pp. 74–75 (in Belarusian).
24. Bulanda V. *I can’t live without you...: poems*. Borisov, 1997. 110 p. (in Belarusian).
25. Arashonak A. [Poems]. *Pershatsvet* [Primrose], 2001, no. 11, p. 45 (in Belarusian).
26. Yin and yang. *WikipediA*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Yin_and_yang (accessed 25.12.2022).
27. Dubyanetski E. *My soul’s unfinished flight: a book of poetry*. Minsk, Knigazbor Publ., 2011. 124 p. (in Belarusian).
28. Minskevich S. Eternal recitative: [poems]. *Dzieyaslou* [Verb], 2013, no. 2 (63), pp. 152–157 (in Belarusian).
29. Lebedzeu U. *Unquenchable echo: a collection of poetry*. Brest, Al’ternativa Publ., 2013. 75 p. (in Belarusian).
30. Palynski A. *Rubai*. Available at: <https://www.facebook.com/profile.php?id=1504090002> (accessed 10.03.2023) (in Belarusian).
31. Charkazyan G. Chargavi: translate from Kurdish. *Polymya* [Flame], 2007, no. 6, pp. 100–113 (in Belarusian).
32. Baradulin R. Poethrapy. *Dzieyaslou* [Verb], 2013, no. 2 (63), pp. 5–20 (in Belarusian).
33. Baradulin R. *Cold memory of water*. Minsk, Roman Catholic parish of St. Simon and St. Elena, 2010. 497 p. (in Belarusian).
34. Baradulin R. The roots of silence...: poems. *Dzieyaslou* [Verb], 2012, no. 1 (56), pp. 5–18 (in Belarusian).
35. Baradulin R. By potato: poems. *Dzieyaslou* [Verb], 2013, no. 6 (67), pp. 5–15 (in Belarusian).
36. Marozau Z. *And a lark nocturne in heaven...: poems, sonnets, wreaths of sonnets*. Minsk, Chatry chvertsi Publ., 2021. 187 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Борисюк Татьяна Петровна – научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: btp@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-5285-5735>

Information about the author

Tatsiana P. Barysyuk – Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: btp@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-5285-5735>

ПРАВА

LAW

УДК 342.571
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-241-249>

Поступила в редакцию 14.11.2023
Received 14.11.2023

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Рассматриваются особенности и принципы деятельности местного самоуправления в цифровую эпоху. Анализируются организационно-правовые формы деятельности местного самоуправления в Республике Беларусь и Российской Федерации. Отдельное внимание уделяется конституционной реформе местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 г. Рассматривается содержание принципов цифровизации, прозрачности, гласности, информационной открытости в деятельности органов местного самоуправления, определяются основные задачи цифровизации местного самоуправления. Автор уделяет внимание негативным аспектам цифровизации местного самоуправления, в частности, обосновывает позицию о тенденции сближения органов местного самоуправления и государственной власти, акцентирует внимание на отсутствии критерия вовлеченности населения в управление местными делами при проведении оценки цифрового развития регионов. Анализируется типовая Концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь, положительно оценивается контент мобильного приложения «Мой город». Рассматриваются перспективные направления развития местного самоуправления в условиях цифровизации, обосновываются предложения по совершенствованию законодательства. Высказываются идеи относительно развития института местных электронных собраний, оценки деятельности органов местного самоуправления с помощью цифровых технологий, проведения трансляций заседаний местных Советов и др.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, «умный город», цифровое развитие, местные Советы, онлайн-трансляции, перспективы развития

Для цитирования: Шахновская, И. В. Трансформация института местного самоуправления в условиях цифровизации: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации / И. В. Шахновская // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 241–249. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-241-249>

Irina V. Shakhnovskaya

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus

**TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS
AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article discusses the features and principles of local government in the digital era. The organizational and legal forms of activity of local self-government in the Republic of Belarus and the Russian Federation are analyzed. Special attention is paid to the constitutional reform of local self-government in the Russian Federation in 2020. The content of the principles of digitalization, transparency, publicity, information openness in the activities of local government bodies is considered, and the main tasks of digitalization of local government are determined. The author pays attention to the negative aspects of digitalization of local self-government, in particular, he substantiates the position on the trend of convergence between local self-government and state authorities, and focuses on the lack of a criterion for the involvement of the population in the management of local affairs when assessing the digital development of regions. The standard Concept for the development of smart cities in the Republic of Belarus is analyzed, and the content of the “My City” mobile application is positively assessed. The article examines promising directions for the development of local self-government in the context of digitalization, and substantiates proposals for improving legislation. Ideas are expressed regarding the development of the

institution of local electronic meetings, assessing the activities of local governments using digital technologies, broadcasting meetings of local Councils, etc.

Keywords: digitalization, local government, smart city, digital development, local Councils, online broadcasts, development prospects

For citation: Shakhnovskaya I. V. Transformation of the institution of local self-government in the conditions of digitization: experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 241–249 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-241-249>

Введение. На сегодняшний день цифровизация общественных отношений является ключевым направлением в проведении внутренней политики государства. Вместе с тем цифровизация местного самоуправления не получила самостоятельного системного подхода и осуществляется в рамках принятых государственных программ по цифровому развитию органов государственной власти, построения электронного правительства. Белорусское законодательство требует внесения изменений и дополнений в части развития институтов местного самоуправления в цифровую эпоху.

Основные результаты исследования. Местное самоуправление – самостоятельная параллельная ветвь власти на местах (наряду с органами местного управления), главная задача которых состоит в обеспечении качественного взаимодействия населения с органами местного самоуправления, налаживании «диалога» в рамках решения вопросов местного значения. В связи с этим именно процессы внедрения цифровых технологий должны стать фактором, улучшающим такой информационный взаимообмен.

Местное самоуправление в Республике Беларусь следует рассматривать сквозь призму двух важнейших организационных форм: 1) система органов местного самоуправления (местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления); 2) форма организации и деятельности населения соответствующей АТЕ (местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов и др.).

Вторая форма местного самоуправления определяет отдельного субъекта конституционно-правовых отношений – население соответствующей АТЕ, которое обладает правом участвовать в принятии решений местного значения. Самоуправление может осуществляться как в единоличной (например, направление электронных обращений с предложениями о развитии местной территории), так и коллегиальной форме (инициативы граждан, проведение местных собраний). В последних научных исследованиях выделяется новый элемент конституционно-правового статуса данного субъекта – «право на цифровое самоуправление» [11].

Определение организационно-правовых форм местного самоуправления позволяет сформулировать некоторые аспекты цифровизации местного самоуправления, подлежащие оценке:

1) внедрение и реальное использование цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления (местных Советов и органов территориального общественного самоуправления);

2) наличие механизмов участия населения в управлении делами общества на местной территории, степень вовлеченности населения в решение практических задач.

Для сравнения приведем российский законодательный подход, который существенно отличается в части обозначения организационных форм местного самоуправления. Так, в результате проведения конституционной реформы 2020 г. органы местного самоуправления стали составной частью единой публичной власти. Что касается организационно-правовых форм именно местного самоуправления, то они обозначены через референдумы, выборы, другие формы прямого волеизъявления.

В условиях цифровизации важное значение для исследования имеют принципы деятельности местного самоуправления, особенности их содержательного переосмысления под воздействием цифровых технологий. Одним из принципов нормотворческой деятельности, в том числе органов местного самоуправления, является принцип цифровизации. К практической реализации данного принципа многие авторы относятся весьма скептически, объясняя свою позицию ограниченным применением информационных технологий в различных регионах. В целом та-

кие подходы направлены на сохранение традиционного нормотворчества с привлечением цифровых инноваций [2].

В научных исследованиях актуальным стало раскрытие принципа открытости и транспарентности в деятельности органов местного самоуправления. При этом содержание данных принципов не имеет синонимичного характера. В частности, ряд авторов склоняются к такой позиции, что принцип открытости предполагает представление информации о деятельности и решениях местных органов. Принцип информационной открытости получил законодательное закрепление в Российской Федерации в Федеральном Законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Сущность информационной открытости состоит в доступности для населения информации, созданной в пределах своих полномочий органами местного самоуправления, в том числе к муниципальным правовым актам, устанавливающим структуру, полномочия, порядок формирования и деятельности органов местного самоуправления, иной информации, касающейся деятельности местных органов.

В то же время с транспарентностью связываются также вопросы открытости к взаимодействию с населением, проведение общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления, достоверность предоставляемой информации [10].

Принцип гласности в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления заключается, по большей части, в вынесении на публичное обсуждение на «Правовом форуме Беларуси» проектов решений местных Советов депутатов. Анализ проектов таких решений за 2023 г. позволяет сделать вывод о небольшом количестве вынесенных на публичное обсуждение проектов решений Советов, а также о низком (практически нулевом) уровне участия населения в части направления замечаний и (или) предложений по проектам. Приведем несколько примеров. За период общественного обсуждения проекта решения Гродненского районного Совета депутатов «О создании места погребения» с 22 июня по 1 июля 2023 г. предложений не поступало. С 19 по 29 января 2023 г. проходило общественное обсуждение проекта решения Глубокского районного Совета депутатов «О присвоении наименования улице города Глубокое» [9]. В процессе общественного обсуждения был получен один отклик от пользователя Правового форума Беларуси. Проекты иных решений местных Советов демонстрируют похожие итоги. Такие показатели свидетельствуют о низком уровне заинтересованности местного населения в участии решения вопросов местного значения, что может быть вызвано различными причинами (недоверие к цифровым технологиям, низкий уровень правового просвещения и правового сознания, недоверие к органам местного самоуправления в целом, наличие «цифрового разрыва» среди населения и др.).

Под цифровизацией местного самоуправления следует понимать процесс постоянного внедрения информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления, а также постепенный переход к механизмам прямой и косвенной демократии на местном уровне в цифровой формат.

Основными задачами в области цифровизации местного самоуправления в Республике Беларусь должны стать:

- 1) внедрение новых форм и механизмов взаимодействия населения АТЕ с местными органами власти;
- 2) повышение вовлеченности местных граждан в процесс управления делами общества на соответствующей территории;
- 3) ликвидация цифрового разрыва в регионах (реальный доступ к информационным технологиям всего населения);
- 4) повышение уровня доверия населения к электронным формам взаимодействия.

Цифровые процессы в Республике Беларусь в целом показывают положительную динамику своего развития. По результатам обзора Организации Объединенных Наций по электронному правительству за 2022 г. по субиндексу человеческого капитала Республика Беларусь входит в топ-30 стран из 193 представленных в рейтинге, опережая такие страны, как Израиль, Франция, Япония, Лихтенштейн, Турция, Монако, Люксембург, Болгария, Румыния, Мексика.

Согласно «Глобальному инновационному индексу 2022», опубликованному Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Республика Беларусь заняла 48-е место среди 132 государств по показателю «Доступ к ИКТ»; 27-е место среди 132 государств по показателю «Использование ИКТ»; по показателю «Экспорт ИКТ-услуг» (телекоммуникационных, компьютерных и информационных) в общем объеме внешней торговли Республика Беларусь заняла 10-е место в мире [7].

В области разработки единой государственной политики по цифровизации местного самоуправления до настоящего времени не выработан системный подход. Цифровизация всех общественных отношений является одним из приоритетных направлений проведения внутренней политики государства в современный период. Одной из подпрограмм Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. является цифровая трансформация регионального развития Республики Беларусь. К основным направлениям реализации данной подпрограммы относятся:

1) создание региональной государственной типовой цифровой платформы, в рамках которой планируется обеспечить информационное взаимодействие, а также упростить конструктивный диалог с гражданами;

2) внедрение цифровых платформ «Умный город (регион)»;

3) развитие сервисов на базе созданных региональных цифровых платформ и т. д.

При этом субъектами реализации мероприятий по цифровому развитию регионов обозначены областные и Минский городской исполнительные комитеты. Роль местных Советов по развитию цифровой среды сводится в Государственной программе лишь к утверждению объемов финансирования в данной области, что соответствует реализации исключительного полномочия местных Советов по утверждению местных бюджетов, предусмотренного ст. 121 Конституции Республики Беларусь. Следовательно, органы местного самоуправления находятся «за гранью» реального участия в развитии региональной цифровой среды.

Таким образом, значимая роль «в выведении» органов местного самоуправления за пределы цифровой трансформации отводится самостоятельности местного самоуправления. Так, признак самостоятельности органов местного самоуправления законодательно подтвержден на конституционном уровне (в рамках выделения данного института в отдельную главу Конституции Республики Беларусь), а также определен в качестве одного из принципов деятельности местного самоуправления в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (ст. 3). Такая особенность выступает негативным фактором при проведении общей цифровой трансформации в государстве, поскольку к числу приоритетных направлений относится внедрение цифровых технологий в государственное управление, в экономические процессы и в процесс вовлечения населения к «диалогу» с государством. Как следствие, цифровизация местного самоуправления осуществляется в рамках цифровизации публичной власти, построения электронного правительства в целом. Здесь следует сделать вывод об отсутствии признака самостоятельности органов местного самоуправления в процессе цифровой трансформации.

Тенденция «сближения, соединения» местного самоуправления и исполнительной власти прослеживается также в рамках запланированных мероприятий по внедрению региональных цифровых платформ «Умный город (регион)» и оценке эффективности их работы. В настоящий момент трансформация городов в smart city – одно из ведущих направлений цифрового развития в Республике Беларусь. З. К. Кондратенко понимает «умный город» как совокупность информационно-телекоммуникационных технологий, платформенных решений и интеллектуальных систем управления городской инфраструктурой [5, с. 46]. Так, в Типовой концепции развития «умных городов» в Республике Беларусь в рамках программы «Управление развитием города» (далее – Типовая концепция) в числе одного из направлений предусмотрено создание цифровой платформы для вовлечения граждан в решение вопросов местного значения. Кроме того, в числе главных принципов развития «умных городов» должны стать ориентация на человека и его потребности, а также вовлечение местных жителей в управление городом.

Анализ Типовой концепции позволяет выявить противоречия в нормотворческой деятельности по цифровому развитию регионов. Так, в 2023 г. в Республике Беларусь принято Постановле-

ние Министерства связи и информатизации Республики Беларусь «Об уровне цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц» (далее – Постановление), которым утверждены критерии для показателей уровня цифрового развития АТЕ (доля городов в области (районов в г. Минске), внедривших технологии региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», охват населенных пунктов интеллектуальными транспортными системами, уровень цифрового развития жилищно-коммунального хозяйства, доля населенных пунктов в АТЕ, включенных в республиканскую информационную систему автоматизированного мониторинга окружающей среды и др.). Безусловным плюсом является разработка таких критериев, что позволит составлять национальные рейтинги городов, на основании которых можно предложить определенные льготные условия, государственное финансирование для дальнейших процессов цифровой трансформации как стимулирующие меры. Все обозначенные в Постановлении критерии носят, как правило, оценку технического состояния либо количественную оценку оказываемых административных процедур в электронной форме. При этом в перечне вовсе отсутствуют те из них, которые отражали бы уровень участия населения в управлении делами соответствующей АТЕ с использованием цифровых технологий. Такими могут быть доля поданных электронных обращений граждан, реализация инициатив по принятию решений местных Советов в сети Интернет и др. Это свидетельствовало бы об уровне вовлечения гражданского общества в коммуникацию с государством посредством использования информационных технологий и соответствовало Типовой концепции развития «умных городов».

Достижением в области цифрового развития регионов в рамках реализации концепции «Умный город» является разработка мобильного приложения «Мой город», к которому присоединены отдельные белорусские города (Полоцк, Глубокое, Пинск, Орша, Сморгонь, Несвиж, Могилев и др.). В рамках приложения могут осуществляться административные процедуры, запись на прием, предоставляться информация о главных событиях города, культурных и спортивных мероприятиях.

Еще одним подтверждением тенденции сближения органов местного самоуправления и исполнительной власти в условиях цифровой среды является отсутствие возможности у местных Советов депутатов создавать собственные интернет-ресурсы (сайты), вести свой содержательный контент и тем самым обеспечивать реализацию принципа гласности своей деятельности и доведения до населения содержания принимаемых управленческих решений. Так, с 2010 г. в Республике Беларусь обязанность вести свои интернет-сайты принадлежит государственным органам и организациям (Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»). Что касается сайтов органов местного самоуправления, то информация о результатах их деятельности размещается на отдельной вкладке официального сайта соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа.

В части представленности органов местного самоуправления в сети Интернет Республика Беларусь могла бы учесть опыт Российской Федерации, где практически у всех местных субъектов имеются официальные сайты с довольно широким освещением информации. К примеру, анализ содержания официального сайта Московской городской думы показал наличие значимой информации для населения: создана интернет-приемная, представлена финансовая статистика Московской городской думы, имеется информация о комиссиях, депутатских группах, проектах нормативных правовых актов, итогах проведенного мониторинга [8].

Конституционная реформа 2020 г. в Российской Федерации тенденцию «соединения» местного самоуправления и государственной власти отразила на уровне Основного закона. Так, в ч. 3 ст. 132 обновленной Конституции Российской Федерации обозначено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Кроме того, предусмотрена возможность наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями. С одной стороны, такие конституционные изменения станут причиной для уси-

ления процессов цифровизации на местном уровне в рамках утвержденных федеральных государственных программ. С другой стороны, на основании конституционных изменений основной задачей органов местного самоуправления в Российской Федерации станет проведение государственной политики на местах в интересах местного населения.

В российской науке конституционного права имеются подходы, в которых отражается негативная сторона внедрения цифровых технологий на уровне местного самоуправления. К примеру, О. Л. Казанцева критически относится к внедрению дистанционного электронного голосования на местных выборах, высказывает негативную позицию, касающуюся перехода публичных обсуждений местных актов в онлайн-формат [4, с. 23]. Свою точку зрения автор обосновывает созданием состояния отдаленности населения от решения вопросов местного значения, делает невозможным совместное присутствие граждан, отстраняет их от реального участия в управлении местными делами. В целом, такая позиция вызывает сомнение. По причине массового внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества, общей настроенности государств на проведение цифровизации государства весьма сомнительно делать «шаг назад», идти «не в ногу со временем», возвращаясь к доцифровым формам взаимодействия населения и государства. На уровне высших должностных лиц как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации постоянно озвучиваются позиции о необходимости перехода «в цифру». Так, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин обозначает, что «сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта» [3].

А. А. Шишкин видит возможности развития местного самоуправления в Республике Беларусь в условиях цифровизации посредством проведения местных собраний в онлайн-режиме с использованием цифровых платформ [13]. О перспективах развития местного самоуправления с использованием цифровых платформ автором статьи ранее проводилось отдельное исследование [12]. Анализу значимости цифровых платформ в «умном городе» посвящены и иные научные труды (М. С. Абломейко, С. В. Кругликов и др.) [6].

В целом поддерживая предложение А. А. Шишкина, считаем более правильным начать внедрение «электронных форм принятия решений» на уровне территориального общественного самоуправления в Республике Беларусь. В частности, согласно законодательству Республики Беларусь о местном самоуправлении, в АТЕ может создаваться только один коллегиальный орган территориального общественного самоуправления как с образованием юридического лица, так и без него. Именно в работу таких коллегиальных органов стоит внедрять использование информационных технологий при реализации своих полномочий (к примеру, при изучении, анализе и учете мнения граждан по вопросам экономического и социального развития, в случае содействия благотворительности, содействия в осуществлении нормотворческой инициативы граждан по вопросам местного значения и др.).

Новеллой белорусского законодательства в области развития местного самоуправления стало принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. № 281-3 «Об изменении законов по вопросам местного управления и самоуправления», в рамках которого предусмотрено создание постоянно действующего окружного совета территориального общественного самоуправления в городе Минске на срок полномочий Минского городского Совета депутатов. В полномочия данного Совета будет входить принятие решений рекомендательного характера. Перспективным видится внедрение в порядке правового эксперимента в работу Окружного Совета информационных технологий в процессе принятия решений. Предложение позволит оценить уровень готовности граждан использовать цифровые инструменты при принятии решений, а также будет способствовать дальнейшей трансформации местного самоуправления в государстве.

Новой формой местного самоуправления с 2023 г. становится институт гражданских инициатив граждан. Такие инициативы могут быть поданы как на бумажном носителе, так и в электронной форме. Согласно нововведениям, гражданские инициативы, прошедшие конкурсный отбор, могут претендовать на финансирование из средств республиканского бюджета. Следовательно, можно вести речь о расширении способов финансирования местного самоуправления. Схожая идея была изложена Г. А. Василевичем, который предлагал ввести предоставление суб-

венций, проведение конкурсов на реализацию социально значимых проектов среди органов территориального общественного самоуправления [1].

Подобный институт давно получил развитие в законодательстве Российской Федерации в Указе Президента от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Отметим, что такие инициативы могут иметь как нормотворческий характер, так и быть реализованы иным способом. При этом форма подачи общественной инициативы в Российской Федерации предусмотрена только путем использования информационных технологий (интернет-ресурса).

Перспективным направлением видится развитие института оценки деятельности органов местного самоуправления с использованием цифровых технологий. Закон Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов» от 27 марта 1992 г. № 1547-XII предусматривает такие формы оценки деятельности депутатов местного Совета населением, как проведение встреч с избирателями (информирование о деятельности депутата, изучение общественного мнения), а также отчеты депутата перед избирателями (отчет о своей деятельности и ходе выполнения предвыборной программы). Здесь можно предложить совершенствование порядка проведения депутатом местного Совета встреч с гражданами с использованием ссылок на онлайн-трансляции, где каждый присоединившийся избиратель сможет задать вопрос либо написать его в общем чате. Реализация данного предложения требует внесения следующих изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов»:

1) название статьи двадцатой изложить в следующей редакции:

«Статья 20. Проведение депутатом Совета встреч с гражданами, прямых трансляций»;

2) дополнить статью двадцатую частью третьей и изложить норму в следующей редакции:

«Встречи депутата Совета с гражданами могут быть организованы посредством использования сети Интернет путем проведения прямых трансляций».

Отдельного внимания заслуживает отчет депутата местного Совета перед избирателями о ходе выполнения предвыборной программы. Анализ интернет-сайтов местных исполнительных и распорядительных органов в части исследования информации о деятельности депутатского корпуса конкретного местного Совета демонстрирует отсутствие там самого текста предвыборной программы. Как следствие, возникает вопрос: итоги выполнения какой программы представляет депутат местного Совета перед своими избирателями? В связи с этим предлагается обязать депутатов местных Советов на официальных страницах в сети Интернет размещать предвыборную программу и отчеты (возможно годовые, квартальные) о ходе ее реализации. Данное предложение будет способствовать дальнейшей реализации принципа открытости и гласности в деятельности органов местного самоуправления.

Цифровые технологии в позитивном ключе можно использовать при организации заседаний на сессиях местных Советов депутатов. Так, предлагается внедрить в законодательство проведение онлайн-трансляций заседаний местных Советов. Нет необходимости 100%-ного перевода всех заседаний в формат онлайн-транслирования. Однако те из них, на которых рассматриваются важнейшие вопросы местного значения (утверждаются программы социально-экономического развития региона, концепции молодежной политики и др.), должны быть доступными для населения. В связи с этим предлагается внесение следующих изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении»: дополнить статью двенадцатую частью 1¹ и изложить норму в следующей редакции: «В отдельных случаях, определенных Регламентом Совета, по решению председателя Совета, а в случае его отсутствия или по его поручению – его заместителем, на заседаниях Совета организуются онлайн-трансляции в порядке, определенном законодательством».

Разумным видится представление ссылки на онлайн-трансляции заседаний местных Советов субъектам гражданского общества, определенных законодательством (Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»). В связи с этим предлагается расширить перечень особых форм взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества, что потребует внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об

основах гражданского общества»: дополнить абзацем четвертым часть первую статьи седьмой и изложить норму в следующей редакции: «участие в проведении онлайн-трансляций заседаний местных Советов депутатов».

Выводы. В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы научного и практического характера.

1. В области оценки цифровизации местного самоуправления важно учитывать следующие аспекты: а) анализ использования информационных технологий органами местного самоуправления; б) наличие действующих цифровых механизмов, позволяющих местному населению участвовать в управлении АТЕ. Сформулирован вывод о низкой заинтересованности населения в решении вопросов местного значения посредством использования отдельных электронных механизмов.

2. Проведение цифровизации местного самоуправления приводит к сближению органов местного самоуправления с органами государственной власти, теряется признак самостоятельности в участии в цифровом развитии регионов. Такое заключение сформулировано на основе анализа утвержденных критериев оценки цифрового развития, на отсутствии собственных официальных сайтов органов местного самоуправления, что не позволяет в полной мере реализовывать взаимодействие с местным населением. Для сравнения приведен положительный опыт Российской Федерации в данном направлении.

3. Сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство, результатом которых станет возможное проведение электронных собраний на уровне органов территориального общественного самоуправления, внедрение прямых трансляций заседаний местных Советов, закрепление обязанности депутатов Советов размещать на Интернет-ресурсах предвыборную программу и отчет о ходе ее исполнения и др.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. О некоторых направлениях развития непосредственной и представительной демократии на местном уровне: организационные и правовые вопросы / Г. А. Василевич // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Вып. 16. – С. 102–117.
2. Воропаев, Д. А. Принцип цифровизации нормотворческой деятельности / Д. А. Воропаев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г.: тез. докл.: [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; [редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2023. – С. 12–13.
3. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс] / В. Д. Зорькин // Рос. газ. – 2018. – № 7578. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchatcifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 12.11.2023.
4. Казанцева, О. Л. Цифровые технологии в местном самоуправлении / О. Л. Казанцева // Алт. юрид. вестн. – 2022. – № 2 (38). – С. 20–24.
5. Кондратенко, З. К. Правовое регулирование технологии Smart City в условиях цифровизации / З. К. Кондратенко // Аграр. и земел. право. – 2020. – № 12 (192). – С. 45–48. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_12_45
6. Кругликов, С. В. Цифровая платформа как основа управления умным городом / С. В. Кругликов, М. С. Абломейко // Проблемы упр. – 2021. – № 3. – С. 43–51.
7. Рейтинги ИКТ [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/rejtingi-ikt-0>. – Дата доступа: 12.11.2023.
8. Московская городская дума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://duma.mos.ru/ru/feedback>. – Дата доступа: 12.11.2023.
9. Публичное обсуждение проектов НПА [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/?PAGEN_2=9. – Дата доступа: 10.11.2023.
10. Тажитдинов, И. А. Транспарентность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики / И. А. Тажитдинов, А. Г. Атаева, А. И. Шатунова // Муниципалитет: экономика и упр. – 2020. – № 3. – С. 48–58.
11. Чертков, А. Н. Местное самоуправление: субъект права на «цифровое самоуправление» / А. Н. Чертков // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ф. М. Рудинского (г. Москва, 15 апр. 2021 г.) / Моск. гор. пед. ун-т; редкол.: В. В. Строев [и др.]. – М., 2021. – С. 182–185.
12. Шахновская, И. В. Особенности развития местного управления и самоуправления в условиях цифровизации государства / И. В. Шахновская // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 54–57.

13. Перспективы развития непосредственного (прямого) участия граждан в осуществлении местного самоуправления в контексте региональной цифровой трансформации / А. А. Шишкин // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исследований. – Минск, 2021. – Вып. 3. – С. 292–301.

References

1. Vasilevich G. A. On some directions for the development of direct and representative democracy at the local level: organizational and legal issues. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov = Law in Modern Belarus Society: collection of scientific works*. Minsk, 2021, iss. 16, pp. 102–117 (in Russian).
2. Voropaev D. A. The principle of digitalization of rule-making activities. *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Minsk, 18–19 maya 2023 g.: tezisy dokladov* [Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies: abstracts of International scientific and practical conference, Minsk, May 18–19, 2023]. Minsk, 2023, pp. 12–13 (in Russian).
3. Zor'kin V. D. Law in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2018, no. 7578. Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchatcifrovye-prava-grazhdan.html> (accessed 11.12.2023) (in Russian).
4. Kazantseva O. L. Digital technologies in local government. *Altaiiskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, 2022, no. 2 (38), pp. 20–24 (in Russian).
5. Kondratenko Z. K. Legal regulation of Smart City technologies in the conditions of digitalization. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2020, no. 12 (192), pp. 45–48 (in Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_12_45
6. Kruglikov S. V., Ablameiko M. S. Digital platform as the basis for smart city management. *Problemy upravleniya* [Management Problems], 2021, no. 3, pp. 43–51 (in Russian).
7. ICT Ratings. *Ministry of Communications and Information of the Republic of Belarus*. Available at: <https://www.mpt.gov.by/en/ict-ratings> (accessed 11.12.2023).
8. *Moscow City Duma*. Available at: <https://duma.mos.ru/ru/feedback> (accessed 11.12.2023) (in Russian).
9. Public discussion of draft legal acts. *Legal Forum of Belarus*. Available at: https://forumpravo.by/publicnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/?PAGEN_2=9 (accessed 11.10.2023) (in Russian).
10. Tazhitdinov I. A., Ataeva A. G., Shatunova A. I. Transparency of local government bodies in the conditions of digital economy. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: Economics and Management*, 2020, no. 3, pp. 48–58 (in Russian).
11. Chertkov A. N. Local self-government: subject of the right to “digital self-government”. *Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendentsii, riski, perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora F. M. Rudinskogo (g. Moskva, 15 aprelya 2021 g.)* [Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects: materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor F.M. Rudinsky (Moscow, April 15, 2021)]. Moscow, 2021, pp. 182–185 (in Russian).
12. Shakhnovskaya I. V. Features of the development of local government and self-government in the conditions of digitalization of the state. *Yustitsiya Belarusi* [Justice of Belarus], 2021, no. 7, pp. 54–57 (in Russian).
13. Shishikin A. A. Prospects for the development of immediate (direct) participation of citizens in the implementation of local self-government in the context of regional digital transformation. *Dinamika pravoustanovleniya i pravorealizatsii v sfere publichno-pravovykh otnoshenii: sbornik nauchnykh statei* [Dynamics of legal establishment and legal implementation in the field of public legal relations: collection of scientific articles]. Minsk, 2021, iss. 3, pp. 292–301 (in Russian).

Информация об авторе

Шахновская Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и уголовного права. Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой (ул. Блохина, 29, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: irochka15012@yandex.by

Information about the author

Irina V. Shakhnovskaya – Ph. D. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Criminal Law. Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (29 Blokhina Str., Novopolotsk 211440, Belarus). E-mail: irochka15012@yandex.by

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Паступіў у рэдакцыю 04.09.2023
Received 04.09.2023

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-250-255>

Н. А. Развадоўская

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь

ГІСТОРЫЮ ТВОРАЦЬ АСОБЫ

«Ой, не мне трэба было пісаць гэтую кнігу» – адзначаным радком пачынаецца даследаванне «Палескі дзівасіл: нарыс жыцця і творчасці Уладзіміра Гніламедава» вядомых літаратуразнаўцаў В. Локун і В. Русілка, якое нядаўна пабачыла свет у выдавецтве «Беларуская навука»¹. «Ой, не мне трэба было пісаць гэтую рэцэнзію», – міжволі падумалася, калі кніга апынулася ў маіх руках. Так здарылася, што з чалавекам, пра якога пішуць аўтары «Палескага дзівасілу», у далёкім ужо 2005 г. мяне звёў навуковы і жыццёвы лёс: Уладзімір Васільевіч як галоўны апанент маёй дысертацыі з’явіўся адной з тых асоб, якія шчасліва благаславілі мяне ў навуку і жыццё. Аналізаваць, выносіць ацэнкі, фармуляваць заўвагі ў такіх выпадках заўсёды нялёгка, рызыкаўна, адказна, але ж паспрабую...

Назва кнігі як нельга лепш раскрывае асобу Уладзіміра Васільевіча Гніламедава – «Палескі дзівасіл»... Дзевяць сіл, якіх хапае і на навуковую дзейнасць, і на мастацкую творчасць. Палессе – край, зямля, якая жывіць, мацуе сілы, натхняе на пошукі...

Кніга складаецца з чатырох цесна звязаных паміж сабой частак, кожная з якіх раскрывае тую ці іншую грань асобы У. В. Гніламедава: навукоўца, пісьменніка, чалавека, асобы.

Першая частка кнігі – «Дарогі жыцця» – знаёміць з біяграфіяй выдатнага беларускага навукоўцы. Перад вачыма чытача праходзіць увесь жыццёвы шлях Уладзіміра Васільевіча – ад простага вясковага хлопчыка да акадэміка НАН Беларусі. Імкнучыся зрабіць аповед нефармальным і насычаным, В. Локун і В. Русілка ўводзяць у яго гісторыка-краязнаўчы матэрыял, паэтычна апавядаючы пра Палессе, Белавежскую пушчу, знакаміты Камянецкі стоўп і невялікую вёску Кругель на Палессі – малую радзіму і духоўную калыску У. В. Гніламедава. Цытаты з артыкулаў, інтэрв’ю, успаміны і запісы з асабістага архіва Уладзіміра Васільевіча, перамяжоўваючыся з афіцыйнымі біяграфічнымі фактамі, не толькі аказваюцца ўдалымі стылістычнымі «сашчэпкамi», але і вядуць да глыбокага разумення яго светабачання і мыслення.

Аўтары «Палескага дзівасілу» не забываюць згадаць пра блізкіх і родных Уладзіміра Васільевіча: бацьку, маці і асабліва пра дзядулю, беларуса Лявона Сцепанюка, і бабулю Фёклу, рускую, пад апякунствам, духоўным уплывам якіх У. В. Гніламедаў фарміраваўся як асоба і як пісьменнік-гуманіст: «Думаецца, што плённае спалучэнне двух нацыянальных менталітэтаў, дзвюх магутных культур адчуваецца ва ўсім, чым па жыцці займаецца пісьменнік» (с. 8).

Асаблівае месца адводзіцца ў кнізе дзяцінству Уладзіміра Васільевіча, свядомая частка якога прыйшла на вельмі цяжкія, страшныя гады Вялікай Айчыннай вайны. Час ваеннага ліхалецця таксама адбіўся на светапоглядзе У. В. Гніламедава, які заўсёды кажа пра вайну не толькі як пра нацыянальную трагедыю, але і як пра сусветны катаклізм, які разбурае чалавечую асобу.

¹ Локун, В. Палескі дзівасіл : нарыс жыцця і творчасці Уладзіміра Гніламедава / В. Локун, В. Русілка. – Мінск : Беларус. навука, 2022. – 182 с., [12], іл. У далейшым спасылкі на гэта выданне даюцца ў дужках з указаннем старонкі.

В. Локун і В. Русілка досыць унікліва, падрабязна вядуць аповед пра школьныя гады Уладзіміра Гніламедава, яго вучобу ў Брэсцкім педагагічным інстытуце імя А. С. Пушкіна, працу ў Тамашоўскім дзіцячым доме, Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы НАН Беларусі, удала, па-майстэрску ствараючы партрэт асобы: «Усе, каму пашчасціла ведаць Уладзіміра Васільевіча асабіста або супрацоўнічаць з ім (у тым ліку і аўтары гэтай кнігі), аднадушна сведчаць пра тое, што гэта чалавек высокіх маральных прынцыпаў, выключнай духоўнай культуры і інтэлігентнасці, здольны пачуць і зразумець субяседніка, падтрымаць кожнага, запаліць агеньчык надзеі і веры ў сябе» (с. 16).

Вельмі важным уяўляецца тое, што першая частка «Палескага дзівасілу» завяршаецца словамі самога У. В. Гніламедава, якія, на наш погляд, фармулююць яго навуковае, творчае і жыццёвае крэда: «Літаратурную творчасць я разглядаю як з’яву культуры, феномен агульначалавечага і нацыянальнага духоўнага жыцця, які павінен дапамагчы чалавеку глыбей зразумець самога сябе і больш цяпліва ставіцца да навакольнага»; «Адчуванне часу – добрае адчуванне, але варта памятаць, што не мы выбіраем час, а ён выбірае нас. Час, ці назаўваж гэта – эпоха, лёс, некажышчэ – выбірае нас і будзе лінію нашага жыцця, жыцця грамадства, цэлых краін і кантынентаў» (с. 17). Згадзіцеся, глыбокія, філасофскія, афарыстычныя думкі.

Калі першую частку «Палескага дзівасілу» можна параўнаць з пэўным эцюдам, своеасаблівым подступам да абмалёўкі партрэта, дык у другой частцы – «Глыбіня літаратуразнаўчай думкі» – перад чытачом узнікае цалкам завершаны вобраз У. В. Гніламедава як навукоўцы, літаратуразнаўцы, гісторыка літаратуры і літаратурнага крытыка.

В. Локун і В. Русілка прапануюць аналітычны агляд навуковых прац Уладзіміра Васільевіча, надаючы асаблівую ўвагу найбольш знакавым для беларускага літаратуразнаўства манаграфіям вучонага. Сімптаматычна, на думку аўтараў, што пачатак актыўнай навуковай дзейнасці У. В. Гніламедава супаў з так званай адлігай 1960-х гг., калі ў атмасферы лунаў дух свабоднай думкі, а ў літаратуру прыйшло «пакаленне рамантыкаў, якія верылі ў сябе, у будучыню» (с. 18). Адсюль – цікавасць У. В. Гніламедава да надзённага, цяперашняга, жаданне трымаць руку на пульсе часу, пра што, па трапным назіранні В. Локун і В. Русілка, сведчаць нават назвы яго навуковых прац («Лірычны летапіс часу», «Сучасная беларуская паэзія» і інш.). Заканамерным вынікам гэтага перыяду, на думку аўтараў, становіцца шырокае манаграфічнае даследаванне «Традыцыі і наватарства» (1972), дзе «падсумаваны ідэйна-эстэтычны вопыт развіцця беларускай паэзіі 1950–1960-х гг.» (с. 18) і дзе «перад намі “рэльефна” паўстаюць такія выдатныя паэты, як П. Броўка, М. Танк, А. Куляшоў, П. Панчанка, А. Вялюгін, С. Дзяргай, М. Аўрамчык, Р. Барадулін і інш., з выразнымі асаблівасцямі іх мастацкай манеры» (с. 21). Аднак аўтары ідуць далей: акрамя суб’ектыўнага погляду на манаграфію яны прадстаўляюць шматлікія, часта дыскусійныя водгукі на яе пісьменнікаў, публіцыстаў, літаратуразнаўцаў (А. Лойкі, У. Юрэвіча, З. Фініцкай і інш.).

Далей у фокусе ўвагі В. Локун і В. Русілка аказваюцца даследаванні 1970–1980-х гг., такія, як «Упоравень з векам», «Як само жыццё: кніга бягучай крытыкі» і іншыя. Аўтары дэтальна аналізуюць кожную з іх, падкрэсліваючы важнасць гэтых прац для далейшага развіцця нацыянальнага літаратуразнаўства. Так, кажучы пра кнігу «Як само жыццё», куды ўвайшлі літаратурна-крытычныя артыкулы, прысвечаныя творчасці беларускіх пісьменнікаў, яны адзначаюць, што «для даследчыка манера паэта, яго мастацкая індывідуальнасць асацыіраваліся з арыгінальнасцю паэтычнага мыслення творцы, яго бачаннем свету. А праз гэта ён імкнецца да больш агульнага, намагаецца выявіць пэўныя тэндэнцыі сучаснага літаратурнага працэсу» (с. 27).

Важнае месца ў аглядзе навуковых работ У. В. Гніламедава адводзіцца кнізе «Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс», якую аўтары вызначаюць як этапную, паколькі ў ёй даследуецца «працэс суб’ектывацыі мастацкага мыслення ад самых вытокаў беларускай паэзіі да пачатку XX стагоддзя» (с. 27). Варта адзначыць, што ажыццёўлены В. Локун і В. Русілкай глыбокі, удумлівы аналіз кнігі па главах, падмацаваны ўдалымі, характарыстычнымі цытатамі як з яе самой, так і са шматлікіх рэцэнзій (Н. Васюкевіч, Л. Гарэлік, А. Жакаў, Т. Рызнічэнка і інш.), дазваляе зрабіць выснову: без «Сучаснай беларускай паэзіі» У. В. Гніламедава нашы веды аб нацыянальным літаратурным працэсе будуць далёка не поўнымі.

Гаворачы аб даследаванні, прысвечаным творчасці Івана Мележа, аўтары «Палескага дзівасілу» адзначаюць наватарства Уладзіміра Васільевіча, які разглядаў творчасць народнага пісьменніка БССР у святле традыцыі нацыянальнага эпасу (с. 42) і праводзіў паралелі паміж творами І. Мележа і мастацкімі пошукамі еўрапейскіх і амерыканскіх пісьменнікаў XIX–XX стст. (О. Бальзака, Э. Заля, Т. Мана, У. Фолкнера) і тым самым пераканаўча даказаў высокую эстэтычную каштоўнасць беларускай літаратуры, а таксама неабходнасць разглядаць яе як неад’емную частку сусветнага літаратурнага працэсу.

Характарызуючы працы У. В. Гніламедава «Ля аднаго вогнішча», «Пафас жыццесцвярджэння», «Класікі і сучаснікі», «Праўда зерня», «Янка Купала: новы погляд», «Ад даўніны да сучаснасці» і інш., В. Локун і В. Русілка пішуць: «Гэтыя кнігі розныя па сваёй мастацкай спецыфіцы, непадобныя ў сэнсе шматстайнасці мастацкіх абліччаў і жанравых дыяпазонаў, але яны аднолькава прапітаны аўтарскай занепакоенасцю пра стан і здабыткі беларускай літаратуры ад яе вытокаў да другой паловы XX стагоддзя» (с. 48) і паказваюць на значнасць ажыццёўленых Уладзімірам Васільевічам даследаванняў не толькі для беларускага літаратуразнаўства, але і, перш за ўсё, для выкладання літаратуры ў школах і ВНУ рэспублікі. Асабліва адзначаецца кніга «Ад даўніны да сучаснасці», дзе, на думку аўтараў, «даследчык зноў вяртаецца да вытокаў літаратуры, выяўляючы іх сувязь з сучасным станам нацыянальнай паэзіі», «ідзе ад самага пачатку, ад вытокаў, сакральнага, што вызначыла і ў далейшым будзе вызначаць характар нацыянальных традыцый» (с. 57). Прыводзячы водгукі рэцэнзентаў (А. Марціновіч, Д. Бугаёў і інш.), В. Локун і В. Русілка абгрунтоўваюць наватарскі падыход У. В. Гніламедава, які, на іх погляд, выяўляецца ў тым, што навуковец «разглядае праблему нацыянальнай асаблівасці айчынай паэзіі як праблему тэарэтычную і гістарычную адначасова» (с. 57) і вызначае спецыфіку нацыянальнай свядомасці: «Беларускай свядомасці ўласцівы дуалізм, які прызнае два субстанцыянальныя пачаткі: матэрыю і дух» (с. 59). Аўтары ствараюць партрэт вучонага-гуманіста, які ўспрымае мастацтва ў парадыгме вечных духоўна-маральных каштоўнасцей і не імкнецца падладжвацца пад часовавыя, імгненныя запыты грамадскага асяроддзя.

Сярод велізарнай колькасці буйных работ Уладзіміра Васільевіча аўтары «Палескага дзівасілу» вылучаюць чатырохтомную «Гісторыю беларускай літаратуры XX стагоддзя», выдадзеную пад навуковым кіраўніцтвам акадэмікаў І. Я. Навуменкі, В. А. Каваленкі, У. В. Гніламедава і члена-карэспандэнта НАН Беларусі С. С. Лаўшукі, а таксама манаграфію Уладзіміра Васільевіча «На рубяжы часоў: рускаямоўная поэзія Беларусі». Даючы аналітычны агляд апошняй, В. Локун і В. Русілка падкрэсліваюць своечасовасць яе з’яўлення і значную перспектыўнасць: «Трэба сказаць, што такім чынам вызначаны і прадуктыўныя шляхі навуковых пошукаў у сучаснай літаратуразнаўчай навуцы» (с. 71). Асабліва важкім бачыцца аўтарам тое, што ў кнізе «Аглядавы аналіз... удала дапаўняецца аб’ёмным цытаваннем эстэтычна змястоўных паэтычных тэкстаў і грунтоўнымі абагульненнямі, якія надаюць кнізе маштабную цэласнасць» (с. 71).

Завяршае другую частку кнігі агляд гісторыка-літаратурнага нарыса «Літаратура. Гісторыя. Свядомасць» і двухтомнай анталогіі сучаснай рускамоўнай паэзіі Беларусі «Паэзія рускага слова», створаных у суаўтарстве У. В. Гніламедавым і М. У. Мікулічам. Гаворачы аб нарысе «Літаратура. Гісторыя. Свядомасць», В. Русілка адзначае: «Абапіраючыся на выключна вялікі корпус не толькі літаратуразнаўчых, але і прыродазнаўчых, філасофскіх, гістарычных навуковых крыніц, У. Гніламедаў і М. Мікуліч здолелі стварыць энцыклапедычна поўнае і акадэмічна глыбокае даследаванне вызначальных праблем айчынай літаратуры ў кантэксце сацыяльна-гістарычнага развіцця народа і фарміравання нацыянальнай свядомасці (с. 78). На яе думку, немалаважна тое, што «навуковыя дэфініцыі нацыянальнага тыпу свядомасці і дамінантных рыс нацыянальнага характару зусім натуральна лучацца з эмацыянальна-вобразным стылем нарыса, што робіць яго не толькі пазнавальным, але і займальным» (с. 80). І гэта, сапраўды, вялікая ўдача! Як часта чытач адкладвае кнігу ў бок толькі таму, што яна напісана сухой, казённай мовай навукі.

Такім чынам, «глыбіня літаратуразнаўчай думкі» ўяўляе сабой вычарпальны аналітычны агляд навуковых прац У. В. Гніламедава, які можна разглядаць як своеасаблівы навігатар для спецыялістаў-філолагаў, якія займаюцца праблемамі беларускай літаратуры XX – пачатку XXI ст. В. Локун і В. Русілка здзейснілі сапраўды тытанічную працу, праштудзіраваўшы тысячы старо-

нак газет, часопісаў і кніг, каб максімальна аб'ектыўна і поўна прадставіць каласальны ўклад, унесены Уладзімірам Васільевічам Гніламедавым у беларускае і еўрапейскае літаратуразнаўства.

Трэцяя частка «Палескага дзівасілу» «Магутная плынь эпасу» раскрывае новую грань таленту У. В. Гніламедава – пісьменніка-эпіка (упэўнена, што для многіх чытачоў гэта можа стаць адкрыццём!). За 20 апошніх гадоў жыцця Уладзімір Васільевіч стварыў серыю раманаў пра жыццё Заходняга Палесся, узяўшы за аснову гісторыю сваёй сям'і. Варта сказаць, што В. Локун і В. Русілка для іх характарыстыкі ўдала выкарыстоўваюць слова «сямікніжжа», што вольна або мімаволі нараджае асацыяцыі з пяцікніжжам Ф. М. Дастаеўскага і падкрэслівае ідэйна-сэнсавое адзінства раманаў У. В. Гніламедава, якія можна разглядаць як гісторыю душы чалавека і народа. Падыходзячы да агляду мастацкай творчасці пісьменніка, В. Локун і В. Русілка адзначаюць не толькі яго сэнсавую і жанравую спецыфіку, але і асаблівасці індывідуальнага стылю Гніламедава-раманіста: «...Празаік стварыў сваю адметную школу пісьма – складана поліфанічную, эпічна-дакументальную, эпічна-аналітычную. Філасофскае, мысліцельнае сінтэзуецца з жыццёвай і гістарычнай канкрэтыкай, быццёвае вынікае з побытавага» (с. 86). Аўтары паслядоўна разглядаюць кожны з 7 раманаў, праводзячы паралелі з класічнымі творамі як беларускіх, так і заходнееўрапейскіх пісьменнікаў, аргументавана даказваючы, што У. В. Гніламедаў працягвае і паглыбляе іх традыцыі, асабліва ў галіне сямейна-бытавой хронікі. В. Локун і В. Русілка адзначаюць, мабыць, ледзь не галоўную асаблівасць эпічнага палатна раманіста – імкненне перадаць этнакультурныя асаблівасці беларускай нацыі і паказаць гісторыю цэлага народа праз прыватнае жыццё адной сям'і. Асаблівую ўвагу аўтары «Палескага дзівасілу» надаюць вобразу галоўнага героя сямікніжжа – Лявону Кужалю, прататыпам якога стаў дзядуля Уладзіміра Васільевіча – Лявонцій Сцепанюк. Менавіта дадзены вобраз, на іх думку, дазваляе пісьменніку праз прызму гістарычных фактаў і дакументаў увесці новую для беларускай літаратуры праблематыку: «Гэты вобраз увасабляе галоўную ідэйную ўстаноўку аўтара – погляд на гісторыю з пункту гледжання беларуса-сяляніна, асэнсаванне зямлі і працы на ёй як асновы чалавечага жыцця» (с. 89).

Што істотна важна, В. Локун і В. Русілка не пераказваюць раманы, а ажыццяўляюць глыбокі, дыхтоўны філалагічны аналіз мастацкіх тэкстаў, які ахоплівае як змястоўныя, так і паэтыка-фармальныя аспекты сямікніжжа, выяўляючы ў кожным рамане ўласцівыя толькі яму сэнсавыя, моўныя і стылістычныя асаблівасці. Так, гаворачы пра раман «Уліс з Прускі», яны завастраюць увагу на цытацыі, алюзіях, выкарыстаных аўтарам, на ўвядзенні ім у канву рамана гісторыка-дакументальнага, аўтабіяграфічнага і легендарнага матэрыялу, на асаблівасцях скразной сістэмы вобразаў і спецыфіцы мастацкай канцэпцыі пісьменніка: «У мастацкай канцэпцыі У. Гніламедава вобразы герояў у мініяцюры мадэлююць працэсы інтэграцыі і дыферэнцыяцыі ў народным асяроддзі складаных сацыяльных працэсаў канца XIX і першых дзесяцігоддзяў XX стагоддзя» (с. 104).

Раман «Расія», на думку аўтараў «Палескага дзівасілу», – гэта ўдалае спалучэнне наватарскага падыходу і прытрымлівання літаратурных традыцый. «Наватарства У. Гніламедава ў тым, што ён узнаўляе як малавядомыя (эвакуацыя цэлай беларускай вёскі ў нечакана багатую рускую глыбінку ў 1914 г.), так і апісаныя ў літаратуры падзеі з пункту гледжання сучаснага лёсу двух братніх народаў – рускага і беларускага» (с. 107–108). Літаратурная традыцыя (сувязь з творчасцю беларускіх пісьменнікаў І. Мележа, К. Чорнага, літаратурай «страчанага пакалення», творамі К. Гамсуна, У. Фолкнера і інш.) выяўляецца ў гуманістычнай трактоўцы такіх тэм, як вайна, рэвалюцыя, якія малююцца У. В. Гніламедавым як персаніфікацыя Зла, разбуральнага для свету і знішчальнага для чалавека; агульнасць славянскага дома, любоў да роднай зямлі, сям'і і інш. Галоўнай вартасцю рамана В. Локун і В. Русілка лічаць уласцівы яму псіхалагізм: знешняе дзеянне другараднае, на першы план выходзяць унутраныя маналогі і рэфлексія герояў, іх псіхалагічныя характарыстыкі, якія «ахопліваюць не толькі індывідуальны ўнутраны свет, але і псіхалогію масы, псіхалогію вялікіх калектываў людзей» (с. 120). І ў гэтым зноў бачыцца працяг традыцый класічнай літаратуры, перш за ўсё Л. Талстога і К. Чорнага. Не выпадкова, з пункту гледжання аўтараў, магістральны ў рамане канцэпт дарогі прачытваецца не як шлях індывіда, а як шлях усяго народа.

У рамане «Вяртанне» В. Локун і В. Русілка падкрэсліваюць майстэрства Гніламедава-рэаліста, яго ўвагу да драбнючкіх дэталей, што дазваляе стварыць атмасферу часу; ярка выражаны псіхалагізм, які рэалізуецца праз выкарыстанне ўнутраных маналогаў і няўласна-простай мовы, і непарыўную сувязь з творчасцю такіх майстроў мастацкага слова, як М. Гарэцкі, І. Мележ, К. Чорны, у творах якіх канцэпт зямлі быў тоесны канцэпту свабоды.

Адметнай асаблівасцю «Валошак на мяжы» В. Локун і В. Русілка лічаць перш за ўсё інтэртэкстуальнасць і майстэрскае выкарыстанне этнаграфічнага матэрыялу, а таксама ўвядзенне ў прастору рамана вершаваных і песенных тэкстаў. Аўтары кажуць, што ў «Вяртанні» і «Валошках на мяжы» «Гніламедава-раманісту XXI стагоддзя ўдалося глыбока ўнікнуць у драматычную сутнасць сацыяльных, духоўных перамен першых дзесяцігоддзяў XX стагоддзя, маштабна адлюстравалі унутраную драму беларускага народа, які ў дадатак да вайны, бежанства і рэвалюцыі павінен быў прайсці і праз польскі ўціск, калі бальшавікі аддалі Польшчы заходнюю частку Беларусі» (с. 121).

Раман «Вайна», на думку В. Локун і В. Русілка, цікавы тым, што ў ім У. В. Гніламедаў ажыццявіў дасканалое даследаванне партызанскага руху ў Заходняй Беларусі. Несумненнай заслугай пісьменніка з'явілася ўменне адысці ад стэрэатыпаў, але і не ўпасці ў маралізатарства, і тым самым даць чытачу магчымасць самому ацаніць падзеі, апісаныя ў рамане. Аб'ектыўнаму погляду аўтара спрыяе выкарыстанне архіўных дакументаў. Адною з галоўных вартасцей «Вайны» В. Локун і В. Русілка лічаць засяроджанасць У. В. Гніламедава на духоўна-маральнай праблематыцы: «Супастаўляючы дзве антынамічныя стыхіі жыцця – вайны і міру, аўтар, як і раней, засяроджваецца галоўным чынам на даследаванні прыроднай трываласці свету. Яго цікавіць не столькі супрацьстаянне гэтых дзвюх стыхій, колькі выяўленне духоўнай дамінанты свету. Гэта вызначае і галоўную канцэпцыю рамана» (с. 134). У той жа час, па іх трапным назіранні, падзеі вайны становяцца для У. В. Гніламедава крыніцай разважанняў пра асаблівасці нацыянальнага характару беларусаў: «Уменне выжываць ва ўмовах несвабоды і грамадскіх трагедый – гэта дамінанта духоўнага самавызначэння і сацыяльнай самарэалізацыі беларусаў як нацыі» (с. 136); «У рамане “Вайна” У. Гніламедаў даследуе важныя рысы нацыянальнага беларускага характару, што выявіліся ў крытычны для нацыі момант: трываласць, цярдлівасць, душэўнасць, ахвярнасць, пасіянанасць і саборнасць» (с. 143).

У рамане-хроніцы «Пасля вайны» знайшоў адлюстраванне каларыт пасляваеннага часу. В. Локун і В. Русілка адзначаюць, што малая падзейнасць раманняга сюжэта кампенсуецца ўвядзеннем у тэкст шырокага этнаграфічнага матэрыялу, майстэрскімі апісаннямі, дакладнымі псіхалагічнымі характарыстыкамі і нават лірычным эратызмам. Усё гэта дазваляе аўтарам зрабіць выснову, што ў раманах «Вайна» і «Пасля вайны» У. В. Гніламедаў істотна пашырае межы жанру сямейнай хронікі.

Сёмы раман «Праўда жыве пасярэдзіне», апублікаваны асобнай кнігай у 2022 г., апавядае пра жыццё Заходняй Беларусі ў 1950-я гг. Калі ў шасці папярэдніх раманах галоўнымі героямі былі Лявон Кужаль і яго прыёмны сын Васіль Платонаў, дык у сёмым на першы план выходзіць іх унук і сын Валодзя, чый вобраз мае цалкам аўтабіяграфічны характар. В. Русілка (другі суаўтар у 2016 г., на вялікі жаль, сышла з жыцця) лічыць, што ў гэтым творы, у параўнанні з раней напісанымі, дынаміка дзеянняў яшчэ больш зніжаецца, саступаючы месца ўспамінам аб прыватным жыцці чалавека, якія перарастаюць у біяграфію цэлага пакалення. Не без падставы яна бачыць у гэтым пэўнае падабенства рамана У. В. Гніламедава і эпапеі М. Пруста «У пошуках страчанага часу». Сапраўды, у абодвух творах аўтабіяграфічны матэрыял выступае ў якасці літаратурнага прыёму, які дазваляе пабудаваць новую мастацкую рэальнасць. Менавіта таму В. Русілка прыходзіць да пераканаўчай высновы: «Раман “Праўда жыве пасярэдзіне”, які па жанравых асаблівасцях значна адрозніваецца ад дэтэктыўна-сюжэтнага першага, насычаных гістарычнымі дакументамі наступных твораў ці востраканфліктных раманаў пра вайну і пасляваеннае дзесяцігоддзе, з'яўляецца новым словам пра беларуса ў кантэксце часу, і яркая вобразная сістэма твора – адзін з важнейшых складнікаў яго эстэтычнай вартасці» (с. 163).

Такім чынам, аналітычны агляд мастацкай творчасці У. В. Гніламедава напісаны так па-майстэрску, што чытач, яшчэ не знаёмы з творамі Уладзіміра Васільевіча, абавязкова пажадае іх прачытаць і будзе з нецярпеннем чакаць працягу, на які інтрыгуюча намякае В. Русілка.

Апошняя частка «Палескага дзівасілу» «Сакрэты мастацкага стылю» – лагічнае завяршэнне разважанняў аўтараў аб мастацкім метадзе У. В. Гніламедава, што вызначаецца імі як новы рэалізм і асаблівасці яго індывідуальна-аўтарскага стылю, сярод якіх найбольш істотнымі называюцца арыгінальная наратыўная стратэгія, аўтабіяграфізм і дакументалізм, майстэрства мастацкай дэталі і выкарыстання этнаграфічнага матэрыялу. Усё гэта разам узятая дазваляе пагадзіцца з тым, што «сямейна-гістарычная хроніка У. Гніламедава, у якой глыбока асэнсоўваецца беларускі нацыянальны характар у пераломныя моманты гісторыі, ужо стала самай значнай з’явай сучаснага літаратурнага працэсу і сведчаннем таго, што імкненне да рэалістычнай эпічнай маштабнасці – істотная тэндэнцыя развіцця сучаснай беларускай прозы» (с. 179).

У пасляслоўі да кнігі В. Русілка выказвае меркаванне, што ў першую чаргу яна будзе цікавая філолагам, але дазволіць сабе паспрачацца з аўтарам. Упэўненая, што «Палескі дзівасіл» будзе цікавы не толькі спецыялістам, але і далёкім ад навукі і адукацыі чытачам, тым, каго натхняе беларуская гісторыя, усім аматарам роднага слова, а таксама тым, хто проста марыць пазнаёміцца з выдатным чалавекам, нашым сучаснікам, якім, бяспрэчна, з’яўляецца У. В. Гніламедаў, няхай сабе гэтае знаёмства і будзе толькі завочным.

Пісаць пра сучаснікаў і сучаснасць складана, пісаць жа пра тых, да каго адчуваеш выразную цеплыню і глыбокую павагу, яшчэ складаней: лёгка аказацца суб’ектыўным, аднабаковым. Аднак аўтарам «Палескага дзівасілу» В. І. Локун і В. І. Русілка ўдалося ажыццявіць практычна немагчымае: распавесці пра Уладзіміра Васільевіча Гніламедава глыбока, аб’ектыўна, прачула, пераканаўча, не ўпадаючы ў славаслоўе, і распавесці так, што вобраз выдатнага вучонага і таленавітага пісьменніка не закланіў сабою вобраз цікавага, самабытнага чалавека, грамадзяніна, патрыёта, асобы, якая думае, мысліць, дзейнічае, стварае.

Информация об авторе

Развадовская Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: raznat2003@yandex.by

Information about the author

Natalia A. Razvadovskaya – Ph. D. (Philol.), Associate Professor of the Department of Belarusian and Foreign Literature. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., Minsk 220070, Belarus). E-mail: raznat2003@yandex.by

В. І. Русілка*Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Маішэрава, Віцебск, Беларусь***КНИГА, ЯКУЮ ХОЧАЦА ЧЫТАЦЬ І ПЕРАЧЫТВАЦЬ¹**

Ёсць асобы, ролю якіх у развіцці айчыннай, ды і сусветнай, літаратуры нельга пераацаніць. Да іх творчасці, як да жыватворнай крыніцы, пастаянна звяртаюцца і навукоўцы, і крытыкі, і чытачы. І ёсць добрыя, нават узнагароджаныя высокімі званнямі пісьменнікі, пра якіх літаратуразнаўцы напішуць адно-два манаграфічныя даследаванні (часцей тыя, хто збіраецца абараняць кандыдацкую дысертацыю) і страчваюць сваю ўвагу да іх. А навошта, калі ўсё ясна, калі спрэчак ніякіх, калі творчая індывідуальнасць па-за дынамікай літаратурнага працэсу і кнігі не цікавяць больш чытача (хіба пад прынукай школьнага настаўніка літаратуры?). Не буду называць прозвішчаў, каб нікога не пакрыўдзіць, але ж дасведчаны чытач і сам ведае, пра каго мы ахвотна пішам (як пра У. Караткевіча, В. Быкава, А. Разанава, да прыкладу), а пра каго ветліва маўчым.

Максім Танк яўна адносіцца да тых, чья дзейная прысутнасць у сучаснай літаратуры неаспрэчная. Ён сцвердзіў у беларускай паэзіі магутную і найбольш перспектыўную сёння стыльваю плынь, арыентаваную на агульнакультурную гуманістычную спадчыну, – інтэлектуальна-заглыбленае, асацыятыўна-ўмоўнае асэнсаванне жыцця ва ўсёй шматстайнасці яго праяў. Калі яшчэ гадоў дваццаць таму можна было пералічваць імёны наступнікаў (А. Вярцінскі, П. Макаль, А. Разанаў), то зараз большая частка паэзіі, асабліва маладой, развіваецца ў рэчышчы танкаўскай традыцыі (хоць можа, і не ўсведамляючы гэтага), падключаючыся да яе найперш праз верлібр і ўласціваю яму ўмоўную, сканцэнтраваную да знака вобразнасць, якая абуджае інтэлект чытача. Глобальныя культурныя працэсы, суцэльная і безальтэрнатыўная камп'ютарызацыя вымагаюць менавіта такой паэзіі.

Вядома, Максім Танк – гэта найперш верлібр, які, зазначым, быў уласцівы паэту яшчэ ў пачатку трыццатых гадоў мінулага стагоддзя. Аднак паэт абсалютна натуральна пачуваў сябе і ў класічным меладычным вершы, і ў “цвёрдай” форме санета, пасмейваючыся, праўда, з гэтай цвёрдасці (“Антысанет”), і ў паэтычным пераасэнсаванні фальклорных сюжэтаў, прыказак і прымавак. У вобліку паэта захапляе і ўражае маштабнасць і суладдзе духоўнага свету, у якім на роўных дэталі і высокая ідэя (“бусянка побач з Богам”), цесная зрошчанаць умоўна-абстрактнага і канкрэтна-рэчыўнага планаў, касмічнасць і адначасова заземленаць думкі. І яшчэ вельмі імпануе мяккі, дасціпны і інтэлігентны гумар і самаіронія, якой падсвечаны ці не кожны твор паэта. Шматграннасць творчай індывідуальнасці Максіма Танка і падпітвае, сілкуе нязменную ўвагу да яго паэтычных набыткаў: пра паэта напісаны сотні артыкулаў і ажно чатырнаццаць (!) манаграфій самых аўтарытэтных ў беларускім літаратуразнаўстве аўтараў: В. Рагойшы, М. Арочки, Дз. Бугаёва, У. Калесніка, А. Вераб'я і інш. Актуальнасць і сучаснасць танкаўскай паэзіі пацвярджаецца тым, што толькі за апошнія дзесяць гадоў пра яго выйшлі дзве змястоўныя, цікавыя і абсалютна не падобныя адна да адной кнігі С. Калядкі і Л. Дранько-Майсюка.

Асобнае месца ў пераліку даследаванняў творчасці Максіма Танка займаюць кнігі Міколы Мікуліча: “Максім Танк і сучасная беларуская лірыка” (1994), “Максім Танк: на скразняках стагоддзя” (1999), “Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка” (2001), “Максім Танк: талент, заручаны з небам” (2012). У кожнай з папярэдне выдадзеных кніг М. Мікулічу ўдавалася пазбегнуць паўтарэнняў, знаходзячы новы ракурс даследаванняў: у большай ступені звяртаючыся ці да тэк-

¹ Мікуліч, М. У. Максім Танк. Асоба, паэзія, лёс / М. Мікуліч; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў. – Мінск: Беларус. навука, 2023. – 499 с. У далейшым спасылкі на гэтае выданне з указаннем у дужках старонак.

стуальнага аналізу твораў, ці да вызначэння адметнасцей стылю паэта, ці да яго стылеўтваральнага ўплыву на творчасць сучасных беларускіх паэтаў. Як бачым, новая кніга М. Мікуліча – гэта яго пятае манаграфічнае даследаванне пра Максіма Танка, таму, ніколькі не сумняваючыся ў выключнай дасведчанасці і прафесіяналізме аўтара, адразу ж задаеш сабе пытанне: што новага можна было знайсці, што новага можна было сказаць? Уважлівае чытанне цікавай і змястоўнай кнігі пераконвае: вельмі многа новага і нават нечаканага. Але аб усім па парадку.

У першай з трох асноўных частак даследавання, названай удалай і дарэчнай цытатай з Максіма Танка “Растуць шляхі і крылы...”, М. Мікуліч з уласцівай яму глыбінёй і навуковай значнасцю аналізу прасочвае дынаміку станаўлення творчай асобы Максіма Танка, яго мастацкі вопыт на працягу розных жыццёвых этапаў у багатым кантэксце літаратурнага працэсу, уплыў паэта на развіццё нацыянальнага прыгожага пісьменства. Значнасць прадмета вызначае і аб’ём гэтай галоўнай часткі, якая дзеліцца на 12 раздзелаў, што ў храналагічнай паслядоўнасці прадстаўляюць чытачу асаблівасці фарміравання індывідуальнага стылю мастака. З першых старонак кнігі, нават яшчэ з уступу, уражваюць трапнасць, глыбіня і афарыстычнасць фармулёвак, якія тут жа хочацца цытаваць: творчасць М. Танка “вызначаецца арганічным спалучэннем маштабнасці гістарычнага мыслення, шырыні духоўна-сацыяльных абсягаў і пластыкі прадметнага аналізу, прыватнай канкрэтыкі з’яў і рэчаў... Індывідуальны стыль М. Танка сінтэзуе ў сабе адзнакі выразнага сілагічнага роздуму, аўталагічнага пісьма і яркіх умоўна-асацыятыўных карцін і малюнкаў, формаў унутрана сабранага, традыцыйнага верша і дольніка, верлібра, якія абумоўлены напружанымі пошукамі мастака ў галіне паэтычнай версіфікацыі. Яго развіццё забяспечвалі актыўны рух і абнаўленне паэтыкі, асаблівасці сімволіка-алегарычнага дыскурсу, лірыка-рамантычнай экспрэсіўнасці, насычанага рытміка-інтанацыйнага гучання верша” (с. 10).

Аднак жа высокі навуковы ўзровень даследавання ў манаграфіях М. Мікуліча не навіна, а звычайная з’ява. Што для мяне было новым, дык гэта яўная асабістая прысутнасць аўтара, лірызм у спалучэнні з акадэмізмам, уласцівы новай кнізе ўвогуле, непрыхаваная шчырая любоў да паэта, якая адчуваецца і тады, калі даследчык гаворыць пра М. Танка як пра цудоўнага чалавека, і ў падрабязным далікатным тэкстуальным аналізе твораў. Літаратуразнаўцы прывыклі лоўка разрываць верш на цытаты, выбіраючы сабе зручнае і не думваючы пра тое, што парушаюць мастацкую цэласнасць твора, што вобраз сам па сабе не існуе. У дачыненні да вершаў М. Танка гэта асабліва важна. М. Мікуліч не баіцца цытаваць творы цалкам, і гэта павышае пераканальнасць аналізу, павялічваючы разам з тым аб’ём кнігі (так, гаворка пра вядомы, класічны верш “Песня кулікоў” займае тры старонкі, хоць якраз гэты тэкст, у адрозненне ад іншых, не такіх вялікіх, падаецца ўсё ж з невялікімі скарачэннямі).

А ў дачыненні да хрэстаматыйнага “Ave, Maria” што ўжо новага можна было сказаць? Вопыт М. Мікуліча пераконвае: можна, калі прааналізаваць гэты верш у параўнанні з пазнейшым “Фудзіяма”. Ад такіх унутраных паралеляў даследаванне індывідуальнага стылю М. Танка толькі выйграе, а іх у кнізе нямала.

Разам з тым у асобных выпадках цытаванне выглядае празмерным. Так, справядліва адзначаючы “голую адналінейнасць” і “ружова-рамантычную апісальнасць” (с. 125) у вершы М. Танка “Мінула дзесяць год”, даследчык мог бы і не прыводзіць твор цалкам (32 радкі слабага тэксту ўсё ж, і так паверылі б).

Акрамя арыгінальнага тэкстуальнага аналізу вершаў, дасведчанага чытача зацікавіць і той факт, што эвалюцыя пісьменніка (трыццатыя гады мінулага стагоддзя, да прыкладу) падаецца не толькі на аснове пазнейшых манаграфій слыхных літаратуразнаўцаў, а з цытаваннем ацэнак, дарэчы, не заўсёды станоўчых, яго сучаснікаў. Калі б не М. Мікуліч, то я ды і многія нічога не ведалі б пра ацэнкі творчасці М. Танка ў артыкулах С. Каліны, А. Станкевіча, А. Бужанскага і інш. А такі падыход сведчыць пра вялікую архіўную працу аўтара манаграфіі, пра яго прафесіяналізм і дасведчанасць.

Надаючы немалую ўвагу станаўленню творчай індывідуальнасці М. Танка ў яго ўзаемаадносінах з польскай “Авангардай”, М. Мікуліч уступае ў навуковую палеміку з доктарам філалагічных навук Г. Тычко. Чытач сам вызначыць, які з пунктаў гледжання яму блізкі, я ж зазначу,

што аргументаваная палеміка заўсёды карысная як для абодвух бакоў, так і для літаратуразнаўства ў цэлым. Яе так не хапае нашым сучасным даследаванням.

Палемічны запал увогуле з’яўляецца адметнай рысай новай кнігі М. Мікуліча, аўтар шчыра імкнецца абараніць любімага пісьменніка ад неразумення і пустых папрокаў (палеміка з С. Хмарама, нязгода з А. Карпюком, Я. Брылём, Л. Арабей, якія папракалі М. Танка ў нерашучасці). Забягаючы наперад, скажу, што найбольш пераканальны і эмацыянальны М. Мікуліч у палеміцы з В. Адамчыкам, апублікаванай у трэцяй частцы кнігі. Як вядома, знаны прэзіік, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Беларусі ў сваіх дзённікавых запісах без ніякіх аргументацый і доказаў абвінавачіў знакамітага паэта ў тым, што ён нібыта спісаў свае “Лісткі календара”, дзённікавыя нататкі заходнебеларускага перыяду, з «Цатаеўскага віленскага “Slowa”», з публіцыстычных артыкулаў вядомага польскага публіцыста, гісторыка і грамадска-палітычнага дзеяча міжваеннага перыяду С. Цата-Мацкевіча. М. Мікуліч аргументавана і доказна аспрэчвае “сфармуляваны на ўзроўні нядобразычлівага падазрэння і толькі” папрок В. Адамчыка, палемізуе з пісьменнікам па іншых яго легкадумных выказваннях і заключэннях, якія зневажаюць асобу выдатнага паэта, грамадскага і дзяржаўнага дзеяча. Даследчык слухна адзначае, што мы сёння шмат гаворым пра захаванне гістарычнай памяці беларусаў, наогул памяці пра мінулае, праўду падзей і фактаў. Гістарычная памяць – гэта не толькі аснова нацыянальна-патрыятычнай адукацыі і духоўна-маральнага выхавання моладзі, але і ўсёй жыццядзейнасці народа. Захаванне светлай памяці пра Максіма Танка і ўсё зробленае ім для Беларусі і яе народа з’яўляецца нашым святым грамадзянскім абавязкам.

Безумоўную цікавасць выклікаюць падазненні даследчыкам удакладнення факты біяграфіі М. Танка, звесткі (у тым ліку і трагічныя) пра яго блізкіх і самога паэта як пра выключна сціплага і прыгожага душой чалавека. М. Мікуліч, які многія гады добра ведаў паэта і сябраваў з ім, мае права сказаць: “Думаецца, якраз сінтэз рэдкага чалавечага характару і яркага мастацкага таленту, а таксама ўнікальнай жыццёвай біяграфіі абумовіў вялікія творчыя здабыткі Максіма Танка” (с. 131).

Адзінаццаты раздзел першай часткі кнігі, “Максім Танк і сучасная беларуская паэзія”, стварае пераканальную панараму жывога літаратурнага працэсу, у якім уплыў класіка на сваёй творчасці адчуў ледзь не кожны з вядомых паэтаў, хто на ўзроўні тыпалагічнай блізкасці, хто – агульных стылістычных прыёмаў. Прааналізаваўшы творчасць не аднаго дзясятка беларускіх паэтаў, ад У. Караткевіча да зусім маладых В. Смолкі і В. Нікіценкі, М. Мікуліч мае права зрабіць вывад: “М. Танк з’яўляецца заснавальнікам у нашай нацыянальнай літаратуры сваёй духоўна-філасофскай школы, заканадаўцам у шмат якіх мастацка-стылявых і ўласна паэзіятворчых адносінах” (с. 223).

Шмат цікавых звестак змяшчае і самы асабісты, апошні раздзел першай часткі, які мае назву “Падчас сумоўя з паэтам”: што раскажаў М. Танк пра апошні дзень жыцця Янкі Купалы, пра заходнебеларускую рэчаіснасць, развагі пра беларускую мову. Сёння гэтыя звесткі толькі павялічваюць сваю каштоўнасць.

Зусім нечаканы аспект даследавання надае невялікая, але вельмі змястоўная другая частка, “У рускіх перакладах”, якая выяўляе высокую кваліфікацыю аўтара як перакладазнаўцу. Справа ў тым, што звычайна даследчыкі абмяжоўваюцца канстатацыяй факта перакладаў, іх пералікам. М. Мікуліч кваліфікавана і тонка аналізуе адпаведнасць перакладаў арыгінала, звяртаючы ўвагу як на ідэйна-вобразныя асаблівасці твораў, так і на іх рытміку, кампазіцыю, мелодыку, падтэкст. У полі зроку аўтара кнігі было больш за 50 перакладчыкаў. Пераканальна паказаны як удалыя пераклады (А. Пракоф’ева, Б. Ірыніна, У. Раждзественскага, В. Тараса і інш.), так і асобныя няўдачы такога вядомага перакладчыка, як Я. Хелемскі. І, безумоўна, цікава даведацца, як сам М. Танк ставіўся да гучання сваіх вершаў на рускай мове.

Змястоўнай і арыгінальнай атрымалася і трэцяя частка даследавання, якая мае назву “У варунках гісторыка-літаратурнага працэсу і грамадскага жыцця” і прысвечана грамадскай і прафесійнай дзейнасці М. Танка, яго ўзаемаадносінам з калегамі, настаўнікамі і школьнікамі, роднымі і блізкімі, нават выпадковымі малазнаёмымі людзьмі, якія нярэдка звярталіся да яго па дапамогу. Разнастайны фактычны матэрыял, размешчаны ў сямі раздзелах, дадае новыя цікавыя

і пазнавальныя штрыхі як да прывабнага вобліку М. Танка, які заўсёды адгукаўся на звароты да яго, так і да партрэтаў многіх вядомых беларускіх літаратараў (асабліва ўразлілі мяне старонкі пра таленавітага рускамоўнага паэта Ю. Фатнева). Багатае ліставанне (некаторыя лісты М. Танка, прыведзеныя М. Мікулічам, нават не ўвайшлі ў трынаццаты том збору твораў) робіць пераказанай неаднаразова паўтораную думку даследчыка аб чалавечнасці і ўнікальнай прыгажосці асобы паэта. Цікава, што тэксты падаюцца без скарачэнняў і з захаваннем аўтарскай, часам вельмі недасканалай, арфаграфіі, што ўзмацняе эфект гістарызму і сапраўднасці.

І на заканчэнне пра тое, пра што думаеш з першых секунд знаёмства з кнігай. Як жа прыгожа, дыхтоўна, з якой павагай да чытача і да прадмета даследавання яна выдадзена! Не часта сустрачэш такое сярод навуковых выданняў! Выдатная вокладка, якую робяць унікальнай фатаграфія падпісаных рукой М. Танка канвертаў з лістамі да М. Мікуліча, шматлікія ілюстрацыі, фотаздымкі з асабістых архіваў і з фондаў шматлікіх музеяў і сховішчаў, аўтограф завяшчання, малюнак рукі паэта, якая своеасабліва благаслаўляе кнігу ў свет... Нават за іменны паказчык, які робіць чытанне вялікай кнігі зручнейшым, чытач будзе аўтару ўдзячны. Похапкам гэтую маннаграфію не прачытаеш: 500 старонак вялікага фармату і якаснай паперы, таму трэба абавязкова сесці за рабочы стол, прывесці ў парадак думкі, уключыць камп'ютар ці ўзяць у рукі кнігу і атрымаць асалоду ад годнага твора таленавітага, выдатнага даследчыка пра вялікага нацыянальнага паэта, з якім ён сябраваў, якога глыбока паважае і любіць.

Информация об авторе

Русилко Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский пр., 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: rusilka@tut.by

Information about the author

Volga I. Rusilka – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature. Vitebsk State University named after P. M. Masherov (33 Maskouski Ave., Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: rusilka@tut.by

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
SCIENTISTS OF BELARUS

Паступіў у рэдакцыю 23.04.2024
Received 23.04.2024

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-260-264>

СЦЯПАН СЦЯПАНАВІЧ ЛАЎШУК
(Да 80-годдзя з дня нараджэння)

Кожны раз, калі прыходзіш у кабінет да Сцяпана Сцяпанавіча Лаўшука, у яго пад рукой на прасторным, дыхтоўным сталле, заваленым самымі рознымі матэрыяламі, ляжыць “дзяжурны” аркуш фармату А4, спісаны акуратным, роўным почыркам, які прынята называць уборыстым. Гэтае азначэнне ў нашым выпадку найбольш дарэчнае яшчэ і таму, што яго датычыцца не толькі самога почырку, але і думак, ім выкладаных: яны маюць насычаную канцэнтрацыю і чэпкасць логікі. Між тым філалогіі ў рацыянальнасці нярэдка адмаўляюць, абмяжоўваючы яе толькі эстэтычнай ацэначнасцю. Навуковыя працы С. С. Лаўшука даказваюць гарманічнае спалучэнне абодвух аспектаў – ratio і perceptio. Іх сімбіёз у выпадку сёлетняга юбіляра доўжыцца больш чым паўвека.

Нараджэнне С. С. Лаўшука прыпала на першае лета пасля нямецка-фашысцкай акупацыі яго роднага кута – 28 ліпеня 1944 г. У сям’і чыгуначнага майстра ў мястэчку Васілевічы з’явілася на свет пятае дзіця – сын, якога, як і бацьку, назвалі Сцяпанам.

Далей была школа – спярша сямігодка, затым сярэдняя школа № 2 г. Васілевічы, што цікава – рускамоўная. Хлопчыку вучылася лёгка. Ужо тады ён раскрыў свае шматгранныя задаткі. Разам з тым праявілася і цяга да прыгожага пісьменства. У вучнёўскай сценгазеце час ад часу сталі з’яўляцца яго вершы. Тым не менш навучанне на рускай мове не адварнула ад роднай. Таму на парозе самастойнага жыцця (атэстат сталасці быў атрыманы ў 1961 г.) асаблівых ваганняў хіба не было – толькі філалагічны факультэт.

У 1962 г. Сцяпан Сцяпанавіч становіцца студэнтам вядучай вышэйшай установы БССР – Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Не апошняя кропля пры выбары філалогіі стала сустрэча на старонках адносна новага літаратурнага часопіса “Малодосць” з прозаю тады пачынаючага пісьменніка-земляка, будучага акадэміка і народнага пісьменніка Івана Навуменкі. Гэты выпадак задаў пэўную лёсавызначальную арыенціроўку. Абраная спецыяльнасць – журналістыка. Неўзабаве студэнт асвойтаўся і адчуў, што яму больш па душы. У выніку ён перавёўся на аддзяленне беларускай мовы і літаратуры.

Заканчэнне Сцяпанам Сцяпанавічам БДУ прыпала на 1967 г. Выпускнік не пазарыўся на магчымасць лягчэйшага шляху працаўладкавання (напрыклад, у сталіцы, што для лепшых выпускнікоў, да якіх адносіўся і С. С. Лаўшук, не сталася б вялікай праблемай) і паехаў у глыбінку. Ён быў накіраваны на Палессе. Але не зусім у свой бок – трохі заходней, у Лунінецкі раён. Такая неабходнасць мелася на дзяржаўным узроўні. Але тое не прычыла тагачасным трэндам сярод моладзі, запачаткаваным Лабановічамі першай паловы ХХ ст. Там для настаўніка беларускай мовы і літаратуры роднымі сталі вёскі Лахва, Дзятлавічы і Бродніца.

Нягледзячы на тое, што маладому чалавеку вельмі палюбіліся мясціны, тым больш яго заўважлі і ён пачаў імкліва прасоўвацца па службовай лесвіцы (стаў намеснікам дырэктара

школы, пасля дырэктарам, рос па камсамольскай лініі), усё ж пераважылі ўнутранае жаданне да творчай самарэалізацыі і перадусім цяга да навуковых даследаванняў. Таму ў 1970 г. С. С. Лаўшук паступае ў аспірантуру Інстытута літаратуры Акадэміі навук БССР. Гэтае месца працы ён ужо не пакіне ніколі: пачаўшы з пасады малодшага навуковага супрацоўніка, дарасце да галоўнага, у працэсе займаючы ў тым ліку кіруючыя пасады.

Трохі парадаксальна сёння выглядае захопленасць правінцыяльнага паляшукцага нашчадка тэатральным дзействам. Але тое не павінна бянтэжыць: у тыя часы мастацтва Мельпамены пранікала ў самыя глухія куткі праз аматарскія (клубныя і школьныя) калектывы і – самае галоўнае – знаходзіла шчыры і гарачы водгук у сэрцах народных мас.

Таму і выбар тэмы дысертацыйнага даследавання абумоўліваўся з улікам душэўных прыярытэтаў. У выніку кандыдацкая дысертацыя пад назвай “Праблемы сучаснай беларускай драматургіі (канфлікты і характары)” была паспяхова абаронена ў 1974 г. – ужо на наступны год пасля заканчэння навучання ў аспірантуры, што з’яўляецца вельмі высокім паказчыкам.

Наколькі складана было праводзіць названае даследаванне, сведчыць факт адсутнасці ў беларускай літаратуразнаўчай навуцы даследчыкаў, якія б удзялялі сістэмнаю ўвагу такому сінкрэтычнаму роду мастацкай літаратуры, як драматургія. Але роля першапраходца не толькі не падохала даследчыка, а, напэўна, падштурхоўвала, каталізавала, клікала ісці наперад. Адсюль і няўрымслівасць, імпэт і валявая ўпартасць – рысы, якія адчуваюцца пры вывучэнні творчасці ўжо самога С. С. Лаўшука.

З першага артыкула (1972) малады даследчык абазначыў, што пайшоў шляхам вырашэння вострых праблем. Пра гэта сведчыць яго назва – «Большая проблема “малых театров”». Аўтар ставіў пытанне пра забеспячэнне самадзейных і правінцыяльных тэатральных калектываў рэпертуарам – і ў колькасным, і ў якасным аспектах.

Першы крок у навуковых выданнях быў зроблены на старонках акадэмічнага часопіса “Весці АН БССР” (1973, № 4). Знамянальна, што датычылася публікацыя (“Узмужненне жанру”) тэорыі бесканфліктнасці, рэшткі якой часам выяўляліся “ў творчай практыцы асобных драматургаў”. У артыкуле аналізуецца няпростая эвалюцыя камедыйнага жанру ў беларускай літаратуры, лепшыя здабыткі якой, як высвятляе аўтар, паставілі айчынную драматургію на сусветны ўзровень.

У далейшым даследчыцкія тэматычныя далягяды толькі пашыраліся. У поле зроку траплялі праблемы жанру, характараў і канфлікту, тэматыка і, натуральна, ідэйная інтэнцыянальнасць п’ес. Прычым як літаратуры класічнай (у першую чаргу творы Янкі Купалы і Кандрата Крапівы), так і актуальнага для пэўнага гістарычнага моманту мастацкага працэсу (п’есы Андрэя Макаёнка, Івана Мележа, Міколы Матукоўскага, Валянціна Зуба, Алеся Петрашкевіча і многіх іншых), драматургіі як прыгожага пісьменства, так і ўжо ўвасобленай на сцэне. Прычым праз аналітыку нават газетных публікацый С. С. Лаўшука праступае навуковая глыбіня, схільнасць да фундаментальных абагульненняў.

Галоўнае ж месца ў шэрагу некалькіх сот публікацый Сцяпана Сцяпанавіча займаюць, несумненна, яго навуковыя манаграфіі. Першай стала кніга на аснове дысертацыйнага даследавання “Сучасная беларуская драматургія”, якая ўбачыла свет у 1977 г. У той час і драматургія, і тэатр атрымалі вельмі інтэнсіўнае развіццё. Таму названая тэма стала запатрабаванай не толькі ў гуманітарных колах, але і грамадствам. Чаго варты тыраж – 2100 экзэмпляраў!

Такім чынам, станаўленне драматургазнаўца адбылося даволі імкліва і сведчыла ўжо тады пра з’яўленне ў гуманітарнай навуцы асобы таленавітай і неардынарнай, першыя працы кніжнага фармату сталі прадвеснікамі будучых буйных дасягненняў беларускай культуры. Дзякуючы перш за ўсё названай манаграфіі літаратара прымаюць у Саюз пісьменнікаў СССР (1982).

Новая кніга С. С. Лаўшука “Станаўленне беларускай савецкай драматургіі (20-я – пачатак 30-х гг.)” (1984) адлюстроўвала міжваенны перыяд, яркі, але і няпросты ва ўсіх сферах тагачаснага жыцця. Спецыялісты падкрэсліваюць, што даследаванне праведзена на вялікім фактычным матэрыяле, дзе побач з вядомымі імёнамі і творами прысутнічаюць папулярныя, але да таго часу прызабытыя ці зусім не заўважаныя. Такі шырокі кантэкст дапамог даследчыку прасачыць сувязь з папярэднім этапам развіцця айчыннай драматургіі і прадвызначыць шляхі яе далейшай эвалюцыі. Акрамя таго, паралельна разглядалася станаўленне нацыянальнага тэатра.

Прынцыпы, закладзеныя вучоным у першых фундаментальных манаграфіях, далей толькі развіталіся і разгортваліся, што адкрывала перспектыўныя шляхі да далейшых адкрыццяў і поспехаў.

Неўзабаве ў грамадскім жыцці насталі перамены. Натуральна, і для навукі адкрыліся новыя далягляды. Плён працы ў гэтым кірунку выліўся ў напісанне аглядавых і прысвечаных творчасці аднаго аўтара артыкулаў па гісторыі беларускай драматургіі для шматкніжнай “Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя” ў 4 тамах (6 кнігах) – фундаментальнага даследавання літаратурнага працэсу Беларусі мінулага стагоддзя (1999–2015). Дарэчы, ідэйным натхняльнікам і арганізатарам праекта, па ўнікальнасці якому няма аналагаў у культурных дыскурсах суседзяў, з’яўляўся таксама Сцяпан Сцяпанавіч.

На такім трывалым падмурку была падрыхтавана доктарская дысертацыя пад назвай “Беларуская драматургія XX стагоддзя: асноўныя праблемы развіцця”, паспяхова абароненая ў 1997 г.

Вынікам шматгадовай працы над гісторыяй беларускай драматургіі стала капітальная манаграфія “Гарызонты беларускай драматургіі” (2010). С. С. Лаўшук, пачынаючы ад самых вытокаў і заканчваючы пачаткам XXI ст., сістэматызаваў і канцэптуалізаваў станаўленне і развіццё аичинных п’ес. Іх абсяг дазваляе прадукаваць новыя ідэі і даследчыцкія адгалінаванні. Многія з іх знайшлі рэалізацыю ў дысертацыйных работах вучняў Сцяпана Сцяпанавіча і шматлікіх публікацыях.

Акрамя падагульняючых работ, С. С. Лаўшук рабіў адступленні ў творчасць паасобных аўтараў п’ес. Найбольшую ўвагу атрымаў Кандрат Крапіва. Яго п’есам прысвечана манаграфічнае даследаванне, якое перажыло тры выданні (1986, 2002, 2016) і ўрэшце пад назвай “Праз церні да брамы неўміручасці” стала галоўнай падставай для прысуджэння прэміі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі (2017).

За гады працы над гісторыяй беларускай драматургіі назапашваўся і тэарэтычны багаж. І. Штэйнер адзначае, што С. С. Лаўшук упершыню ў беларускім літаратуразнаўстве звяртаецца да тэорыі драмы, пры гэтым “імкнецца пазбегнуць (хоць гэта не заўсёды ўдаецца) сацыялагізацыі аналізу, у цэнтры ўвагі заўсёды пакідае феномен эстэтычнага выяўлення жыццёвых канфліктаў і асэнсаванне спецыфікі драматургічнага ўвасаблення індывидуальных характараў, спалучаючы ў адзінае цэлае праблемы і агульна-крытычны разгляд матэрыялу”. У выніку сістэматызацыі тэарэтычных роздумаў літаратуразнаўца таксама нарадзілася манаграфія “На драматургічных скрыжаваннях” (1989), дзе разглядаецца праблема спецыфікі эстэтычнага ўспрымання драматычных твораў чытачом і глядачом. С. С. Лаўшук аналізуе самыя розныя грані драматургічна-тэатральнага працэсу, не грэбуючы пры гэтым сацыялагічнымі падыходамі, дзе знаходзіцца месца як агульным даным, так і канкрэтным прыкладам. Несумненна, гэта работа адыграла важнейшую ролю ў свой час. Але яна па-ранейшаму застаецца прыкладам для пераймання, бо сёння падобных даследаванняў, відавочна, бракуе, што, зрэшты, і прадракалася самім аўтарам.

Калі ж апрача аднаасобна выкананых кніжных выданняў нагадаць зробленае С. С. Лаўшук у рамках калектыўнай працы, дык толькі частковы пералік выкліча і здзіўленне, і, адпаведна, павагу. Прычым праблемны абсяг выходзіць за рамкі беларускай праблематыкі і не абмяжоўваецца літаратуразнаўствам. Пералічым асноўныя выданні: “История белорусской советской литературы” (1977), “Беларуская літаратура і праблемы сучаснасці” (1978), “Гісторыя беларускай савецкай літаратуры” (у 2 ч., 1981–1982), “На парозе 1990-х” (1993), “Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей” (у 4 кн., 1993–1995), “Гісторыя беларускай літаратуры, XIX – пачатак XX ст.” (2-е выд., 1998), “Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў” (т. 2, 2007), «Тэатральная Беларусь» (т. 2, 2003), «Беларусы» (т. 13, «Тэатральнае мастацтва», 2012) і інш.

Як ацэнены вынікі літаратуразнаўча-даследчыцкай дзейнасці Сцяпана Сцяпанавіча? А гэта больш чым 300 навуковых публікацый, у тым ліку двухзначная лічба манаграфій. Зразумела, прынятымі ў навукова-адукацыйнай сферы рэгаліямі: у 1998 г. яму прысвоена званне прафесара, у 2004 г. – члена-карэспандэнта НАН Беларусі. У 2003 г. С. С. Лаўшук быў узнагароджаны знакам «Выдатнік друку Беларусі». Яшчэ праз год за вялікі ўклад у развіццё навукі і тэхнікі, паглыбленне даследаванняў у галіне фундаментальнай і прыкладной навукі, актыўную навукова-

арганізацыйную дзейнасць узнагароджаны ордэнам Францыска Скарыны. Не аднойчы вучоны быў узнагароджаны кіраўніцтвам Акадэміі навук за навуковую працу. Хаця Сцяпан Сцяпанавіч да падобнага ўшанавання адносіцца даволі спакойна, некаторымі ўзнагародамі ганарыцца і даражыць (ордэнам Францыска Скарыны, нагрудным знакам адрознення імя У. М. Ігнатоўскага Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, які быў прысуджаны ў 2021 г.). І гэта калі не лічыць паўтара дзясятка медалёў за грамадскую дзейнасць.

Пішучы пра навуковую і грамадскую дзейнасць С. С. Лаўшука, аўтары справядліва не прамінаюць вылучыць яго іпастась як арганізатара навукі і тэксталага. За дзясяткі гадоў прафесійнага жыцця ён працяглы час кіраваў калектывамі, якія стварылі фундаментальныя даследаванні, важныя для беларускай гуманітарнай навукі.

Такія здольнасці заўважаліся кіраўніцтвам Акадэміі навук. З 1995 па 2007 г. Сцяпан Сцяпанавіч працаваў загадчыкам аддзела сучаснай беларускай літаратуры і крытыкі, пры гэтым з 1998 г. паралельна займаў яшчэ пасаду намесніка дырэктара інстытута па навуковай рабоце Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы.

Калегі ведаюць, што Сцяпан Сцяпанавіч лічыць найлепшым помнікам для кожнага пісьменніка яго збор твораў. Таму і тут зроблена нямала. Дастаткова згадаць пералік шматтомных збораў твораў: А. Макаёнка (у 5 т., 1987–1990); Кандрата Крапівы (у 6 т., 1997–2004); Івана Навуменкі (у 10 т., 2012–2017). Акрамя таго, С. С. Лаўшуком быў падрыхтаваны ладны томік твораў У. Галубка (1983). Трэба адзначыць, што такім жа чынам быў узнагароджаны Міхайла Грамыка, “Родную пушчу” якога (1987) ніхто б іншы не ўзгадаў. Факт наяўнасці багатай драматургіі ў дакастрычнікі час яскрава адлюстраваны ў манаграфіі “Беларуская дакастрычніцкая драматургія” (1978). Тут асобна адзначым заслугу С. С. Лаўшука ў вяртанні з нябыту і больш даўніх імён і твораў (напрыклад, п’есы Міхала Цяцёрскага “Доктар па прымусу”, поўнага варыянта “Камедыі” Каятана Марашэўскага). Нельга не назваць выданні, адрасаваныя дзецям. Менавіта праз іх адкрылася наяўнасць у беларускай літаратуры багатай дзіцячай драматургіі: “П’есы” (1984), “Хлопчык у лесе” (1992), “Казкі для сцэны” (1995), “Цудоўная дудка” (1997) і інш. Шлях у друк п’ес для падростаючага пакалення быў пракладзены: з 1990-х гг. кнігі з імі сталі выдавацца рэгулярна. Тыя, хто вывучаў прафесійны шлях Сцяпана Сцяпанавіча, адзначаюць не толькі колькасць зробленага ў галіне тэксталагіі, але і шчырую любоў вучонага да роднай літаратуры, нацыянальнай драматургіі і яе творцаў, імкненне захаваць, зберагчы ўсё лепшае, створанае майстрамі мастацкага слова, незвычайны энтузіязм і самаадданасць.

З працы Сцяпана Сцяпанавіча як арганізатара навукі асобна можна вылучыць адгалінаванне мемарыялізацыі жыцця і дзейнасці выдатных вучоных, перадусім сваіх настаўнікаў і сяброў. Спачатку з’яўляліся асобныя артыкулы (пра Уладзіміра Няфёда, Васіля Івашына, Міхася Скрыпку, Івана Навуменку і інш.). Затым ініцыяваліся, укладаліся і часцей за ўсё рэдагаваліся самім С. С. Лаўшуком наступныя зборнікі ўспамінаў: “Жыццё не песціла мяне: успаміны пра Васіля Уладзіміравіча Івашына” (2013), “Дарыў святло сваёй душы людзям і Айчыне: успаміны пра Юльяна Сяргеевіча Пшыркова” (2015), “Летуценнасць і вялікія здзяйсненні: успаміны пра Івана Навуменку” (2017), “Скарбаў падземных шчаслівы шукальнік: успаміны пра Пятра Фёдаравіча Лысенку” (2023).

Пра дзейнасць Сцяпана Сцяпанавіча з нагоды яго ранейшых юбілеяў напісана ўжо нямала. Але толькі зрэдку нехта згадае пра такі важнейшы бок яго навуковага жыцця, як папулярызацыя дасягненняў беларускай навукі і культуры. У выніку ствараліся матэрыялы, якія пашыраліся па ўсёй Беларусі. Гэта, у прыватнасці, брашуры “З думкай пра сучасніка: Агляд сучаснай беларускай драматургіі” (1977), “Першы народны артыст БССР” (пра У. Галубка, 1982) і “Высокія арбіты грамадзянскасці” (пра А. Макаёнка, 1984). Важнай старонкай у біяграфіі С. Лаўшука з’яўляецца штогадовы ўдзел у навукова-асветніцкай экспедыцыі “Дарога да Святыняў”.

Адной з самых важных граней сацыяльнага жыцця Сцяпана Сцяпанавіча, несумненна, з’яўляецца педагогічная. Падрыхтоўку кадраў С. С. Лаўшук лічыць адным з прыярытэтных напрамкаў: кіраўніцтва кандыдацкімі дысертацыямі, работа намеснікам старшыні экспертнага савета № 7 ВАК Беларусі, членства ў саветах па абароне дысертацый пры Інстытуце літаратуразнаўства імя Янкі Купалы, прыём іспытаў у дзяржаўных экзаменацыйных камісіях. Многім

даследчыкам Сцяпан Сцяпанавіч даў пуцёўку ў навуковае жыццё. Толькі кандыдатаў філалагічных навук пры падтрымцы мэтра беларускай гуманітарыстыкі было падрыхтавана больш чым паўтара дзясятка.

Шмат часу на працягу 1990-х гг. С. С. Лаўшук прысвячаў студэнцкай аўдыторыі, перш за ўсё у alma mater. Акрамя таго, ён чытаў лекцыі па прадметах і вёў спецкурсы на малой радзіме – у ГДУ імя Францыска Скарыны, дзе таксама кіраваў дыпломнымі работамі, падрыхтаваў толькі для ГДУ трох кандыдатаў навук, у 1980-я гг. узначальваў кафедру беларускай літаратуры. Сёлетні юбіляр таксама прыклаў шмат намаганняў па стварэнні падручнікаў і навучальных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры для філалагічных факультэтаў.

Адзначаючы грамадска-палітычную іпастась вучонага, дырэктар Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі акадэмік А. І. Лакотка падкрэсліў, што С. С. Лаўшук шырока вядомы сваёй грамадскай дзейнасцю, у якой заўсёды праяўляў сябе чалавекам справядлівым, адказным, абавязковым і патрабавальным.

Сёння вучоны знаходзіцца ў выдатнай творчай форме. На падыходзе чарговя навуковыя выданні і новыя абароны вучняў. Усё зробленае дазваляе казаць пра літаратуразнаўчую школу, сфраміраваную і ўзгадаваную С. С. Лаўшуком, школу, якая будзе мець працяг у наступных дзесяцігоддзях і стагоддзях, даследчыках і пакаленнях. Таму пажадаем чым даўжэйшага разгортвання ланцуга ўборыстага почырку Сцяпана Сцяпанавіча, а таксама яго зямнога чалавечага і даследчыцкага веку.

А. В. Трафімчык

Інфармацыя аб аўторе

Трофимчик Анатолий Викторович – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: anatol1976@gmail.com

Information about the author

Anatolii V. Trophimchik – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: anatol1976@gmail.com